

8476
М. 42

Валерий Медведев
Капитан
СОВРИ-ГОЛОВА
или
36 и 9

Валерий Медведев

Капитан
соври-голова
или
36 и 9

Повести

Издательство
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
Москва — 1974

Р 2
М 42

Рисунки
С. КАЛАЧЕВА

М $\frac{70802-262}{М-105(03)74}$ 241—73

© Издательство «Советская Россия», 1974 г.

Баранкин, будь человеком!

36 событий
из жизни Юры Баранкина

КАК ХОРОШО, ЧТО МЫ ЛЮДИ!

Вы, конечно, согласны со мной? А вот школьник Юра Варанкин, про которого рассказывается в этой книжке, не сразу понял, как это важно и хорошо — быть человеком.

Мне очень нравится эта книжка, которую я читал еще тогда, когда она была не книгой, а только лишь рукописью, напечатавшей на машинке. Я не был знаком с автором, фамилия и имя Валерия Медведева мне ничего еще не говорили. Я не знал, молод он или стар, давно уже пишет или лишь ищет в литературу. Но чтение рукописи доставило мне огромное удовольствие. Я сразу почувствовал, что написал повесть литератор, наделенный надежным дарованием, обладающий живым знанием ребят, верным вкусом и художественным тактом. Правда, я сначала был несколько озадачен. Как это так?.. Действуют в повести ребята, очень похожие на тех, которых я постоянно встречаю, все случилось в наше время, когда мало кто верит в волшебные превращения... а герой вдруг, как говорится, за здорово живешь, превращается в воробья. А потом в бабочку. А после...

Нет! Я не буду вам заранее пересказывать содержание веселой, чудесной повести Валерия Медведева. Скажу только, что чем дальше вчитывался я, страница за страницей, в рукопись, тем больше она мне нравилась и тем убедительней для меня становилось все, что в ней происходило. Автор заставил меня без всяких натяжек поверить в те чудеса, которые совершаются с его героями.

— Так позвольте, значит, это сказка?! — скажут читатели.

А я сам не знаю... Может быть, и сказка. А вернее — очень правдивая сказочная повесть из жизни самых настоящих, не придуманных и не в тридевятом царстве, а рядом с нами живущих мальчишек. А если в этой повести и действует волшебник, то им является сам автор, молодой писатель Валерий Медведев. Это он искусно повернул к читателю

некоторые обыкновенные, всем знакомые вещи, дела и случаи такой стороной, что все засверкало по-новому, по-сказочному. А в волшебном свете сказки раскрылись вдруг многие немаловажные истины, которые не мешает постичь ребятам с самых малых лет. Например: как важно, как хорошо быть человеком! Привычное наставление старших, иной раз уже начинающее поднадоедать ребятам, неожиданно как бы раскрывает настежь двери, за которыми оживает подлинный смысл, заключенный в требовании: «Будь человеком!»

И герои повести Медведева, после всех превращений вернувшись к обычной и нормальной для них человеческой форме существования, словно бы заново постигли, какое это счастье — жить среди людей и самому быть человеком! Как хорошо иметь не крылья, не хвост, не четыре лапы, а две человеческие руки и десять пальцев, умеющих брать и давать, мастерить и драться, стискивать руку товарища и держать перо. Юра Баранкин вместе со своим приятелем по-новому порадовались человеческим возможностям. Они, наверное, теперь поняли, почему в одном из своих произведений Алексей Максимович Горький, всей душой веривший в людей писатель, сказал: «Человек — это звучит гордо!»

Вот об этом, может быть, для ребят впервые так осознанном, гордом счастье быть человеком и свидетельствуют полные озорной выдумки и смешных историй похождения Юры Баранкина и его друга. И получилась у Медведева книга веселая, жизнерадостная и человеколюбивая. Не побоюсь прибавить к этому, что за уморительно смешными злоключениями двух мальчишек читатель, если он не верхогляд, ощутит настоящую мудрость, почувствует серьезную идею, я бы даже сказал — философию книги. А много ли веселых и увлекающих ребят книг имеют свою философию, то есть глубокие мысли о жизни и месте человека в ней?

Не скрою, мне было приятно убедиться впоследствии, когда рукопись Валерия Медведева уже превратилась в тысячи и тысячи экземпляров напечатанной книжки, что я не ошибся в ней. Баранкина быстро полюбили в школах, библиотеках, пионерских отрядах. И теперь все эти читатели ждут от талантливого, любявшего его им писателя новых книг, таких же веселых и умных, таких же увлекательных и своеобразных, как «Баранкин, будь человеком!».

Верю, что Валерий Медведев не обманет эти ожидания.

Лев Кассиль

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

БАРАНКИН, К ДОСКЕ!

СОБЫТИЕ ПЕРВОЕ

Позор на всю школу!

Если бы я и Костя Малинин не умудрились получить двойки по геометрии в самом начале учебного года, то, может быть, ничего такого невероятного и фантастического в нашей жизни не приключилось бы, но двойки мы схлопотали, и поэтому на следующий день с нами случилось что-то невероятное, фантастическое и, можно сказать, сверхъестественное!..

На перемене, сразу же после этого злополучного события, Зинка Фокина, староста нашего класса, подошла к нам и сказала: «Ой, Баранкин и Малинин! Ой, какой позор! На всю школу позор!» Потом она собрала вокруг себя девчонок и стала с ними, судя по всему, составлять против нас с Костей какой-то заговор. Совещание продолжалось всю перемену, пока не прозвенел звонок к следующему уроку.

За это же время Алик Новиков, специальный фотокорреспондент нашей стенгазеты, сфотографировал нас Костей и со словами: «Двойка скачет! Двойка мчится!» — прилепил наши физиономии на газету, в раздел «Юмор и сатира».

После этого Эра Кузякина, главный редактор стенгазеты, посмотрела на нас уничтожающим взглядом и прошипела: «Эх, вы! Такую красивую газету испортили!»

Газета, которую, по словам Кузякиной, испортили мы с Костей, выглядела действительно очень красиво. Она была вся раскрашена разноцветными красками, на самом видном месте от края до края был выведен яркими буквами лозунг: «Учиться только на «хорошо» и «отлично»!»

Честно говоря, наши мрачные физиономии типичных

двоечников действительно как-то не вязались с ее нарядным и праздничным видом. Я даже не выдержал и послал Эрка записку:

«Кузякина! Предлагаю снять наши карточки, чтобы газета была опять красивой! Или, в крайнем случае, зачеркнуть лозунг!»

Слово «красивой» я подчеркнул двумя жирными линиями, а «зачеркнуть лозунг» — тремя, но Эрка только передернула плечами и даже не посмотрела в мою сторону... Подумаешь!..

СОБЫТИЕ ВТОРОЕ

Не дают даже опомниться...

Как только прозвенел звонок с последнего урока, ребята гурьбой ринулись к дверям. Я уже собирался толкнуть дверь плечом, но Эрка Кузякина успела каким-то образом встать на моем пути.

— Не расходиться! Не расходиться! Будет общее собрание! — закричала она и добавила ехидным тоном: — Посвященное Баранкину и Малинину!

— И никакого не собрание, — крикнула Зинка Фокина, — а разговор! Очень серьезный разговор!.. Садитесь на места!..

Что здесь началось! Все ребята стали возмущаться, хлопать партами, ругать нас с Костей и кричать, что они ни за что не останутся. Мы с Костей вопили, конечно, больше всех. Это еще что за порядки? Не успели, можно сказать, получить двойки, и на тебе — сразу же общее собрание, ну, не собрание, так «серьезный разговор»... Еще неизвестно, что хуже. В прошлом учебном году этого не было. То есть двойки у нас с Костей и в прошлом году тоже были, но никто не устраивал из этого никакого пожара. Прорабатывали, конечно, но не так, не сразу... Давали, как говорится, опомниться... Пока такие мысли мелькали у меня в голове, староста нашего класса Фокина и главный редактор стенгазеты Кузякина успели «подавить бунт» и заставили всех ребят сесть на свои места. Когда шум постепенно затих и в классе наступила относительная тишина, Зинка Фокина сразу же начала собрание, то есть «серьезный разговор», посвященный мне и моему лучшему другу.

Мне, конечно, очень неприятно вспоминать, что говорили о нас с Костей Зинка Фокина и остальные наши товарищи на том собрании, и, несмотря на это, я расскажу все так, как было на самом деле, не искажая ни одного слова и ничего не прибавляя от себя...

СОБЫТИЕ ТРЕТЬЕ

Как в опере, получается...

Когда все расселись и в классе наступило временное затишье, Зинка Фокина закричала:

— Ой, ребята! Это просто какое-то несчастье! Новый учебный год еще не успел начаться, а Баранкин и Малинин уже успели получить две двойки!..

В классе снова поднялся ужасный шум, но отдельные выкрики, конечно, можно было разобрать.

— В таких условиях я отказываюсь быть главным редактором стенгазеты! (Это сказала Эрка Кузякина.)

— А еще слово давали, что исправятся! (Мишка Яковлев.)

— Трутни несчастные! В прошлом году с ними нянчились, и опять все сначала! (Алик Новиков.)

— Вызвать родителей! (Нина Семенова.)

— Только класс наш позорят! (Ирка Пухова.)

— Решили все заниматься на «хорошо» и «отлично», и вот вам, пожалуйста! (Элла Синицина.)

— Позор Баранкину и Малинину!! (Нинка и Ирка вместе.)

— Да выгнать их из нашей школы, и все!!! (Эрка Кузякина.)

«Ладно, Эрка, я тебе припомню эту фразу».

После этих слов все заорали в один голос, да так громко, что нам с Костей уже совершенно было невозможно разобрать, кто и что о нас думает, хотя из отдельных слов можно было уловить, что мы с Костей Малининым — оболтусы, тунеядцы, трутни! Еще раз трутни, оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!..

Меня и Костю больше всего разозлило, что громче всех орал Венька Смирнов. Уж чья бы корова, как говорится, мычала, а его бы молчала. У этого Веньки успеваемость в прошлом году была еще хуже, чем у нас с Костей. Поэтому я не выдержал и тоже закричал.

— Рыжий, — закричал я на Веньку Смирнова, — а ты-

то чего орешь громче всех? Если бы первым вызвали тебя к доске, ты бы не двойку, а единицу схлопотал! Так что молчи в тряпочку.

— Эх ты, Баранкин, — заорал на меня Венька Смирнов, — я же не против тебя, я за тебя ору! Я что хочу сказать, ребята!.. Я говорю: нельзя после каникул так сразу вызывать к доске. Надо, чтобы мы сначала пришли в себя после каникул...

— Смирнов! — крикнула на Веньку Зинка Фокина.

— И вообще, — продолжал кричать на весь класс Венька, — предлагаю, чтобы в течение первого месяца никому не задавали никаких вопросов и вообще не вызывали к доске!..

— Так ты эти слова ори отдельно, — крикнул я Веньке, — а не со всеми вместе!..

Здесь опять все ребята закричали в один голос и так громко, что уже нельзя было разобрать ни одного слова и вообще было невозможно понять, кто с Венькиным предложением согласен, а кто против.

— Ой, тише, ребята, — сказала Фокина, — замолчите! Пусть говорит Баранкин!

— А что говорить? — сказал я. — Мы с Костей не виноваты, что Михаил Михалыч в этом учебном году вызвал нас к доске первыми. Спросил бы сначала кого-нибудь из отличников, например Мишку Яковлева, и все началось бы с пятерки...

Все стали шуметь и смеяться, а Фокина сказала:

— Ты бы, Баранкин, лучше не острил, а брал пример с Миши Яковлева.

— Подумаешь, какой пример-министр! — сказал я не очень громко, но так, чтобы все слышали.

Ребята опять засмеялись. Зинка Фокина заойкала, а Эрка покачала головой, как большая, и сказала:

— Баранкин! Ты лучше скажи, когда вы с Малининым исправите свои двойки?

— Малинин! — сказал я Косте. — Разъясни...

— Вот пристали! — сказал Малинин. — Да исправим мы ваши двойки... то есть наши двойки...

— Когда?

— Юра, когда мы исправим двойки? — спросил меня Костя.

— А ты, Малинин, своей головы на плечах не имеешь? — закричала Кузякина.

— В четверти исправим, — сказал я твердым голосом, чтобы внести окончательную ясность в этот вопрос.

— Ребята! Это что же получается? Значит, наш класс должен всю четверть переживать эти несчастные двойки! — всполошилась Кузякина.

— Баранкин! — сказала Зинка Фокина. — Класс постановил, чтобы вы исправили двойки завтра!

— Извините, пожалуйста! — возмутился я. — Завтра воскресенье!

— Ничего, позанимаетесь! (Миша Яковлев.)

— Так им и надо! (Алик Новиков.)

— Привязать их веревками к партам! (Эрка Кузякина.)

— А если мы не понимаем с Костей решение задачи? (Это сказал уже я.)

— А я вам объясню! (Миша Яковлев.)

Мы с Костей переглянулись и ничего не сказали.

— Молчание — знак согласия! — сказала Зинка Фокина. — Значит, договорились на воскресенье! Утром позанимаетесь с Яковлевым, а потом придете в школьный сад — будем сажать деревья!

— Что? — заорали мы с Костей в один голос. — Еще и деревья сажать?... Да мы же... мы же устанем после занятий!

— Физический труд, — сказал главный редактор нашей стенгазеты, — лучший отдых после умственной работы.

— Это что же получается, — сказал я, — значит как в опере, получается... «Ни сна, ни отдыха измученной душе!..»

— Алик! — сказала староста нашего класса. — Смотри, чтобы они не сбежали!..

— Не сбегут! — сказал Алик. — Сделайте веселое лицо! У меня разговор короткий! В случае чего... — Алик навел фотоаппарат на нас с Костей. — И подпись...

СОВЫТИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

(Очень важное!)

А если я устал быть человеком?!

Ребята, переговариваясь, выходили из класса, а мы с Костей все еще продолжали сидеть за партой и молчать. Признаться, мы оба были просто, как говорится, ошараше-

ны. Я уже говорил, что раньше нам тоже приходилось получать двойки, и не раз, но никогда еще наши ребята не брали нас с Костей в самом начале года в такой оборот, как и эту субботу.

Я думал, что мы с Костей остались в классе совсем одни, и хотел уже поделиться с ним своими мрачными мыслями, но в это время сбоку ко мне подошла вдруг Зинка Фокина.

— Юра! — сказала Зинка Фокина. (Вот странно! Раньше она всегда называла меня только по фамилии.) — Юра... Ну будь человеком!.. Ну исправь завтра двойку! Ну исправь!

Она говорила со мной так, словно мы были в классе совсем одни. Словно рядом со мной не сидел мой лучший друг Костя Малинин.

— Фокина! — сказал я официальным голосом. — Если бы я был некультурный, я бы тебе сказал: «Не приставай!..»

Фокина (*возмущенно*). С тобой совершенно невозможно разговаривать по-человечески!

Я (*хладнокровно*). Ну и не разговаривай!

Фокина (*еще возмущенней*). И не буду!

Я (*еще хладнокровней*). А сама разговариваешь!..

Фокина (*возмущенней в тысячу раз*). Потому что я хочу, чтобы ты стал человеком!

— А я что, не человек, что ли?

— Нет, Юра! — сказала Фокина серьезно. — Я хочу, чтобы ты стал человеком в полном смысле этого слова!

— А если я устал... Устал быть человеком! Тогда что?

— Как это устал? — спросила Фокина изумленным голосом.

— А вот так! Вот так! — возмущенно закричал я на Фокину. — Устал, и все! Устал быть человеком!.. Устал! В полном смысле этого слова!

Зинка Фокина так растерялась, что просто не знала, что мне сказать. Она стояла молча и только часто-часто моргала глазами. Я боялся, вдруг она разнюнится. Но Зинка не разнюнилась, а как-то вся переменялась и сказала:

— Ну, Баранкин! Знаешь, Баранкин!.. Все, Баранкин!.. — и вышла из класса.

А я снова остался сидеть за партой, молча сидеть и думать о том, как действительно я устал быть человеком...

Уже устал... А впереди еще целая человеческая жизнь и такой тяжелый учебный год... А завтра еще такое тяжелое воскресенье!..

СОБЫТИЕ ПЯТОЕ

Лопаты все-таки вручают... И Мишка вот-вот появится

И вот то воскресенье наступило! На папином календаре число и буквы раскрашены веселой розовой краской. У всех ребят из нашего дома праздник. Идут кто в кино, кто на футбол, кто по своим личным делам, а мы сидим во дворе на лавочке и ждем Мишку Яковлева, чтобы начать с ним заниматься.

В будние дни учиться тоже небольшое удовольствие, но заниматься в выходной день, когда все отдыхают, — просто одно мучение. На дворе, как назло, замечательная погода. На небе ни облачка, а солнце греет совсем по-летнему.

С утра, когда я проснулся и выглянул на улицу, все небо было в тучах. За окном свистел ветер и срывал с деревьев желтые листья.

Я обрадовался. Думал, пойдет град с голубиное яйцо, Мишка побоится выйти на улицу, и наши занятия не состоятся. Если не град, то, может быть, ветер надует снег или дождь. Мишка с его характером, конечно, и в снег и в дождь притащится, зато в слякоть будет не так обидно сидеть дома и корпеть над учебниками. Пока я составлял в голове разные планы, все получилось наоборот. Тучи сначала превратились в облака, а потом совсем исчезли. А к приходу Кости Малинина погода вообще разгулялась, и теперь на дворе солнце и небо чистое-чистое. И воздух не шевелится. Тихо. Так тихо, что с березы, под которой мы сидим с Костей, даже перестали падать желтые листья.

— Эй вы, подберезовики! — раздался из окна нашей квартиры мамин голос. — Вы пойдете в конце концов заниматься или нет?

Этот вопрос она задавала нам пятый или шестой раз.

— Мы ждем Яковлева!

— А разве без Яковлева начать нельзя?

— Нельзя! — сказали мы с Костей в один голос и отвернулись от окошка и стали смотреть сквозь кусты акаций на калитку, из которой должен был появиться Мишка.

Но Мишки все не было. Вместо него за калиткой маячил, то и дело высываясь из-за дерева, Алик Новиков. Он был, как всегда, весь увешан фотоаппаратами и всякими фотопринадлежностями. Я, конечно, не мог смотреть спокойно на того шпиона и поэтому отвел взгляд в сторону.

— Воскресенье называется! — сказал я, стиснув зубы.

В это время к Алику подошла Зинка Фокина; на плече она несла четыре лопаты, под мышкой у нее была зажата какая-то картонная коробка, а в левой руке сачок для ловли бабочек.

Алик сфотографировал Зинку с лопатами на плече, и они вместе направились к нам. Я думал, что Алик взвалит теперь лопаты на свои плечи, но этого почему-то не случилось. Все четыре лопаты продолжала тащить Зинка Фокина, а Алик продолжал держаться обеими руками за фотоаппарат, который висел у него на шее.

— Эй Вы, Фото-Граф, — сказал я Алику, когда они вместе с Зинкой приблизились к скамейке. — Кажется, эти лопаты Вам не по плечу, Ваше Проявительство!

— Зато они будут по плечу вам с Костей, — сказал, ничуть не смутившись, Алик Новиков, наводя аппарат на нас с Костей. — И подпись: староста класса З. Фокина торжественно вручает хозинвентарь своим соотечественникам...

Зинка Фокина прислонила лопаты к сиденью скамейки, а Алик Новиков щелкнул фотоаппаратом.

— Да, — сказал я, внимательно разглядывая лопаты. — Как в журнале «Костер» получается...

— Что это еще получается? — спросила меня Фокина.

— Загадочная картинка, — пояснил я.

— Понимаю, — сказал Алик, — где у этой лопаты ручка?

— Нет, — сказал я Алику. — Где мальчик, который будет работать этой лопатой?..

— Баранкин! — возмутилась Зина Фокина. — Ты что, не собираешься сегодня озеленять школу?

— Почему это я не собираюсь? — ответил я Зинке. — Собираться я собираюсь... Только неизвестно, сколько времени я буду собираться...

— Баранкин, будь человеком! — сказала Фокина.

Она хотела сказать нам с Костей что-то еще, но раздумала, повернулась и с лопатой на плече молча зашагала по направлению к школе.

Алик Новиков снова занял свой пост у калитки за дере-

вом. Костя помрачнел еще больше и уставился на лопаты; он смотрел на них как загипнотизированный, а я наоборот: я пытался на этот «инвентарь» не обращать никакого внимания. Стараясь изо всех сил казаться веселым, я стал смотреть на деревья, даже не догадываясь о том, что до невероятных, фантастических и, можно сказать, сверхъестественных событий, которые развернутся в нашем дворе, остается совсем немного времени...

СОБЫТИЕ ШЕСТОЕ

*Семь выходных дней в неделе —
вот что поразило мое воображение!*

В кустах громко чирикали воробьи. Веселыми компаниями они то и дело срывались с веток, перелетая с дерева на дерево, на лету их стайки то сжимались, то растягивались. Было похоже, будто все воробьи были связаны между собой резиновыми нитями.

Перед самым моим носом в воздухе беззаботно летала какая-то мошкара. Над клумбой порхали бабочки. На скамейке, на которой мы сидели с Костей, бегали черненькие муравьи. Один муравей даже залез мне на колено и стал греться на солнышке.

«Вот у кого, вероятно, каждый день воскресенье!» — подумал я, с завистью глядя на воробьев. Не сводя глаз с акации, я стал, наверное, в двести пятидесятый раз сравнивать свою жизнь и жизнь воробьев и пришел к очень печальному заключению. Достаточно было взглянуть один раз, чтобы убедиться, что жизнь птиц и разных насекомых была беззаботной и просто замечательной: никто из них никого не ждал, никто ничему не учился, никого никуда не посылали, никому не читали нотации, никому не давали в руки лопаты... Каждый жил сам по себе и делал все, что ему вздумается. И так всю жизнь! Все дни раскрашены розовой краской! Все время — праздник! Семь дней в неделе — и все воскресенья! А у нас с Малининым один выходной в семь дней, и то разве это выходной день? Так, только одно название. А хорошо бы пожить хоть один денечек вот так, как живут эти счастливые мураши, или воробьи, или бабочки, только чтобы не слышать этих глаголов, которые с утра до вечера так и сыплются на твою несчастную голову: просыпайся, одевайся, пойдя, принеси, отнеси, купи, подмети, по-

мни, выучи! В школе тоже не легче. Стоит мне появиться в классе, только я и слышу от Фокиной:

«Ой, Баранкин, будь человеком! Не вертись, не списывай, не груби, не опаздывай!..» И так далее, и тому подобно...

В школе будь человеком!

На улице будь человеком!

Дома будь человеком!

А отдыхать когда же?!

И где взять время для отдыха? Немного свободного времени еще, конечно, можно выкроить, а вот где найти для отдыха такое местечко, чтобы тебе абсолютно никто не мешал заниматься всем, что твоей душе угодно? И здесь мне пришла в голову та невероятная идея, которую я уже давно тайно от всех вынашивал в своей голове. А что, если взять и попытаться ее о-су-ществ-ить! Осуществить сегодня же! Сейчас! Более подходящей минуты, может быть, больше никогда и не будет, и более подходящей обстановки и настроения тоже, может быть, никогда не будет!.. Сначала надо обо всем рассказать Косте Малинину. А может быть, не стоит?.. Нет, стоит! Расскажу! А там будь что будет!

— Малинин! — сказал я шепотом. — Слушай меня, Малинин!.. — От волнения я чуть было не задохнулся. — Слушай!

Конечно, если бы мне не нужно было в этот выходной день заниматься, а потом еще и работать в школьном саду, то я, может быть, никогда бы не поделился с Костей своим невероятным и неслыханным замыслом, но двойка, краснелившаяся в моем дневнике, и лопата, прислонившаяся ко мне своим черенком, переполнили, как говорится, чашу моего терпения, и я решил действовать.

СОБЫТИЕ СЕДЬМОЕ

Единственная в мире инструкция

Я еще раз взглянул на окна нашей квартиры, на небо, на воробьев, на калитку, из которой вот-вот должен был появиться Мишка Яковлев, и сказал по-настоящему взволнованным голосом:

— Костя! А ты знаешь, что утверждает моя мама?!

— Что? — спросил Костя.

— Моя мама утверждает, — сказал я, — что если по-настоящему захотеть, то даже курносый нос может превратиться в орлиный!

— В орлиный? — переспросил Костя Малинин и, не понимая, к чему это я говорю, уставился в стену нашего дома, на которой было написано мелом:

БАРАНКИН ФАНТАЗЕР НЕСЧАСТНЫЙ!!!

— В орлиный! — подтвердил я. — Но только, если захотеть по-настоящему.

Малинин отвел свой взгляд от забора и недоверчиво посмотрел на мой нос.

Мой профиль был полной противоположностью орлиного. Я был курносый. По выражению моей мамы, я настолько курнос, что через дырочки моего задранного кверху носа можно разглядеть, о чем я думаю.

— Так что же ты ходишь с таким носом, если он может у тебя превратиться в орлиный? — спросил Костя Малинин.

— Да я не о носе, дуралей!

— А о чем? — все еще не понимал Костя.

— А о том, что, если по-настоящему захотеть, значит, можно из человека превратиться, к примеру, в воробья...

— Это зачем же нам превращаться, к примеру, в воробьев? — спросил Костя Малинин, глядя на меня как на нормального.

— Как — зачем? Превратимся в воробьев и хоть одно воскресенье проведем по-человечески!

— А как это — по-человечески? — спросил ошеломленный Малинин.

— По-человечески — значит по-настоящему, — пояснил я. — Устроим себе настоящий выходной день и отдохнем как полагается от этой арифметики, от Мишки Яковлева... от всего на свете отдохнем. Конечно, если ты не устал быть человеком, тогда можешь не превращаться — сиди и жди Мишку...

— Как это — не устал? Я очень даже устал быть человеком! — сказал Костя. — Может, побольше твоего устал!..

— Ну вот! Вот это по-товарищески!

И я с еще большим увлечением стал расписывать Косте Малинину ту жизнь, без всяких забот и хлопот, которая, по моему мнению, ожидала нас, если бы нам удалось каким-то образом превратиться в воробьев.

— Вот здорово, — сказал Костя. — Вдох — выдох!
— Конечно, здорово! — сказал я.
— Подожди! — сказал Костя. — А как же мы с тобой будем превращаться? По какой системе?

— Не читал, что ли, в сказках: «Стукнулся об землю и превратился Иванушка в орла быстрокрылого... Стукнулся еще раз об землю и превратился...»

— Слушай, Юрка, — сказал мне Костя Малинин, — а что обязательно — стукаться об землю?..

— Можно и не стукаться, — сказал я, — можно и при помощи настоящего желания и волшебных слов...

— А где же мы с тобой возьмем волшебные слова? Из старой сказки, что ли?

— Зачем — из сказки? Я сам придумал. Вот... — Я протянул Косте тетрадь, тетрадь, которую еще никто не видел на свете, кроме меня.

— «Как превратиться из человека в воробья по системе Баранкина. Инструкция», — прочитал Костя шепотом надпись на обложке тетради и перевернул первую страницу...

СОБЫТИЕ ВОСЬМОЕ

«Не хочу учиться, хочу быть птицей!...»

— «Не хочу учиться, хочу быть птицей!...» А это что, стихи, что ли? — спросил меня Костя.

— Не стихи, а заклинание. В рифму... — пояснил я. — В сказках так всегда полагается. Читал в «Снежной королеве»? Снип-снап-снур-ре-пурре-базелюрре...

— «Я уверен, без забот воробей живет! Вот я! Вот я...» А дальше неразборчиво...

— Чего неразборчиво? — сказал я. — «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!...»

— Складно получается! — сказал Костя.

— Всю ночь не спал, — сказал я шепотом, чтобы нас с Костей кто-нибудь не подслушал.

— А что ж мы с тобой теряем время? — крикнул Малинин. — Давай скорее превращаться, пока Мишка Яковлев не пришел!

— Ты какой-то чудак, Малинин! Как это — скорей?

Может, у нас с тобой еще ничего не получится, а ты уже радуешься да еще орешь на весь двор!

— Ну и что?

— Как это — ну и что! Дело таинственное, можно сказать, непроверенное. Кто-нибудь подслушает — потом смеяться будут, если у нас ничего не выйдет.

— Ты же сам говорил, что если есть волшебные слова да еще если захотеть по-настоящему, то обязательно выйдет! — сказал Костя шепотом.

— Конечно, выйдет, если захотеть по-настоящему! А вот как это — захотеть по-настоящему? Вот в чем загадка! — прошептал я. — Ты, Костя, в жизни чего-нибудь хотел по-настоящему?

— Не знаю, — тихо сказал Костя.

— Ну вот! А говоришь — скорей! Это тебе не двойку в тройку превращать. Здесь, брат, двух человек надо превратить в воробьев. Вот какая задача!

— А зачем — в воробьев? В бабочек, я думаю, легче.

— Зачем же в бабочек? Бабочки — насекомые, а воробьи — это как-никак птицы. На прошлом уроке мы как раз проходили воробьев. Ты в это время, правда, постороннюю книгу читал.

— Верно. Я про воробьев не слушал.

— Ну вот, а я слушал. Нина Николаевна нам целый час рассказывала о воробьях. Знаешь, какая у них замечательная жизнь?

— В воробьев так в воробьев! — сдался Костя Малинин. — Я в драмкружке в «Снежной королеве» вбрана играл, мне в воробья будет даже легче превращаться. Давай скорее!

— Тебе бы только скорее! Сначала надо хоть немного потренироваться, — сказал я, забираясь с ногами на лавочку.

Присев на корточки, как воробей, я втянул голову в плечи и заложил руки за спину, словно крылья.

— Похоже! — сказал Костя, повторяя за мной все движения. — Чик-чирик!

— Ну вот что! — сказал я. — Тренироваться так тренироваться, а раньше времени чирикать нечего. Давай лучше отработаем воробынью походку.

Сидя на корточках, мы стали прыгать по лавочке и чуть не свалились на землю.

— Тяжело! — сознался Костя, для равновесия размахивая руками, как крыльями.

— Ничего, — успокоил я Малинина, — когда мы станем настоящими воробьями, прыгать будет легче.

Костя хотел еще немного попрыгать, но я ему сказал, что тренировка окончена и что теперь мы переходим к самому главному — к превращению человека Малинина и человека Баранкина в воробьев.

— Замри! — скомандовал я Косте Малинину.

— Замер!

— Сосредоточься!

— Сосредоточился! — ответил Костя.

— А теперь по команде, мысленно, как говорится, в своем воображении, начинай превращаться в воробья! Понятно?

— Понятно!

— Если понятно, тогда к превращению из человека в воробья приготовились!

— Приготовились!

— Начали!

— Начали!

Я зажмурил глаза, напрягся и, мысленно повторяя слова заклинания, начал изо всех сил мысленно, в своем воображении, превращаться в воробья, сомневаясь про себя в том, что у меня хватит настоящего желания и настоящих сил, необходимых для такого неслыханного и невиданного и, можно сказать, сверхъестественного задания...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЧИК-ЧИРИК!

ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА!

СОБЫТИЕ ДЕВЯТОЕ

Стоит захотеть по-настоящему и...

Сказать по правде, у меня всю жизнь часто возникали в голове всякие трудноосуществимые желания и фантазии.

Одно время я, например, мечтал изобрести такой аппарат, с помощью которого можно было бы у любого человека на расстоянии отключить голос. По моим расчетам, этот аппарат (я его назвал ТИХОФОН БЮ-1 — отключатель голоса по системе Баранкина) должен был действовать так: предположим, сегодня на уроке учитель рассказывает нам о чем-нибудь неинтересном и тем самым мешает мне, Баранкину, думать о чем-нибудь интересном; я щелкаю в кармане выключателем тихофона, и голос учителя исчезает. У кого такого аппарата нет, те продолжают слушать, а я в тишине спокойно занимаюсь своим делом.

Другой пример: я вхожу утром в класс. Зинка Фокина налетает на меня и тут же начинает читать мне нотацию; я спокойно щелкаю в кармане рычажком и выключаю голос Фокиной на весь день...

Мне очень хотелось изобрести такой аппарат, но дальше названия у меня почему-то дело не пошло, может быть, потому, что я не по-настоящему хотел изобрести такой аппарат?

Или вот в прошлом году, в последний день летних каникул, перед тем как лечь спать, мне, например, ужасно захотелось стать взрослым, но не через пятнадцать — двадцать лет, как становятся все нормальные люди, а назавтра же. Скажем, так: спать ты ложишься еще мальчишкой, просыпаешься утром, смотришь — ты уже взрослый, с уса-

ми, и в школу идти не надо... Желание мое было ужасно сильным, я даже во сне только об этом и думал. Утром первого сентября я проснулся, конечно, пораньше. Смотрю — лежу в постели таким же, как уснул, без усов, и надо идти в школу...

Были у меня и другие сильные желания, но ни одно из них, конечно, не захватывало меня вот так, по-настоящему, как желание превратиться из человека в воробья!..

Я сидел на лавочке не шевелясь, не отвлекаясь, не размышляя ни о чем постороннем, и думал только об одном: «Как бы мне скорее превратиться в воробья». Я ждал наступления этого момента с такой силой, с какой не ждал даже начала летних каникул. А то, что во дворе с минуты на минуту должен был появиться Мишка Яковлев, только удесатеряло мои силы и намерения.

Сначала я сидел на лавочке просто так, как сидят все обыкновенные люди, и не чувствовал ничего особенного. В голову по-прежнему лезли всякие неприятные человеческие мысли: и про двойку, и про арифметику, и про Мишку Яковлева, но я старался обо всем этом не думать. Я считал, что если уж я решил твердо превратиться в воробья, то и думать надо только исключительно о чем-нибудь воробьином. Через некоторое время я заметил, что у меня в голове наконец-то вместо человеческих мыслей стали появляться и не человеческие. Так, например, мне внезапно захотелось немного пощебетать на воробьином языке.

Вслед за мыслями стали возникать сами по себе разные нечеловеческие желания и намерения: то мне хотелось вспорхнуть с лавочки и немного полетать по воздуху, то посидеть на самой вершине березы, то немного пожить в скворечнике...

А когда я, по привычке, попробовал опять подумать о чем-нибудь человеческом, то у меня, к моему удивлению, на этот раз ничего не получилось. Арифметика мне показалась глупейшим занятием. Двойка почему-то вообще перестала меня расстраивать и потеряла всякое значение, а Мишка Яковлев стал мне представляться не знаменитым на всю школу отличником, а каким-то неуклюжим и несчастным существом, которое не умеет делать даже такой простой вещи, как летать по воздуху.

В это самое время у меня по ногам начали ползать мурашки. Они ползли все скорее и скорее. Потом побежали по спине, по рукам, по всему телу. Вдруг совершенно не-

ожиданно мне захотелось поклевать овса. Да, да! Овса! Нечищеного, сырого овса! И чтобы он лежал на земле в пыли. И чтоб его было много, этого овса, очень много. В общем, столько, чтобы я мог наклеваться досыта.

Сижу я на лавочке с закрытыми глазами, по телу у меня мурашки, словно сумасшедшие, носятся, как ребята на большой перемене, а я сижу и думаю: «Интересно, что же означают эти мурашки и этот овес? Мурашки — это еще мне понятно, это я, наверное, ноги отсидел, а при чем здесь овес?»

Я даже мамину овсяную кашу на молоке с вареньем и ту ел дома всегда без всякого удовольствия. Почему же мне хочется сырого овса? Я ведь все-таки человек, а не лошадь! Сижу, думаю, гадаю, но ничего сам себе объяснить не могу, потому что глаза у меня плотно закрыты, и от этого в голове совершенно темно и неясно.

Тогда я подумал: «Уж не случилось ли со мной чего-нибудь такого...» — и поэтому я решил осмотреть себя с ног до головы...

Затаив дыхание я чуть-чуть приоткрыл глаза и первым делом взглянул на свои ноги. Смотрю — у меня вместо ног, одетых в ботинки, босые воробьиные лапы, и этими лапами я стою босиком на лавочке, как самый заправский воробей. Я открыл глаза пошире, смотрю — вместо рук у меня крылья. Открываю глаза еще больше, верчу головой, гляжу — сзади торчит хвост. Это что же получается! Получается, что я все-таки превратился в воробья!

Я — воробей! Я больше не Баранкин! Я самый настоящий, самый что ни на есть воробейный воробей!

Так вот почему мне так вдруг захотелось овса: овес — любимое кушанье лошадей и воробьев! Все понятно! Нет, не все понятно! Это что же выходит? Значит, моя мама была права. Значит, если по-на-сто-я-ще-му захотеть, то можно действительно всего достичь и всего добиться!

Вот это открытие! О таком открытии стоит, пожалуй, прочирикать на весь двор. Да что на весь двор — на весь город, даже на весь мир!

Я распустил свои крылья! Я выкатил грудь! Я повернулся в сторону Кости Малинина — и замер с разинутым клювом.

Мой друг Костя Малинин продолжал сидеть на лавочке, как самый обыкновенный человек... Косте не удалось превратиться в воробья!.. Вот тебе раз!

СОБЫТИЕ ДЕСЯТОЕ

Что на воробьином языке означает...

Малинину не удалось превратиться в воробья!

Он пыжился, жмурился, все время ощупывал себя руками, чуть слышно шептал себе под нос: «Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья!» — и все безрезультатно. А еще торопил меня, а еще кричал на весь двор: «Давай скорее превращаться в воробьев! Давай быстрее! Давай сейчас же!» А сам как был Малининым, так и остался. Только покраснел как рак, и больше ничего.

— Малинин! — закричал я на Костю. — В чем дело? Почему ты не превращаешься в воробья?..

Но вместо этих слов из моего рта вылетело обыкновенное воробьиное чириканье: «Чик-чирик! Чьвит-чьвит! Чиучиу!»

Повернув голову, Костя посмотрел в мою сторону и с изумлением вытаращил глаза.

— Баранкин! — сказал он. — Это ты, Баранкин?..

— Чио! Чио! Чья! Чья! — ответил я ему по-воробьиному, что означало: «Конечно, я! Не узнаешь, что ли?!»

Убедившись, что я не вру и что я уже действительно не я, а самый настоящий воробей, Малинин покраснел еще больше — наверное, от зависти! — и чуть даже не разреvelся.

— Как же это у тебя получилось? — спросил он, часто моргая глазами.

Я сказал:

— Чень-чень-чень! Чик-чик-чик!.. (Очень просто! Чик! Чик! Чик! И готово!)

Затем между мною и Костей произошел следующий разговор на разных языках:

Костя *(со слезами на глазах)*. Значит, превратился! Вот здорово! А почему же я не превратился?

Я. Чирик! Чим-чирим! (Откуда я знаю!) Чирик-чиквить-чить! (Наверное, хотел не по-настоящему!)

Костя. Что ты на меня чвикаешь? Говори по-человечески!

Я. Р-р-р-рчик! Чуть-чуть-чьвим-чим! (Как же я могу говорить по-человечески, если я воробей!) Чепчик! Чи-чини!

Костя. Еще «чепчиком» обзывает!

А я совсем его и не обзывал «чепчиком». Я ему ска-

вал: «Не падай духом, Малинин! Еще раз попытайся».

Костя стал ругать меня за то, что я, не дожидаясь его, превратился в воробья, но я ему не стал ничего чирикать в ответ. Мне самому тоже было это неприятно. Уговаривались вместе превратиться в воробьев — и вот вам, пожалуйста. Конечно, быть воробьем одному не так интересно, как вдвоем.

Я махнул крыльями. Взлетел. Уселся на заборе злой-презлой и повернулся спиной к Косте Малинину. И надо же было, чтобы в эту минуту на улице из-за угла показался на велосипеде Мишка Яковлев. Я схватился крыльями за голову. Все пропало! Теперь Малинин уж ни за что не успеет превратиться.

— Вот я! Вот я! Превращаюсь в воробья! — донесся до меня снизу голос Кости Малинина.

Не сводя глаз с Мишки Яковлева, я крикнул Косте с забора:

— Чим-чим-чим! Чер-чилим! Чер-чилим! Черес-чур! Черес-чур! (Поздно! Мишка на велосипеде едет! Сейчас он тебя учить поведет!)

Сам чирикаю и вижу, как Мишка уже въехал во двор и к лавочке подъезжает, на которой сидит несчастный Костя Малинин, то есть не сидит, а должен был сидеть... Я говорю «должен был», потому что, когда Мишка Яковлев подпустил к лавочке, Кости на скамейке уже не было. Вместо Кости на скамейке стоял на полусогнутых лапах воробей, и, судя по всему, этот воробей был не воробей, а бывший Костя Малинин. Значит, пока я переживал и уже ни во что не верил, Костя Малинин взял и тоже превратился в воробья со второй, а может, и с третьей попытки. Впрочем, неважно, с какой попытки, важно, что превратился.

— Костя, — крикнул Мишка, слезая с велосипеда, — Малинин! Ты куда спрятался? Странно! По-моему, я его только что видел на лавочке. Конечно, видел. Вот его учебники и тетради!

Мишка собрал тетради и учебники и, не обращая никакого внимания на рядом сидящего воробья (который был все не воробей, а Костя Малинин — вот смехота!), оглядел весь двор, потом посмотрел на наше окно, из которого показалась голова моей мамы.

— Здравствуй, Миша! — сказала мама. — А где же Юра и Костя?

— А я как раз хотел вас об этом спросить! — сказал

Яковлев. — Учебники и лопаты на лавочке лежат, а их нет...

— Вот сорванцы! — сказала мама. — Наверное, на улицу убежали... Ты, Миша, заходи в комнату, они сейчас вернутся!

Мишка положил Костины учебники на седло и скрылся в подъезде, а я слетел с забора на лавочку к Косте Малинину.

— Ир-чик! Ир-чик! Чуть-чуть-чуть! — сказал я Косте. (Молодец, Малинин! Превратился все-таки!)

На что мне Костя прочирикал:

— Че-че-че? (Честное слово?)

— Че-че-че! — сказал я. — Чуф-чуф-чуф! Чи-чи-чи! (Честное слово! Открой глаза и увидишь!)

И Костя открыл свои голубые, как у девчонки, глаза... Глаза у него так и остались голубыми! Воробей с голубыми глазами! Здорово! Стоит на лапках, качается, хвостом сам себе равновесие помогает держать и от удивления все еще прийти в себя никак не может.

А я вытер крылом пот со лба и сказал:

— Все в порядке! (Ч-уфф!)

— Ч-уфф! (Все в порядке!) — сказал Костя Милинин и тоже вытер крылом лоб.

Мы обнялись и, подпрыгивая от радости, закружились по скамейке...

СОБЫТИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Встреча с бесхвостым

— Сей-час наедемся овса, — сказал я Косте Малинину, — и пом-чим-чим-ся! Полетим!

— Куда?

— Можно направо, можно налево. Раз мы с тобой превратились, то теперь все можно. — Я поднял крыло, отставил лапку и прочитал с выражением: — «Мы вольные пти-ти-ти-цы! Пора, брат, пора! Туда, где за морем белеет гора!...» Одним словом, куда захотим-тим, туда и поле-тим-тим! Вот какая жизнь!

Малинин засмеялся.

— Юр-чи-чик! — сказал он. — В воробья ты превратился, а клюв у тебя остался курносый. Чу-чу-деса!

— Врешь!

— Ни-чуть, ни-чуть!

— А у тебя глаза голубыми остались, как у дев-чон-ки! Чеп-чик!

Я спорхнул с лавочки к луже и стал смотреться в воду. Клюв у меня действительно остался курносый, и вообще я весь получился какой-то серый, и перья у меня топорщились во все стороны, и на лбу торчал хохолок... Костя Малинин выглядел совсем по-другому: у него была нарядная белая грудка с галстуком, сам он был весь чистенький, аккуратненький, с приглаженными перышками, как будто он только что из парикмахерской вылетел.

Впрочем, я ничуть не расстроился: я, когда был человеком, тоже не отличался особенной красотой и аккуратностью. Подумаешь, курносый так курносый. Взъерошенный так взъерошенный.

Не в этом дело. Дело в том, что я во-ро-бей и что теперь мне никто и ничто не может испортить моего замечательного воробьиного настроения. А настроение у меня было действительно замечательное! Еще бы! В голове совершенно пусто — ни забот, ни мыслей, ни тревог! И так будет весь день! Целый день-день-день-день! Ну и день-день-день! Вот так день-день-день! Заме-ча-ча-тельный день! Че-че-рес-чур за-ме-ча-тельный.

Я напился дождевой воды и ударил крылом по своему отражению, обдав брызгами Костю Малинина, скакавшего по ту сторону лужицы.

— Костю-чок-чок-чок! Ну, как жизнь?

— Заме-ча-тельная! — чирикнул Малинин, брызгая в меня водой.

— А что я тебе говорил? А ты говорил: «Превратимся лучше в бабочек!» Давай искупаемся!

— Холодно! Давай лучше овес искать. Очень-чень есть хочется.

Найти овес на нашем дворе оказалось делом нелегким. Мне попадались и конопляные зернышки, и арбузные семечки, и семечки обыкновенные, а вот овса все не было.

— Ты че-чего дерешься! — услышал я вдруг за спиной Костин голос. — Юр-чик! Он у меня из хвоста перо выдернул! Хулиган какой!

Я оглянулся и увидел, что недалеко от меня Костю Малинина гоняет по траве здоровенный бесхвостый воробей.

— Я скачу, — затрещал Костя, подбегая вприпрыжку

и прячась за мою спину, — вижу, в траве овес лежит, нагнулся — слышу, у меня из хвоста кто-то перо дергает! Хулиганство какое!

— Ты че-чего к маленьким пристаешь? — спросил я, подскакивая к здоровенному воробью. — Че-чего ты людям выходной день-день портишь?

— Я ни-че-че-го! А че-чего этот птен-чик на мой овес разлетелся? На чу-чу-жой двор заявились да еще распоряжаются здесь! Что-то я вас здесь раньше никогда не замечал!

Я хотел по-хорошему объяснить воробью, почему он не мог нас раньше видеть на дворе, но верзила-воробей и не стал меня слушать. Он подскочил ко мне и, не говоря ни слова, ударил меня по-воробыному крылом в грудь. Ударил. Отскочил. Ноги расставил и крылья для устрашения распустил.

Но я не растерялся. Я тоже распустил крылья веером, хвост — трубой, подскочил к верзиле нос к носу да ка-ак дам ему подножку! Обыкновенную человеческую подножку. Конечно, верзила-воробей не знал такого приема и, хотя он был выше меня на целую голову, свалился на траву как подкошенный. Лежит на лопатках, ноги кверху задрал и молчит и больше не задирается. Он думал, наверное, что мы ему сейчас с Костей зададим хорошую взбучку. А мне этого воробья почему-то даже жалко стало.

— Эй ты, куцый! — сказал я. — Вставай! У нас лежа-чего не бьют! Можешь проваливать... Впро-чем-чем, можешь и остаться! Мы тебя сейчас-час угостим овсом. Костя, где овес?

— Здесь, в траве. Вот ов-син-синки и вот ов-син-синки.

Но бесхвостый не обратил на мои слова никакого внимания. Он молча поднялся, отряхнулся и испуганно запрыгал прочь.

— Чеп-чик! — крикнул ему Малинин вслед, махая хвостом.

— Сам ты чеп-чик! — сказал я Косте, зажимая лапой золотистую овсинку. — Не мог без меня дать сда-чи!

Ко мне снова вернулось хорошее настроение. И Костя Малинин опять стал веселый-превеселый.

— А здорово ты его чеб-чеб-бурахнул! — сказал Костя, выгребая из травы зернышко овса.

У меня даже слюнки потекли от одного вида аппетитных овсинок. Я поточил клюв о камешек и еще крепче зажал

чернышко лапой. Сейчас я эту овсинку раздолблю и съем... Сейчас!

— Кошка! — услышал я за спиной отчаянный голос Кости Малинина и обернулся...

СОБЫТИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Кошка Муська хочет меня съесть

Итак, я обернулся... Смотрю, Кости Малинина уже на земле нет, он уже на акации. Привесился к ветке вниз головой, крыльями машет и кричит как сумасшедший:

— Кошка! Сзади тебя кошка!

Я повернул голову в другую сторону. От мусорного сарая ко мне действительно приближалась кошка, обыкновенная кошка. Только я никак не мог понять, что было в этом ужасного и почему Костя устраивает такую панику, как будто на дворе появился тигр. Просто псих какой-то этот Малинин! Если бы я знал, что он будет таким нервным воробьем, я бы ни за что с ним не связывался.

— Юр-чик! Скорей улетай! — продолжал метаться на ветке Костя Малинин.

Кошка подошла поближе и остановилась. Я бочком подскочил к ней. И в этой незнакомой кошке сразу же узнал любимую мамину кошку Муську. Когда я еще сидел на лавочке как человек, она прыгнула с подоконника, подошла ко мне и стала тереться о мою ногу, а я ее прогнал, чтобы она не мешала мне думать.

— Здравóво, Муська! — чирикнул я обрадованно. — Чу-чу-чу-ешь, кто я такой, или нет?.. Ты что, не узнаешь своего хозяина, что ли?.. Да ты не бойся, подойди поближе, я тебя не съем! Это же я! Вот чу-чу-дачка! А вон на дереве Костя Малинин. Тоже не узнаешь? Костя, не бойся, лети сюда! Это наша Муська!

— Ты с ума сошел! — снова затрещал на акации Малинин. — Она же тебя съест!

— Меня? Своего хозяина? Это ты с ума сошел!

Не успел я закончить фразу, как сзади на меня обрушилось что-то урчащее, тяжелое и подмяло под себя. «Муська!» — успел подумать я и рванулся изо всех сил в сторону и вверх по направлению к акации, на ветках которой продолжал чокать и трещать Малинин. Я летел, как камень из

рогатки. Я чуть не сбил с дерева своего лучшего друга. Хорошо, что он удержался. Тем временем я тоже успел зацепиться за ветку. С ветки акации я взглянул вниз. Муська водила хвостом по траве, продолжая урчать.

В воздухе медленно, как рыбки в аквариуме, плавали выдранные из моего бока маленькие перышки.

— Полу-чи-чил! Полу-чи-чил! — продолжал злорадно трещать Костя Малинин.

— Ниче-че-го не понимаю, — чирикнул я. — Такая знакомая кошка... Можно сказать, родная...

— «Родная, знакомая»... Скажи спасибо, что вывернулся...

— Баранкин перед кошками никогда не отступал!

— Храбрый какой! Расчи-чи-рикался: «Иди сюда, я тебя не съем, чу-дач-ка!» Сам чу-чу-дак! Ты забыл, что ли, что кошки едят воробьев?

— Да нет, — сказал я, — просто я еще не привык к тому, что я воробей!

— «Не привык!» А почему же я сразу привык? — сказал Костя и добавил: — Вот съела бы тебя твоя родная Муська, что бы я твоей матери сказал?

Я представил на секунду, что было бы, если бы мне действительно не удалось вырваться из Муськиных лап, и мне стало не по себе. Откровенно говоря, я просто испугался, хотя опасность миновала и бояться было уже нечего, но перья у меня все равно зашевелились и встали дыбом.

— Что это с тобой? — спросил меня Костя. — Ты какой-то чу-чу-чумовой!

— Да так... Жарко! — сказал я, обмахиваясь одним крылом.

Костя опять начал ругать меня, а я взял и сунул голову под крыло, но в это время кто-то ткнул меня чем-то острым в бок...

СОВЫТИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

О чем чирикают бабушки

Я выглянул из-под крыла и увидел сидящего рядом со мной старого, облезлого воробья.

— Ты, птен-чик желторотый, — сказал мне старый воробей, — я тут все время за тобой с березы наблюдал. Ты

что, вообще дура-чок-чок-чок или только притворяешься?

— А что вам от меня надо?

— Ты не груби старшим.

— Я не грублю. Это у меня такой голос.

Чтобы отвязаться от старика, я снова спрятал голову под крыло, но старик опять пребольно клюнул меня в шею.

— Слушай, когда с тобой разговаривают старшие! Чти взрослых! Чти-чти-чти! Не чуф-чуф... не чуфырься!

— А я не чу-фырюсь!

— А что это ты про кошек чирикал? Какие могут быть у воробья знакомые кошки? Ах вы, птенч-птенч-птенчики! И чему только учат вас родители?

Старик закатил глаза и стал чирикать о том, какие в его времена были прилежные и послушные воробьята, какие они все были умные, как они не чуфырились, а теперь все чуфырятся.

Стоило превращаться в воробьев, чтобы выслушивать эту чеп-чеп-чепуховую нотацию. Да у нас по вечерам старухи как усядутся вместе на лавочке, только об этом и чирикают, то есть разговаривают.

— Вы чьи дети? Чьи вы? Чьи вы? — спросил меня старик.

— Ничьи! Ничьи! — сказал я, срываясь с ветки.

— «Чуфырься, не чуфырься!» — сказал Костя, работая крыльями. — Чок-чок-чокнутый какой-то!

Мы закружились над нашим двором, выбирая дерево, не унятое воробьями. Хотя я и сам был воробей, но мне почему-то вдруг захотелось держаться от них подальше. Знакомство с бесхвостым и со стариком произвело на меня не совсем приятное впечатление. А больше всего меня расстраивало вот что: с той минуты, как мы превратились с Костей в воробьев, прошло, наверное, уже полчаса, а наша воробьиная жизнь все как-то не налаживалась, и вообще все шло совсем не так, как я ожидал. Время идет... Завтра, между прочим, снова в школу...

Косте Малинину я, конечно, ничего не сказал. В конце концов, впереди еще целый день — жизнь наладится, и все будет хорошо. Главное, не надо отчаиваться и терять надежды.

Покружив в воздухе, мы опустились с Костей на дерево. На дереве не было ни одного воробья.

Ветка, на которую мы уселись, выходила на солнечную сторону. Солнце пригревало, как летом.

С удовольствием втянув голову в плечи, я уже собирался спрятать ее под крыло, как вдруг у меня над ухом что-то противно свистнуло. Раздался щелчок. Посыпались листья. Ну что еще такое? В чем дело? Я открыл глаза и посмотрел вниз.

СОБЫТИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Дальнобойная рогатка с оптическим прицелом

Возле лавочки, на которой мы еще недавно сидели с Костей Малининым, стоял мой сосед по квартире, белокрысый Венька Смирнов, и отвратительно щурился. В руках у него была рогатка с оптическим прицелом. Рогатку я узнал сразу. Никто лучше меня не делал таких дальнобойных рогаток. Венькину рогатку тоже смастерил я по его личной просьбе.

Венька смотрел на меня в оптический прибор. Я смотрел на Веньку. На Венькином лице было написано: «Не попал! А жалы!..» Так... Мало того что меня чуть-чуть не слопала кошка, теперь в меня стреляют из рогатки, сделанной моими же руками!

— Ну, подожди, Венька! — чирикнул я с дерева. — Подожди, белокрысый! Когда я опять превращусь в чече-лове-ка, я тебе покажу, как стрелять в меня из рогатки!

Не обращая никакого внимания на мое чириканье, Венька нагнулся и стал искать камень. Мы с Костей переглянулись и, не сговариваясь, одновременно рванули с дерева. Я решил улететь подальше от нашего двора, подальше от кошки Муськи, от белокрысого Веньки с рогаткой, от этих драчливых и негостеприимных воробьев. Мы пролетали один двор за другим. С высоты нашего птичьего полета оказалось, что в нашем городе кошек было гораздо больше, чем я предполагал, когда был человеком. Мальчишек с рогатками тоже было много. Это открытие меня расстроило. Из своего небольшого воробьиного опыта я уже успел понять, что любое знакомство с рогаткой или кошкой может окончиться очень плохо для воробьев. Малинин тоже меня стал почему-то ужасно раздражать. Тащится где-то там, в хвосте, отста-ет все время и вообще летит с таким видом, как будто он мне одолжение делает.

— Че-че-го ты все время отстаешь? — не выдержал я и напустился на Костю: — Тянушка противная!

— Я устал!

— «Устал»!.. Че-че-тыре квартала пролетели, а он уже устал!

— Я не лететь устал. Я устал быть воробьем!

— Подумаешь! Полчаса всего как воробей — и уже устал! А как же воробьи бывают всю жизнь воробьями?! Знал бы, не связывался с тобой!

Я высмотрел сверху небольшой сквер и спланировал вниз.

— Можешь отдыхать! — сказал я Косте, когда он следом за мной плюхнулся на ветку.

Костя приподнял крыло и уже хотел спрятать голову под мышку, но вдруг над нами раздался голос:

— Вот они где, бездельники! Я их послала за соломой, а они греются на солнце! Хороши сыночки!..

СОБЫТИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Что бывает, когда сыновья отрекаются от своей матери

Я взглянул вверх и увидел толстую воробиху, свесившуюся с соседней ветки. Это она назвала нас своими сыночками.

— А почему вы молчите, почему вы ничего не отвечаете своей мамочке?

— Ниче-го не понимаю! — шепнул мне Костя. — Почему она называет себя нашей мамочкой?

— А че-че-го тут непонятного? Наверное, она приняла нас за своих птенцов.

— А мы что, похожи?

— Откуда я знаю...

— По-чему вы пря-че-тесь от своей мамоч-ки? — продолжала щебетать воробиха. — Не бойтесь! Летите сюда. Так и быть, на этот раз я вам ничего не сделаю.

— А может, мы действительно похожи на ее сыновей?

— Может, и дей-стви-тви-тельно!

— Этого еще не хватало! Извините, гражданка! — сказал Костя. — Мы ни от кого не пря-чем-ся, а вас мы вообще видим в первый раз!

— Это что еще за гражданка! — заверещала воробиха. —

Воробьи добрые, вы только послушайте, как он называет свою мамочку!

Воробьи, сидевшие целой стаей на соседнем дереве, громко возмутились, а толстая воробиха так разозлилась, что даже клюнула Костю Малинина в щеку.

Костя заорал.

— Те-те-чка! — вступился я за своего друга. — Че-че-стное слово, мы не ваши дети. Ну, че-че-стное-прече-че-стное!

— Глядите, воробьи добрые, и этот не хо-чет признавать свою мамочку, — затрепала воробиха, подскакивая на ветке и взмахивая крылышками.

Воробьи стали ругать нас с Костей еще громче, а наша «мамочка» задала нам такую трепку, что из нас с Костей пух полетел, как из подушек... Пришлось нам с Малининым взять свои слова обратно и назвать воробиху «мамочкой».

— То-то! — мгновенно успокоилась воробиха. — А теперь, сыночки, летим! Учи-читься вить-вить гнездо!

— Как — учи-чи-ться? — закричали мы с Костей в один голос.

СОБЫТИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Мы с Костей учимся вить гнездо

— Вы что, все позабыли, что ли? — сказала воробиха. — Вчера ваша мамочка у-чила вас, как нужно вить-вить гнездо, а сегодня будете вить-вить сами!

— Интересное дело! — чирикнул тихо Костя. — Почему ты мне не сказал, что воробьи тоже у-чатся?

— А откуда я мог знать?

— А за-чем ты говорил, что у воробьев заме-чательная жизнь?

— Это же не я, это Нина Николаевна говорила, — со-ррал я. — Вот привязался!

— В общем, ты как хочешь, а я лич-но не буду учи-ться вить-вить гнездо! — прочирикал Костя.

— Кто сказал, что не хо-чет учи-ться вить-вить гнездо? — спросила грозно воробиха, подлетая к нам с Костей.

— Это не он сказал, это я сказал! — чирикнул я, заго-

раживая Костю, и добавил: — А драться, по-моему, не педагогично!

— Что! Ты где это таких слов нахватался?

Воробиха изо всех сил клюнула меня в спину и погнала нас вместе с Костей на соседнее дерево, где были заготовлены впрок соломинки, конский волос и другие стройматериалы.

— Зна-чи-чит, гнездо вьется так... — защebetала воробиха. — В клюв берется соломинка и сворачив-чивается в ко-леч-ко... Ну-ка, повторите, сыночки!

— В клюв берется соломинка, — прочирикали мы с Костей хором, — и сворачивается в ко-леч-ко...

Урок начался. Мы с Костей, не глядя друг на друга, с отвращением взяли в рот по соломинке.

«Интересно, бывают у воробьев на уроках перемены?..» — подумал я с тоской, сворачивая соломинку в колечко так, как учила нас толстая воробиха.

— За-тем, зна-чит!.. — продолжала щебетать воробиха, ловко укладывая соломинки и приминая их грудью. — За-тем, зна-чит!..

Но что делается «затем», мы так и не узнали, потому что в эту минуту к нам свалился с неба прямо на голову толстый рыжий воробей. Ветка, на которой мы сидели, так и закачалась под его тяжестью.

— Папо-чка прилетел! Чиканька наш! Чика! Чика! Чика! — обрадовалась воробиха, приседая и раскачивая ветку еще сильнее.

Мы раскрыли с Костей от удивления клювы и выронили соломинки и уставились на рыжего воробья Чикку, который, по словам толстой воробихи, был нам с Костей родным папочкой...

СОБЫТИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Драка за скворечник

— Скорей, сыночки! Скорей, воробьятки! — затрещал рыжий дяденька-воробей, похлопывая себя крыльями по толстым ножкам и бокам. — Стрижи улетают на юг! Освобождается скворечник-чник. Чудесный сквореч-чник!

— Скворе-чник-чник! — зачирикала радостно воробиха. — Моя меч-та! Меч-та! Меч-та!

— Да-да! Скворечник! Надо только успеть занять. Боюсь, придется подраться! Скорей в путь-путь-путь! Летим-тим-тим!

— Ле-тим-тим-тим! — подхватил я, решив, что уж лучше драться за скворечник, чем учиться вить гнездо.

— А может, не надо драться... Может, лучше поучимся вить-вить гнездо! — пискнул Костя Малинин.

— Хвост не дорос старших учить! Хотел бы я видеть, что ты запоешь зимой когда будет холодно!

— Вот именно! — поддакнул я рыжему воробью.

Воробей сорвался с ветки, столкнул крылом меня и Костю и, отчаянно чирикая, рванулся вперед, показывая нам направление. Воробьяха пристроилась сзади, и, как только мы начинали с Костей отставать, она тут же своим острым клювом подгоняла нас и поддавала нам жару.

— Чур-чур, не отставать! Чур-чур! Вперед! Вперед! Чур-чур! — трещал рыжий воробей, то и дело оглядываясь.

— Ладно, Юрка, я тебе этого никогда не забуду! — сказал мне Костя на лету. — Если уж ты на всю жизнь решил остаться воробьем, и оставайся и дерись за свой скворечник. А я лично не буду. Вот выберу момент и сбегу! Улечу, и все!

— Тише, чудак! Все дело испортишь! Сейчас от этого рыжего все равно подобра-поздорову не отвяжешься!

— Что же делать? У меня уже сил больше нет быть воробьем!

— Что делать? Сбежим по дороге! Жди сигнала! С Баранкиным не пропадешь!

— Не пропадешь? Как же! С тобой как раз, того и гляди, пропадешь! — простонал Костя Малинин.

И он оказался прав. Мы действительно с ним чуть-чуть не пропали, и все из-за меня. И зачем я только согласился драться за этот скворечник?!

Сбежать по дороге нам, конечно, не удалось. Рыжий воробей и воробьяха все время внимательно следили за нами и не давали отстать ни на шаг. Дело оборачивалось хуже, чем я предполагал. Если мы вяжемся против своего желания в драку, то я-то, может быть, и вывернусь, а уж Косте наверняка несдобровать. Он и на земле не приспособлен к драке, а тем более с воробьями, да еще в воздухе.

Не успел я подумать об этом, как вдруг неожиданно рядом послышалось отчаянное чириканье, и мы всей «семьей» врезались в стаю воробьев, дерущихся в каком-то незнако-

мом саду за тот самый скворечник, о котором мечтали наши «родители».

Я даже не знаю, как это получилось, но мы с Костей внезапно очутились в самой гуще боя, сразу же потеряв из виду своих «родителей». Справа, слева, сверху и снизу, отчаянно чирикавая, кружились совершенно чужие и незнакомые нам воробьи.

Хорошо, что Костя Малинин догадался вцепиться клювом в мой хвост, а то бы мы наверняка потеряли друг друга в этой суматохе.

Тащить Костю на буксире и отбиваться было, конечно, трудно, но я довольно ловко увертывался от налетающих на меня воробьев, осыпая их всякими угрозами и проклятиями. Хорошо, что я совсем недавно прочитал книжку о фигурах высшего пилотажа. В этом воробьином бою все это мне очень здорово пригодилось...

Я взмывал вверх по всем правилам, падал на крыло, взлетал свечкой, входил в штопор, и наконец-то на бреющем полете мне удалось выйти из воробьиного окружения. Костя, увидев, что опасность миновала, отцепился от моего хвоста, и мы вместе что есть духу пустились из последних сил наутек от этих проклятущих воробьев.

— Бей их чем-чем-чем попало! — раздались вдруг за нашими спинами воробьиные голоса.

Я оглянулся и увидел, как от дерущихся птиц отделились четыре воробья и сыпанули за нами вслед...

СОБЫТИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Костя Малинин «начирикался»

— Кон-чится это когда-нибудь или нет? — простонал Малинин, прибавляя ходу.

— Вот эти громче всех чи-рикали! — крикнул кто-то сзади.

Преследующие нас воробьи стали заходить нам в хвост.

— Ребята! Да ч-то вы! Мы же только чи-рика-ли! — оправдывался я на лету.

— А за-чем-чем прилетели?

— Ни за чем. Так просто — посмотреть!

— Посмотреть? Вот мы сей-час вам покажем!.. Сейчас мы из вас пустим пух!

Воробьи стали нагонять нас, и, вероятней всего, они за-
дали бы нам взбучку и пустили бы из нас пух, если бы я не
применил на лету один остроумный боевой прием, который
у летчиков называется «бочкой». Выбрав удобный момент,
я подпустил преследователей к себе поближе, потом совер-
шенно неожиданно перевернулся в воздухе на спине и ляг-
нул одного из наседающих на меня воробьев ногами — во-
робей отлетел в сторону и шмякнулся в забор.

— Ага! — закричал я страшным голосом. — Барр-ран-
кин в воздухе! Берегись!

Я лягнул другого — и другой отлетел. Так я летел, и
орал, и брыкался до тех пор, пока не разбросал в разные
стороны всех преследователей. Противники, не имевшие, ко-
нечно, никакого понятия о высшем пилотаже, опешили, со-
вершенно растерялись и стали отставать, отставать, отста-
вать...

Пользуясь замешательством воробьев, мы, прибавив хо-
ду, скрылись за деревьями и в изнеможении свалились на
первую попавшуюся крышу.

От меня валил пар, а сердце прыгало, как крышка на
кипящем чайнике.

— Кончено! — сказал Костя, еле переводя дух. — Ты
как хочешь, а я лично на-чи-рикался! Все!

Малинин стукнул клювом по крыше и стал из послед-
них сил ругать меня за то, что я все ему наврал с три ко-
роба про замечательную жизнь воробьев.

— А еще целый месяц наблюдал за ними... — сказал
Малинин, передразнивая мой голос: — «У них жизнь без
забот! У них жизнь без хлопот!..»

— А что я, виноват, — сказал я, — если мне так пока-
залось!..

А Костя Малинин сказал:

— Я говорил, что нам надо было сразу в бабочек пре-
вратиться. Бабочки и гнезд не вьют, и кошки их не едят, и
питаются они не овсом, а сладким нектаром. Ох, и вкусная,
наверное, штука!..

Я промолчал. В жизни бабочек Костя Малинин, конеч-
но, гораздо лучше меня разбирался. У него одно время да-
же была их целая коллекция, только он ее променял на мар-
ки. Вероятно, Костя был прав, и нам действительно следо-
вало сразу же превратиться в бабочек. Заманчиво, конечно,
целый день порхать с цветка на цветок и все время есть
сладкое...

И все же, прежде чем начать превращаться в бабочек, я хотел расспросить Костю поподробнее об их жизни. А то как бы нам не напороться во второй раз...

— А помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала, — сказал я, — что бабочки опыляют цветки...

— Ну и пусть опыляют себе! — сказал Костя. — А мы с тобой не будем! Дураков нет!

Несмотря на то что в Костином ответе была своя железная логика, я все-таки решил ему задать еще один вопрос.

— А как у бабочек в смысле учебы? — спросил я. — Может, они тоже чему-нибудь учатся?

— Ты еще долго мне будешь вопросы задавать? Вон уже кошки появились! — заорал на меня как очумелый Костя Малинин.

Я думал, он меня разыгрывает. Смотрю — из чердачного окна действительно вылезли три кошки, перемазанные углем, и усталились на нас с Костей. Две из них мне были совершенно незнакомы, а третья была наша Муська. Видно, она все-таки окончательно решила меня съесть. Рассуждать больше было некогда.

— К перепревращению в бабочек приготовились! — скомандовал я лихорадочным шепотом.

— Приготовились! — отозвался Малинин.

— На-чали! — сказал я.

— Как — на-чали? — сказал Костя Малинин. — А чего говорить? Какие слова?

Действительно, я совсем и забыл, что мое старое воробьиное заклинание совсем не годится для нового превращения в бабочек.

— Сейчас! — сказал я. — Сейчас! Сейчас переделаю...

— Скорей переделывай! — заорал Костя.

— Готово! — сказал я. — Повторяй за мной!.. «Не хочу быть воробьем! Хочу быть бабочкой!.. То есть мотыльком!..»

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

— Нескладно получается! — сказал Костя, глядя в ужасе на приближающихся кошек.

— Вот очутишься в животе у кошки, — сказал я, — тогда складно получится! Повторяй скорее!

И Костя Малинин, закрыв от страха глаза, стал сыпать скороговоркой слова моего нескладного волшебного заклинания, обгоняя меня на каждом слове:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!..

«Только бы успеть! — подумал я. — Только бы успеть превратиться до того, как нас сцапают кошки!..» Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной воробьиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Я — КАПУСТНИК И КОСТЯ — МАХАОН

СОБЫТИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Вредитель, известный населению

Пока мы с Костей Малининым шептали наперегонки слова заклинания и сосредоточивались, кошки во главе с нашей Муськой тоже не теряли даром времени. Осторожно ступая на лапы, они подкрадывались к нам все ближе.

«Ладно, Муська, — мелькнуло у меня в голове, — если я останусь в живых, я с тобой дома рассчитаюсь!»

Больше о кошках я решил не думать, так как это мне мешало превращаться в бабочку. Теперь я все свое внимание сосредоточил на цветах, на жизни, в которой не надо вить гнезд или драться за скворечники, а нужно только порхать с цветка на цветок, греться на солнце и есть один сладкий нектар, но вместо этого мне, как назло, в голову все время лез проклятый овес и перед глазами продолжали мелькать воробьи, кошки, Венька с рогаткой и всякая подобная чепуха из моей воробьиной жизни.

Я расстроился, открыл глаза и увидел, что расстояние между мною и кошками значительно сократилось, а я как был проклятым воробьем, так им и остался. Тогда я расстроился еще сильнее и решил больше не закрывать глаза — будь что будет!

Сделав еще несколько шагов, кошки вдруг остановились и стали о чем-то между собой фыркать и мяукать.

«Совещаются, кому кого есть, — подумал я, — делят двух воробьев на трех кошек. Ну и пусть... Теперь уж я наверняка не успею превратиться в бабочку...» На всякий случай я еще несколько раз мысленно произнес волшебное заклинание:

Я уверен, без забот
Мотылек живет!
Вот я! Вот я!
Превращаюсь в мотылька!

Тем временем кошки разделились: одна стала подкрадываться к Косте, а Муська со своей подругой направились ко мне. «Вот хитрюга! Знает, что она одна со мной все равно не справится... И что я ей такого сделал, — подумал я, не сводя глаз с Муськи, — только один раз чернилами облил, и то нечаянно...»

В трех шагах от меня Муська и ее помощница замерли на месте. Они присели, выгнули спины трамвайной дугой и заурчали. Царапая железную крышу когтями, приготовились к прыжку. «Собираются прыгать! Значит, мы с Костей не превратились в бабочек, — подумал я. — Не успели! Значит, все пропало!..» Мне стало холодно. По телу побежали мурашки. Очевидно, это были последние мурашки в моей жизни... Я уже хотел крикнуть: «Прощай, Малинин! Извини, что я втянул тебя в такую историю!»

Но здесь с кошками случилось что-то непонятное: они выпучили глаза, фыркнули и, вместо того чтобы прыгнуть вперед, изо всех сил прыгнули в обратную сторону от нас. Шерсть у кошек поднялась дыбом; покрутив очумело головой, все вместе еще раз подскочили на месте и дунули в чердачное окно.

Они исчезли так быстро и неожиданно, словно позади нас с Костей увидели огромную собаку. Я оглянулся — никакой собаки сзади не было. Зато я увидел бабочкины крылья, которые торчали за моей спиной, как два паруса.

Так вот почему кошки так испугались: на их глазах из съедобного воробья я превратился в несъедобную бабочку! Успел все-таки! Вот здорово! Я в восторге пошевелил маленькими треугольными крыльями и повернулся к Косте Малинину, чтобы поделиться с ним своей радостью, но от неожиданности вытаращил глаза. Рядом со мной, на том самом месте, где несколько минут назад лежал пластом и чуть слышно чирикал полуживой воробей Малинин, теперь сидела прекрасная бабочка с огромными треугольными крыльями какого-то сказочного черно-зеленого цвета. Такой красивой бабочки я еще никогда не видел, даже на картинках в книжке.

Не может же быть, что Малинину Косте удалось превратиться в такое красивое насекомое. Нет, эта бабочка без-

условно настоящая бабочка — сразу видно. А если это самая настоящая бабочка, то где же тогда мой лучший друг Малинин?.. Уж не свалился ли он от страха с крыши на мостовую? Я посмотрел вниз. А может быть, Костю в суматохе незаметно для меня все-таки успела сцапать кошка? Я посмотрел в чердачное окно. А может быть, он испугался кошек и перелетел на соседнее дерево? Я повернулся и стал разглядывать растущий рядом с домом тополь.

— Чего ты крутишься, как на уроке? — спросила меня вдруг сказочно красивая бабочка голосом самого обыкновенного Кости Малинина.

Я уставился на бабочку и спросил не своим от волнения голосом:

— А ты кто такая?

— Не кто такая, а кто такой!

— А кто ты такой?

— Да ты что, Баранкин, ты нарочно не узнаешь меня, что ли?

— Малинин, это ты?

— А то кто же! Не узнал?

— Да, попробуй тебя узнай! Вот это превратился так превратился! А я уж испугался, думал, с тобой что случилось.

— Как же! Держи карман шире! — сказал Малинин, разводя крыльями и поднимая вокруг себя ветер.

Я даже не мог отвести от Кости глаз, такой он был необычный.

— Костя, — сказал я, — как же ты называешься?

— Как я называюсь? Очень просто!.. Сейчас вспомню. Крылья у меня сверху черно-зеленые?

— Черно-зеленые.

— А с обратной стороны?

— Коричневато-черные.

— С золотыми точками?

— С точками... И еще на каждом крыле по половине луны и по целой радуге.

— Все ясно! Я превратился в махаона из семейства парусников.

— А я?

— А ты превратился в этого... Ну-ка, повернись!

Я повернулся. Малинин критически осмотрел меня с ног до головы.

— Так... — сказал он. — Крылья у тебя маленькие,

желтенькие с черными пятнышками. Понятно. Ты превратился в этого... во вредителя.

— В какого вредителя?

— В огородного. Известного населению под названием капустник из семейства белянок...

— Вот тебе раз! — возмущился я. — А почему я превратился в капустника, а ты — в махаона?

— «Почему, почему»! Откуда я знаю! Наверное, потому, что махаоны водятся на Дальнем Востоке, а я жил три года в Хабаровске. А ты водишься в средней полосе России.

— А это точно?

— Точно! У меня же коллекция была! Я все породы бабочек знаю... Я — махаон, а ты — вредитель...

— «Вредитель»! От тебя очень много пользы! Если хочешь знать, так капустником быть даже лучше, чем махаоном.

— Это почему же?

— Потому что... потому что... у тебя крылья расфуфыренные, как у девочки. Мне, например, с такими крыльями было бы просто стыдно появиться среди ребят... то есть среди мотыльков.

— Стыдно — и появляйся на своих!

— И появлюсь!

Я взлетел над крышей и сделал пробный круг возле чердачного окна. Крылья у меня были, конечно, не такие удобные и прочные, как у воробья, но летать на них было удивительно приятно.

Летишь и все время проваливаешься в какие-то воздушные ямы. Проваливаешься и летишь. И от этого в животе у тебя дух захватывает и такое ощущение, как будто ты на лету от радости умираешь. И поэтому тебе просто как девочке хочется громко сказать или «ух!», или «ах!», или «ох!». Или просто завизжать от радости!

А впереди тебя ждет сладкий нектар! Амброзия, можно сказать! И новые воздушные ямы! И это удивительное ощущение, от которого в животе дух-ух-ух захватывает!.. И сознание, что все это, вместе взятое, будет продолжаться, сколько мы с Костей захотим.

И какая при этом разница, кто ты такой — безвредный махаон или вредный капустник? В конце концов, это люди знают, кто из бабочек кто, а сами бабочки в бабочках все равно не разбираются.

А если это все так, то — ух! ах! ох! — и молодец Малинин, что надоумил меня стать бабочкой.

В это время ко мне как раз подлетел мой лучший друг Костя — махаон — Малинин, и мы стали с ним качаться в воздухе на каких-то невидимых качелях.

— Ну как? — спросил меня Костя, слетая вниз.

— Порядок! — ответил я, взлетая вверх. — Только есть очень хочется.

— Ну, это дело поправимое, — сказал Малинин. — Ух, сейчас я тебя угощу нектаром. Нектар пить — это тебе не овес клевать! Это, брат, знаешь какая вкусная штука!.. Лапки оближешь! Летим скорее!

— Летим! — сказал я. — Во весь дух-ух-ух летим!

— Летим, — сказал Костя. — Во весь дух-ух-ух! Выдох — вдох-ох-ох! Крылом мах-ах-ах! Словно пу-ух-ух! Во весь дух-ух-ух!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТОЕ

«Спящая красавица»

Мы с Костей сделали еще один прощальный разворот над чердаком и уже хотели лететь за нектаром, как вдруг Костя Малинин заметил на стене дома маленькую желтенькую бабочку. Она сидела под железным желобом, вцепившись лапками в кирпичную стенку, сложив крылья, как прочитанную книгу.

— Настоящая! — сказал Костя Малинин. — Не то что мы с тобой! Привет бабочкам! — крикнул он, помахав в воздухе лапкой. — Это крушинница.

— Ну и пусть! — сказал я. — Давай скорее — летим за нектаром!

— Подожди! Надо с ней познакомиться!

— Вот не было печали! Эх ты, девчатник!

— Здравствуйте, бабочка! — сказал Костя Малинин, цепляясь за стенку рядом с крушинницей.

— Костя-махаон — девчатник! Костя-махаон — девчатник! — стал дразнить я Малинина, летая над самой его головой.

— Привет крушинницам! — сказал Костя, поднимая в знак приветствия вверх обе лапки.

— Позор девчатникам! — сказал я.

Костя еще раз поздоровался с бабочкой, но она продол-

жала сидеть молча и неподвижно, не обращая на Малинина никакого внимания.

— Ух и воображает из себя! — сказал я. — Так тебе и надо.

— Да нет, она не воображает, — сказал Костя, внимательно разглядывая крушинницу. — Она спит! Конечно, спит!

— Спящая красавица! Понятно. Проснитесь, спящая красавица! С вами хочет познакомиться сам Костя-махаон из семейства парусников!

Я сел рядом с бабочкой и потормошил ее лапкой.

— Бесполезно! — сказал Костя. — Теперь ее из пушки не разбудишь. Она ведь на всю зиму уснула.

— Почему это — на всю зиму?

— Потому что у них, у бабочек, такой закон природы!

— Чего ты врешь, Малинин, какой еще закон природы?

— Да честное слово! Все бабочки осенью умирают или засыпают до самой весны. У них даже расписание есть, когда кому засыпать.

— Подожди, а как же мы с тобой? — встревожился я.

— Что — мы?

— Мы с тобой тоже бабочки, значит, мы тоже заснем по расписанию?

— Вообще-то раз мы бабочки, значит, тоже, наверное, должны уснуть... когда-нибудь.

Меня это «открытие» просто ошеломило.

— Так зачем же мы тогда с тобой превращались в бабочек? Если мы каждую минуту можем заснуть, да еще на всю зиму! Мы же на один день только превратились, а уснем вдруг — и каникулы зимние проспим. Эх, Малинин, Малинин!

— Чего ты орешь? — сказал Костя. — Тебе же пока спать не хочется?

— Нет еще.

— Ну и летим за нектаром, а там будет видно.

— Что значит «там будет видно»? А если я усну на лету и проснусь только весной, превращусь в человека, а на экзаменах что буду делать? По всем предметам двоек хватаю из-за тебя.

— Подумаешь, — сказал Костя, — дома его спать не уложишь, а здесь он, видите ли, боится на лету уснуть. Не бойся, не уснешь. Я отвечаю!

— Не усну?

— Конечно, не уснешь. Осенью засыпают какие бабочки? Обыкновенные. А мы с тобой бабочки необыкновенные.

— А какие же мы?

— Мы с тобой человекообразные бабочки, вот какие! — заорал на меня Малинин.

— Ну и что? — заорал я на Костю.

— А то, что на человекообразных бабочек этот закон природы, может быть, не распространяется!

— Может быть, не распространяется, а может быть, и распространяется!

Я хотел еще немного поругать Костю Малинина за его легкомыслие и особенно за то, что он имел коллекцию бабочек, а скрыл от меня такой ужасный закон природы, но в это время над нами, шума крыльями, пролетел воробей и тут же вернулся обратно. При виде воробья Малинин почему-то сразу перестал на меня орать, съезжился и полез прятаться под крышу.

Воробей прицепился к стенке недалеко от меня и нацелился на меня одним глазом. Лицо воробья показалось мне почему-то очень знакомым. Когда он повернулся ко мне боком, я увидел, что у воробья нет хвоста. Теперь я его узнал сразу: это был тот самый куций воробей, с которым я подрался на дворе из-за овса.

— Здорово, чепчик! — крикнул я своему старому знакомому. — Ты на меня не сердись?

— Баранкин, прячься сейчас же! — услышал я за спиной Костин голос. — Он тебя склюет!

— Кто это меня склюет? Баранкин перед воробьями никогда... — Не успел я окончить фразу, как выскочивший из-под крыши Малинин схватил меня за лапу и утащил под железный желоб.

В эту же секунду бесхвостый воробей оказался на моем месте. Обнаружив мое исчезновение, он повертел во все стороны головой, подобрался к спящей крушиннице, внимательно ее осмотрел, клюнул, моментально проглотил и полетел как ни в чем не бывало дальше. Я посмотрел из-под крыши вслед улетавшему воробью, потом уставился на Малинина.

— Я тебя забыл предупредить, Баранкин, — сказал Костя виноватым голосом, — что настоящие воробьи очень любят есть бабочек, так что ты не очень-то старайся попадаться им на глаза...

Мне, конечно, очень хотелось высказать Косте все, что я думал в эту минуту и о нем, и о жизни бабочек, но я мол-

ча сложил лапы на груди и сдержался. В конце концов, я не Малинин, это он расхныкался, когда устал быть воробьем. А я Баранкин! Уж если я превратился в бабочку, то я все трудности и всякие нечеловеческие мучения буду переживать молча, как настоящий мужчина. Тем более, что у меня и сил-то не было ругаться с Малининым, так мне хотелось есть в эту минуту.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЕ

Кепка-зенитка

Подождав, пока воробей улетит подальше, мы с Костей осторожно вылетели из-под крыши и направились за нектаром к видневшейся внизу клумбе с цветами. Я, конечно, по-прежнему проваливался на лету в воздушные ямы, но уже того ощущения, что я умираю от радости, у меня почему-то не было. И «ухать» мне что-то вдруг раскотелось.

— Птицы только сверху опасны, — сказал Малинин, — а к земле чем ближе, тем безопаснее. В крайнем случае, увидишь воробья — маскируйся.

«Маскируйся!» А если, пока я буду есть нектар, меня самого съедят, тогда что?.. Меня так и подмывало задать этот вопрос Малинину, но я снова сдержался и промолчал. Цветов на клумбе было очень много — и красных, и белых, и синих, — и от всех шел такой чудесный нектарный запах, как от маминогo печенья на кухне.

У меня от одного запаха нектара слюнки потекли и даже голова закружилась. Я уже не слушал, что говорит мне Костя. Я самостоятельно выбрал самый большой цветок и закружился над ним, выбирая место для посадки.

— Дави его! — раздался внезапно за моей спиной чей-то пронзительный голос.

Я перевернулся в воздухе и увидел невдалеке двух мальчишек с лопатками; они размахивали кепками и бежали по направлению ко мне, громко топая ногами.

— Это непарный шелкопряд! Дави! Я его знаю! — крикнул один из них и, заложив пальцы в рот, оглушительно свистнул.

Так как я, по словам Кости, был капустник и к непарному шелкопряду не имел никакого отношения, то я не обратил на крики ребят никакого внимания. Я опять спокой-

но перевернулся в воздухе и снова закружился над тем самым большим цветком, от которого так вкусно пахло нектаром. В это время сзади меня накрыла огромная тень, что-то свистнуло возле крыла и сильным толчком воздуха бросило на землю.

— Ур-ра! Сбили! — закричал один из мальчишек, закружив кепку над головой.

Голос этого мальчишки мне показался подозрительно знакомым.

— Нет, не сбили! — сказал другой мальчишка. — Он спрятался среди цветов! Ищи!..

И второго мальчишки голос мне тоже показался знакомым. Я присмотрелся получше к истребителям непарных шелкопрядов и узнал в них своих одноклассников — Веньку Смирнова, того самого Веньку, что стрелял в нас с Кос-

тей из рогатки, когда мы были еще воробьями, и Генку Коромыслова, Венькиного прихлебателя.

«Ладно, Венька! — подумал я про себя. — Твое счастье, что я сейчас бабочка, а то бы я рассчитался с тобой за все!» Тем временем Венька и Генка стали рыскать по траве и искать меня среди цветов. Но я не растерялся. Я, как только упал на землю, сразу же сложил крылья вместе и сделал вид, что я не бабочка, а сухой березовый листик. Ребята топтались рядом со мной, один из них даже отшвырнул меня носком ботинка. Подождав, когда они повернутся ко мне спиной, я подпрыгнул на крыльях и взлетел.

— Вот он! — заорали истребители непарных шелкопрядов, но было уже поздно.

Я уже взмыл высоко в воздух и совершенно неожиданно оказался рядом с Малининым.

— Я тебе кричу: «Улетай!» — завопил на меня перепуганный Костя, — а ты в цветок лезешь!

— Так ведь они кричали: «Дави шелкопряда!» — а ты сказал, что я капустник!

— Больно эти оболтусы в бабочках разбираются! — сказал Костя, опускаясь на электрические часы, висевшие на столбе над клумбой.

Я посмотрел, который час, и почесал лапкой затылок. На часах было уже ровно двенадцать, а наша жизнь опять шла совсем не так, как ее расписывал Костя Калинин. Есть хотелось все больше и больше, а Венька с Генкой так и не отходили от клумбы. Они подмигивали мне, махали руками, кивали головой и терпеливо ждали, когда я снова спущусь на клумбу. Как же, нашли дурака! Я думал, что им все-таки надоест ждать и они уйдут, и тогда уж мы с Костей наедемся нектара, но эти лоботрясы стали опять свистеть, размахивать кепками и называть меня всякими обидными именами и прозвищами.

— От вредителей слышу! — крикнул я, разозлившись. — Зинка Фокина вас в саду на воскресник ждет, а вы здесь с бабочками прохлаждаетесь!

После этого Генка запустил в нас кепкой, а Венька полез на столб и сорвался.

— Здесь не позавтракаешь! — сказал Костя так, словно он знал, о чем я в эту минуту думаю.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ

Прощайте, ребята! Может, больше не увидимся...

— Знаешь что, — сказал я Косте, — давай лучше слетаем на какой-нибудь огород. Там сейчас хорошо, все поспело: и репа, и морковь, и капуста! И цветы там есть. И народу не так много.

— Эх ты, капустник ты несчастный, — сказал Костя. — Да с тобой сейчас нельзя лететь ни на какой огород.

— Это почему это?

— Потому что сейчас на всех огородах таких вредителей, как ты, травят.

— Чем травят?

— Чем? Разными химическими ядами...

После таких слов у меня просто крылья опустились и

перед глазами поплыли какие-то разноцветные круги.

— Что же это получается? — возмутился я. — На улице, того и гляди, крылья оборвут, в огороде травят, в небе воробьи клюют... Для чего же мы превращались в бабочек? Чтобы с голодудохнуть?

— Ладно, Баранкин, — сказал Костя, — не расстраивайся. Угощу я тебя нектаром! Полетели!

— Куда полетели?

— В школьный сад!

— Там же ребята деревья сажают!

— Вот и хорошо! Мы там и нектара в цветнике наедемся, и заодно с нашими ребятами увидимся...

Костя Малинин сказал это так, словно он очень соскучился по нашему классу.

— В школу так в школу! — сказал я. — И ребята знакомые! Может, не тронут...

Мне, правда, и самому тоже почему-то захотелось увидеться с ребятами. Я даже не знаю почему. И, хотя в эту минуту мне вообще-то больше всего на свете хотелось есть, мне вдруг гораздо больше захотелось просто пролететь мимо нашей школы, мимо родного класса, с которым у меня было связано столько замечательных воспоминаний!.. Кто сказал «замечательных»? Кто сказал «мимо родного класса»? Неужели это сказал я, Баранкин? Что это со мной происходит? Я, кажется, начинаю уже сходиться с ума от этого голода. Чтобы прийти в себя, я взял и встряхнулся, как собака после купания.

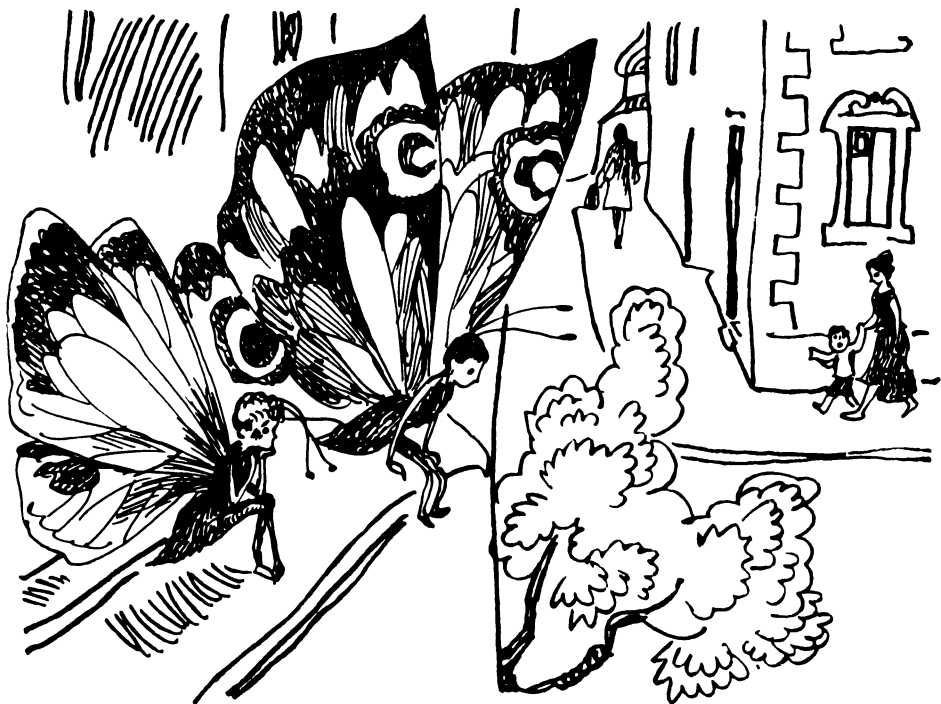
И правильно сделал, потому что после встряхивания мои жалобные мысли, как брызги, разлетелись в разные стороны и мне сразу же стало легче. И теперь я мог думать о встрече мужественно, без всяких переживаний, не то что Костя Малинин. У него, как только он заговорил о ребятах, глаза сделались какие-то большие-пребольшие, и, по-моему, даже мокрые-премокрые.

— Там и позавтракаем, — сказал грустно Костя Малинин.

— И пообедаем, и поужинаем, — сказал я бодрым голосом, чувствуя, что одного завтрака мне будет маловато.

Спорхнув с часов, мы наперегонки полетели к школьному саду. Первый раз в жизни мы мчались в школу с Костей Малининым с такой скоростью, с какой обычно спешили из школы домой. Я, конечно, был уверен, что прилечу в сад первым. Каково же было мое удивление, когда я сра-

зу же отстал от Малинина на три дома. Я сначала даже не поверил своим глазам. У нас в классе Костя считался самым слабосильным парнем, а со мной на уроках физкультуры даже никто не пытался тягаться. Уж по физкультуре у меня в дневнике всегда была пятерка. Только моя мать почему-то никогда не считала эту пятерку настоящей. Я решил поднажать и замахал своими желтыми треугольниками как сумасшедший, но и это не помогло ни капельки. На своих расфуфыренных крыльях Костя-махаон на этот раз летел, как по линейке, рассекая крыльями воздух и поднимая вокруг себя какой-то художественный свист, а я все время, как и раньше, проваливался в те же воздушные ямы, шатался из стороны в сторону, кувыркался и беззвучно падал то на одно крыло, то на другое.

Заметив, что я отстал, Костя Малинин, к моему стыду,

вернулся обратно и сказал мне, Баранкину, первому силачу в классе, слова, которые я не забуду никогда в жизни: «Эй ты, капуста! Ты не можешь лететь побыстрее? Что ты все время отстаешь?» Сказав это, он назло мне опять легко обогнал меня, потом опять вернулся, опять обогнал, крикнул: «Баранкин! Ты что летишь, как пирог с капустой? Жми на все педали! Нектар близко!» Этих слов я Малинину тоже никогда не забуду.

Когда он, загребая своими крыльями, как веслами, еще раз пролетел, торжествуя, надо мной, я взял и схватил его за задние лапы и таким образом прицепился к Малинину на буксир. Убедившись, что я больше от него не отстаю, Костя перестал осыпая меня всякими ядовитыми словечками, и, как ни пробовал от меня оторваться, теперь у него из этого ничего не получалось.

— Что-то тяжело лететь стало! — сказал Костя. — Выдох — вдох-ох-ох-ох!

— А по-моему, лететь стало гораздо легче! — сказал я и подумал про себя: «Пусть Костя поработает за двоих, раз у него такие крылья. Я же таскал его на своем хвосте, когда был воробьем, теперь могу и отдохнуть немного».

Сложив крылья, я скользил по воздуху вслед за Малининым, наслаждаясь художественным свистом Костиных крыльев и для вида изредка помахивая своими равнобедренными треугольниками. Так, на буксире, Костя доставил меня до самой школы, до того места, где в саду наш класс сажал деревья.

— Тормози! — крикнул я Косте, когда он, пыхтя, перетянул меня через верхушку дерева и потащил мимо ограды к кирпичному зданию нашей школы.

Опустившись на один из подоконников на высоте третьего этажа, мы подползли к самому краю и посмотрели вниз. В саду кипела работа. Одни ребята, весело переговариваясь, копали ямки, другие бережно опускали в землю саженцы и поливали их из леек водой. Костя Сергеев нарочно перемазался весь землей и строил всякие рожи. И все смеялись. Все были довольны! И всем было хорошо!

— Ну и пусть работают! — сказал Костя. — Они работают, а мы будем есть нектар. Если бы они узнали, что мы сейчас будем есть настоящий нектар, они бы нам наверняка позавидовали...

— Кому это — нам? — спросил я.

— Нам, бабочкам... — сказал Костя Малинин неуверенным голосом.

Я вспомнил «спящую красавицу», которую склевал бесхвостый воробей, прислушался к урчанию в своем голодном желудке, посмотрел с ненавистью на воробьев, шныряющих в школьном саду, и сказал:

— Да уж, конечно. Они бы нам позавидовали... — Я сказал это без всякого энтузиазма, отвернулся от ребят и увидел, как в школьные ворота влетели на велосипеде Мишка Яковлев и Алик Новиков (он сидел на багажнике).

Что-то громко крича, они подкатили прямо к Зинке Фокиной и, соскочив на землю, стали о чем-то рассказывать ей и окружившим ее ребятам. В саду наступила тишина. Никто внизу больше не смеялся, не шутил, а Костя Сергеев даже вытер платком с лица землю и перестал кривляться.

— Что-нибудь случилось, — сказал Костя.

Я промолчал. Мишка и Алик, поговорив со старостой нашего класса, снова сели на велосипед и укатили. Зинка Фокина посмотрела из-под руки им вслед, затем подозвала к себе еще троих наших ребят, отобрала у них лопаты и дала какое-то задание.

Ребята выбежали на улицу и разошлись в разные стороны.

— Ищут кого-то... — сказал Малинин.

— Не кого-то, а нас с тобой! — сказал я Косте.

— Ну и пусть! — сказал Костя. — Они будут искать, а мы будем есть нектар. Полетели!

Я промолчал. Есть, конечно, хотелось все сильнее и сильнее, и нектар был близок... Но воробьи тоже были совсем рядом, и их чириканье совершенно отбивало у меня всякий аппетит.

«Как бы они нас все-таки не склевали с Костей...» — подумал я, глядя на воробьев, шныряющих среди клумб с цветами. Подумал я об одном, а сказал, конечно, совсем другое.

— Летим! — сказал я громко и решительно и добавил тихо про себя: «Прощайте, ребята! Если нас с Костей склюют воробьи, то мы, наверное, больше никогда не увидимся!..»

Нацелившись на клумбу с цветами, я распустил крылья и прыгнул ласточкой с подоконника вниз, словно с купальной вышки в холодную воду...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Противоохватательная прививка

В воздухе от цветов опять запахло вкусным нектаром, словно в кухне от маминого печенья. У меня потекли слюнки и опять закружилась голова. Я сложил крылья, нацелился в середину самого большого цветка и нырнул в него вниз головой, но промахнулся (неудивительно!) и воткнулся в траву по самые пятки своих задних лап. Пришлось выбираться из травы и начинать все сначала.

На этот раз я забрался на цветок по стеблю и запустил хоботок в самую середину цветка, туда, где, по моим расчетам, должен был находиться нектар. Однако долгождан-

ного нектара в цветке не оказалось. Запах нектара был, а самого нектара не было. Пахло хорошо, точь-в-точь как в мамином пустом флакончике из-под духов, а поживиться было нечем. Тогда я взял и забрался в цветок прямо с головой, так что у меня наружу только одни крылья и ноги торчали, стал шарить в темноте хоботком по стенкам, но в это время из цветка кто-то полез мне навстречу.

Я решил, что это какая-нибудь посторонняя бабочка успела раньше меня забраться в цветок и слопать весь нектар. От одной этой мысли меня прямо зло разобрало. Ты из-за этого нектара, можно сказать, жизнью рискуешь, а у тебя его из-под самого носа слизывают. Я взял и боднул бабочку головой. Бабочка угрожающе загудела и боднула меня, затем она уперлась своей головой в мою голову и выдавила меня из цветка наружу, как зубную пасту из тюбика. Я со злости ударил крыльями по тычинкам с такой силой, что цветочная пыльца поднялась столбом и окутала меня, словно облаком. Я от этой пыльцы чуть не задохнулся.

— Ладно, бабочка, — сказал я, разгоняя крыльями пыльцу, — только пояись на свет, я тебе все лапы... А-а-п-чхи!!! Я тебе покажу, как чужой нектар... А-а-п-чхи!..

Пока я чихал, смотрю — из цветка вылезает... только не бабочка, а пчела, самая настоящая пчела, вся полосатая, словно она в пижаме. Вылезла это она из цветка и уставилась на меня своими буркалами. Она на меня смотрит, а я сижу на краю цветка и чихаю на нее и, главное, удержаться никак не могу. А пчела, видно, так растерялась, что даже гудеть перестала. Я чихаю, а она лапой утирается, я чихаю, а она утирается и молчит. Раз десять я, наверное, на пчелу чихнул, не меньше, а потом опомнился и даже в ужас пришел. «Баранкин, — сказал я сам себе, — на кого ты чихаешь, Баранкин? Ты на пчелу чихаешь, несчастный капустник... Вот она сейчас тебе... апчхи!.. как сделает противочихательную прививку, тогда ты будешь знать... как чихать на пчел!.. Тебя ведь, когда ты был человеком, кусали один раз пчелы, так что ты... апчхи!.. знаешь, чем это пахнет!..»

«Знаю!» — ответил я сам себе и, как сидел на краю цветка, так и повалился навзничь в траву.

Перевернувшись несколько раз через голову и смотав поскорее свой пустой хоботок, я выровнял над самой травой полет и стал улепетывать от пчелы в кусты, подальше от

цветочных клумб, через дорожку, за деревья, туда, где среди стволов мелькало что-то пестрое, похожее на крылья Кости Малинина.

Я думал, что Малинин позорно бросил меня одного посреди клумбы: оказывается, его в кусты тоже загнала пчела, она и сейчас все еще металась за ним и что-то грозно гудела на своем пчелином языке.

«Так ему и надо! — подумал я, наблюдая, как пчела усердно гоняется за Костей. — Жалко, что пчела только одна. Я бы сейчас сам напустил на Малинина еще штук сто пчел, чтобы он в следующий раз не болтал языком и не вводил никого в заблуждение. «Будем порхать с цветка на цветок!.. Во весь дух! Крылом мах! Словно пух-ух-ух! Нектара наедемся!..» Вот и пусть сейчас его пчела угостит таким «нектаром», чтоб ему в другой раз не захотелось больше превращаться в бабочку... Апчхи!»

— Спасите! — закричал в это время Малинин. — Баранкин! Где ты? Ой, мама!

Мне хотелось, чтобы пчела подольше погонялась за Костей и как следует его проучила, но, когда он закричал, да еще таким жалобным голосом, мне его даже жалко стало. И потом я вспомнил, что Малинин не человек, а бабочка. Его пчела ужалит, а он возьмет и заболит или, того хуже, умрет от пчелиного яда. Что я с ним тогда буду делать!.. Я ведь не знаю, как бабочки переносят укусы пчел, а может быть, они их вообще не переносят...

Схватив в лапы легонький сучок, я подлетел к пчеле сзади и изо всех сил ударил ее по голове. Оглушенная ударом, пчела свалилась в кусты, а у меня от голода потемнело в глазах, и я, кренясь на один бок, стал падать в траву...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

...Но в действие вступает ужасный закон природы

Когда я открыл глаза, я увидел, что лежу на берегу большой лужи, а возле меня сидит мой лучший друг Малинин и обмахивает меня своими расписными крыльями.

Вообще-то я не знаю, для чего это я открыл глаза. Мне открывать их совсем не хотелось. И ухать мне больше тоже не хотелось. И охать не хотелось. И ахать не хотелось. И желание визжать от радости тоже пропало. А с чего тут

визжать-то? В носу все время эта проклятая пыльца свербит... Ап-чхи!.. И в животе совершенно куда-то исчезло это ощущение, что ты умираешь от радости... Ап-чхи!.. То есть ощущение, что ты умираешь от чего-то, осталось, только вот от чего?.. Наверное, от голода... Все куда-то исчезло. Только одно замирание духа осталось. Дух у меня все время продолжал замирать. И замирал он почему-то все больше и больше. Вот сейчас замрет совсем... и все... Ап-чхи!.. Даже чихать и то сил нет...

— Ты чего лежишь, Баранкин? — спросил меня Костя.

— Захотелось полежать, вот и лежу, — сказал я. — Ап-чхи!..

Да что такое, никак не могу прочихаться.

— Простыл, что ли? — спросил Малинин.

— Не простыл, — сказал я, — а наукахохался...

Малинин как-то печально-печально покачал головой, сделал выдох — вдох-ох-ох и сказал:

— А знаешь, где еще можно поесть нектар?

— Иди ты со своим нектаром знаешь куда... Ап-чхи!.. — Я смерил Малинина презрительным взглядом с ног до головы и чуть не расхохотался.

Он сидел на берегу лужи, весь перемазанный цветочной пылью, одно крыло у него торчало торчком, а другое повисло, как ухо у собаки. И вид у него был такой несчастный-пренесчастный, что мне его опять стало ужасно жалко, но на этот раз я взял себя в руки.

Собрав последние силы, я пополз молча к луже и стал с наслаждением пить из нее обыкновенную дождевую воду. Малинин попробовал еще раз заговорить со мной, но я теперь на все его вопросы отвечал презрительным молчанием. Я решил с ним вообще больше никогда в жизни не разговаривать.

Я демонстративно пил из лужи сырую воду (это вместо обещанного нектара!) и размышлял. Неужели я все-таки ошибся? Да нет, не может же быть, чтобы на земле не было такой жизни, о которой я мечтал там, на лавочке во дворе. Есть такая жизнь, и я ее во что бы то ни стало найду! Просто мы с Малининым Костей, очевидно, не там ее искали. Конечно, наше превращение в бабочек и воробьев было ошибкой. Теперь-то уж это было совершенно ясно. Их жизнь выглядела только со стороны прекрасной, а на самом деле она оказалась просто невыносимой. Но почему? Я молча пил воду, думал, думал и решил, что такой жизни,

о которой мы мечтали с Костей, наверное, вообще на земле нет...

В это время мимо меня пробежал по берегу лужи муравей. Муравей то бежал, то останавливался, а я смотрел на него и продолжал мучительно думать: «...Если такой жизни нет на земле, то, может быть, она есть Т А М, под землей, и если от всяких хлопот и забот нельзя улететь, так, может, от них можно просто взять и спрятаться, взять и скрыться от них, предположим, в том же муравейнике...»

Я проводил взглядом муравья и с сомнением покачал головой. Спрятаться в муравейнике, конечно, можно, а как быть с муравьями? Они же, можно сказать, знаменитые работники. Сколько я ни наблюдал за ними, никогда я не видел, чтобы муравьи просто сидели бы на месте и ничего не делали. Все время они или куда-то бегут, или откуда-то возвращаются и всегда с собой тащат или какой-нибудь листик, или комочек земли, или хвойную иголку... И на муравейник как ни посмотришь, все время они его ремонтируют, с утра до вечера...

Вот так превратишься в муравьев, а они возьмут и заставят вместе с ними пыхтеть на строительстве... Нет уж, если и рискнуть еще раз, то превратиться в кого-нибудь другого, только не в муравья!.. А в кого? В кого же все-таки нужно превратиться так, чтобы опять не влопаться в эти ужасные перепалки и передраги, из которых мы с Костей еле ноги унесли? В кого же надо превратиться? В кого?..

И тут я вдруг неожиданно вспомнил, как в тот злополучный день на общем собрании Алик Новиков почему-то обозвал нас трутнями! Трутня-ми! Минуточку! Минуточку! А что такое трутни? А трутни — это, между прочим, и есть такие существа, которые ведут такую жизнь, о которой мы мечтали с Костей на лавочке! И не «кажется», а абсолютно точно! Совершенно даже определенно! Поэтому они и называются трутня-ми! А если все это так, тогда почему же мы превращались в воробьев и в бабочек? Вот дураки! Какие же мы с Костей были беспросветные дураки!

— Малинин! — закричал я (когда я понял нашу ошибку, я, конечно, сразу же перестал сердиться на Костю и решил тотчас же поделиться с ним своим открытием). — Малинин! — закричал я. — Ох и дураки мы с тобой, Малинин!

— Конечно, дураки! — согласился со мной охотно Малинин. — Особенно ты, Баранкин!..

— Да я-то, я просто круглый идиот, Малинин! И как это мне сразу в голову не пришло!.. Сколько зря времени потеряли!

— Вот именно! — отозвался Костя.

— И зачем нам надо было превращаться с тобой в воробьев и бабочек?

— Вот я тебя и хочу об этом спросить, Баранкин! — сказал Малинин. — Зачем нам надо было с тобой превращаться в бабочек и воробьев?

— Когда нам надо было сразу же превратиться в трутней!

— Как — в трутней? Почему — в трутней? — закричал Костя Малинин испуганным голосом.

— Потому — в трутней, что трутни потому и называются трутнями, что они в жизни ничего не делают или делают только то, что им захочется! А мы с тобой на лавочке как раз об этом и мечтали!

— Знаешь, Баранкин! — сказал Малинин каким-то противным голосом. — Я из-за тебя уже столько истратил сил на то, чтобы ничего не делать, что уж лучше бы я все время что-нибудь делал!

— Малинин! — закричал я. — Но ведь я тоже не меньше твоего на это сил потратил! А теперь мы превратимся в трутней и от всего этого и отдохнем!

— Как — превратимся! — завопил Костя Малинин. — Опять превратимся?.. Ну знаешь, Баранкин! Хватит с меня, Баранкин! Я и так за эти два раза напревращался по горло!

— Костенька! Так ведь те же два раза не в счет! Раз не в того, в кого надо, превращались, значит, не считается ведь!

— Почему это — не считается?

— Потому что надо же нам в конце концов превратиться в того, в кого надо было превратиться... А превратиться то нам надо было в трутней!..

— Да в каких трутней?.. — спросил Костя вдруг каким-то спокойным и даже безразличным тоном.

— Ну что ты? — сказал я. — Что ты, не знаешь, что ли, какие бывают из себя трутни?

— Не знаю я, какие из себя бывают трутни, — ответил Малинин, почему-то потягиваясь и зевая.

— Ну что ты, Костя, — сказал я растерянно, — ты должен знать, какие бывают они из себя...

— Почему это я должен?.. А ты сам-то, Баранкин, знаешь?..

Я хотел по инерции закричать, что я, конечно, знаю, какие трутни бывают из себя, но поперхнулся и ничего не сказал, потому что, честно говоря, я... я не имел ни малейшего представления о том, как выглядят эти самые изумительные трутни, в которых нам давно бы следовало превратиться с Костей Малининым! Вместо этого я произнес совсем другое.

— Ну что ты, Малинин, — сказал я, — помнишь, нам Нина Николаевна рассказывала про трутней и рисунки показывала...

— Не помню, — сказал Малинин, — и ты не можешь помнить...

— Это почему?

— Потому что на этом уроке мы с тобой вместе изобретали новый язык...

Это правда, на том уроке мы с Костей действительно оба не слушали Нину Николаевну: в это время мы изобретали новый язык. Задача была трудная, нужно было изобрести такой язык, который на всем земном шаре понимали бы только два человека — я и Костя Малинин. Ясно, что нам было не до Нины Николаевны и не до трутней...

— Подожди, Малинин, — сказал я, — но ты же иногда посматривал на доску?

— Ну и что?

— Так, может, ты хоть случайно запомнил, как выглядят эти трутни?..

— Ничего я не запомнил, — сказал Малинин, снова потягиваясь и зевая.

— А ты, может, мне это нарочно говоришь, чтоб не превращаться в трутней?

— Да честное слово!!!

Это был ужасный удар. Ни я, ни Малинин не имели ни малейшего представления о том, как выглядят трутни, в которых нам следовало превратиться...

Это что же получается? Значит, перепревращение отменяется?! Значит, перепревращение не состоится?! А как же ОНО может состояться, Баранкин, если ты не представляешь, как выглядит ТО, во ЧТО ты должен перевоплотиться! И зачем только я на том уроке занимался посторонним делом! Эх, Баранкин, Баранкин! Нину Николаевну надо было слушать, а не новый язык изобретать!

— Тру... тру... тру... — вдруг ни с того ни с сего забормотал Малинин себе под нос. — Вспомнил, вспомнил... Пчелки такие маленькие... с кры... с кры... с кры...

С этими словами Малинин как-то странно закачался и стал валиться на бок.

— С кры... с кры... с кры... с крыльями! — подхватил я. — Правильно, Малинин!..

Вспомнил! Теперь и я тоже вспомнил рисунок трутней, что висел на доске в нашем классе... Это были пчелы, такие маленькие пчелы нашего, мужского, как говорится, рода с небольшими прозрачными крылышками...

Все!!! Вот теперь наконец-то мы отдохнем с Костей настоящему, как полагается! Отдохнем от всего на свете. Все надежды, весь мой энтузиазм и даже впустую растроченные силы — все, все вернулось ко мне!

— Вставай, Малинин! — закричал я на Костю. — Нечего тебе тут разлеживаться! Работать надо! — сказал я подразумевая под словом «работать» то самое единственно необходимое, единственно правильное, единственно недурное превращение в трутней, которое предстояло нам сейчас совершить.

— Вставай же, Малинин! — завопил я не своим голосом, весь дрожа от нетерпения и желания пополнить Костиной и моей персоной ряды трутней на земном шаре.

Однако мои радостные крики почему-то не произвели на Костю никакого впечатления.

Малинин, все еще продолжая лежать на боку, что-то забормотал мне в ответ, но я не понял ни одного слова.

— Что ты говоришь? — спросил я его.

— Хр-ры... — сказал Костя.

— Костя, да что с тобой? — закричал я на Малинина изо всех сил и стал трясти его за лапку. — Ты что?.. Ты притворяешься, что спишь, что ли? Значит, не хочешь все-таки превращаться в трутней! Ну и черт с тобой! Я и один могу!

— Хр-ры! — отозвался Малинин и тут же начал чуть слышно бормотать такую чепуху, что я сразу понял: Костя не притворяется, он спит!

Костя Малинин спит! Он уснул. Вспомнил про трутней и уснул в последний момент! Уснул в такую минуту! Перед таким превращением! Уснул по всем ужасным правилам и законам природы, по которым осенью засыпают все настоящие бабочки... Уснул и даже не предупредил меня, а еще

говорил, что этот «закон» на нас, на человекообразных бабочек, не распространяется, а сам взял и уснул, как та самая «спящая красавица», которую склевал воробей... Хорошо, что поблизости нет воробьев... Нет! Пока нет, а долго ли им появиться? Надо будить Костю Малинина, скорее будить... Будить, пока не поздно, пока не появились проклятые воробьи!

Я теребил Костю за лапы, я толкал его в бок, я дергал его за крылья, но все было напрасно — Костя Малинин не просыпался. Мне стало не по себе.

— Костя! — заорал я. — Проснись сейчас же! Слышишь? Или мы с тобой на всю жизнь поссоримся!

— Хр-р-ры... — сказал Костя Малинин.

«Если он заснул как человек, то я его, конечно, разбужу, — подумал я, — а если он заснул, как бабочка, до самой весны, да еще по расписанию, то я... то я!.. его все равно разбужу! Я должен его разбудить во что бы то ни стало! Надо ему... Что ему надо?.. Нет, надо его!.. Что его надо?.. Знаю!.. Надо его облить водой!..»

Я слетел с камушка к луже и стал набирать через хоботок воду и тут услышал приближающиеся из-за кустов голоса ребят из нашего класса...

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ПЯТОЕ

Такая бабочка, как я, у них в коллекции есть

— Несправедливо! — сказал Костя Семенов, появляясь из-за куста. — Мы здесь все работаем, а Баранкин с Малининым где-нибудь в кино сидят...

Все зашумели, а я подумал про себя: «Вам бы такую картину показать, какую мы с Костей видели!..»

— Правильно говорит Семенов! — сказала Вера Большова. — Если работать, так всем, а не работать, так тоже всем...

— Баранкин с Малининым сбежали, а Смирнов и Пенкин вообще не явились! — сказал Семенов.

«Вот еще не вовремя приперлись сюда, — подумал я, прячась за кустик травы. — Интересно, долго они собираются здесь торчать или нет?..»

— Да выгнать этого Баранкина из школы, и все! — за-

кричала Эрка не своим голосом. — Хватит с ним нянчиться!..

— Куда его выгнать? — сказала Фокина. — На улицу, что ли?

— Почему — на улицу? — ответила Кузякина. — Перевести в триста пятнадцатую школу...

— А почему в триста пятнадцатую? — спросил Костя Семенов.

— Потому что мы с этой школой соревнуемся... Вот и пусть Баранкин там получает двойки! Нам это будет даже выгодно!..

— Значит, ты, Эра, предлагаешь перевести в другую школу Юрины двойки? — сказала Фокина. — А что с Баранкиным делать?

— Ладно, вы тут разбирайтесь, а мы пошли газировку пить! — сказал Костя Семенов.

— Надоело про этого Баранкина слушать, — добавил Валя Череваткин. — Пошли.

— Юннатов прошу остаться! — сказала Фокина.

Ребята ушли, а девочки расселись на полянке вокруг Зины Фокиной, хихикая и о чем-то переговариваясь между собой.

— Тише, девочки! — сказала Зинка Фокина, раскрывая толстую книгу. — Не отвлекайтесь, пожалуйста! Темой нашего сегодняшнего занятия являются...

— Бабочки! Бабочки! — заверещали девочки все вместе, размахивая сачками.

— Правильно! Бабочки! — подтвердила Зинка и стала листать книгу.

Бабочки? Это что значит? Это значит... Я и Костя — тема сегодняшнего занятия... Ну, знаете! Я чуть было не поперхнулся той самой водой, которой собрался опрыскивать Костю Малинина. Вот тебе раз!.. Теперь мне понятно, зачем эти юннатички-лунатички с собой сачки притащили: чтобы ловить нас, бабочек. Пожалуй, в таких условиях будить Костю даже опасно... Я выпустил из хоботка воду. Проснется еще, крыльями как замахаает спросонок, а девочки его тут цап-царап... Что же с ним делать? Вот задача! Спрятать его, что ли?.. Вон клочок газеты. Взять и прикрыть его бумагой, чтоб никто не видел... Я вцепился в клочок газеты и стал тащить его в сторону Кости Малинина.

Зинка Фокина поправила очки, откашлялась и стала читать ужасно противным голосом:

— «Бабочки — одно из интереснейших явлений в мире насекомых...»

Я остановился на минуту, чтобы передохнуть, и с новыми силами поволок обрывок газеты через дорожку (самое опасное место! Как бы не заметили!). Перетащив бумагу через дорожку, я залез в траву и оглянулся. Все было как будто бы в порядке. Костя Малинин продолжал как ни в чем не бывало храпеть во сне. Девчонки сидели смирно. Фокина продолжала бубнить:

— «...Большое значение бабочки имеют и для хозяйственной деятельности человека...»

— Ой, Зиночка! Бабочка! Бабочка! — закричала вдруг одна из юннатов пчеловеческим голосом.

Я повернулся на голос и замер.

— Где? Где бабочка? Какая бабочка? — загалдели сразу все девчонки.

— Да вот же! Возле лужицы в траве! Неужели вы не видите?!

Зинка Фокина закрыла книгу, впилась в траву глазами и насторожилась, как собака-ищейка. Я от ужаса просто вспотел.

«Все пропало! — мелькнуло у меня в голове. — Кого-то из нас заметили! Но кого? Меня или Костю?.. Только бы не Костю, только бы не Костю!..»

Наступила тишина. Я стоял как дурак возле клочка газеты, утирая лапой пот со лба, и глядел на девчонок. Мне казалось, что они все смотрели на Костю Малинина, а я стоял как дурак и смотрел на них (а что я еще мог делать?).

— Так, — сказала Фокина, поправляя очки и глядя куда-то в мою сторону, — капустаница из семейства белянок. Не обращайтесь внимания, девочки! Такая бабочка у нас в коллекции есть!.. — Она снова уткнула свой нос в книгу, а я от радости даже разозлился.

«У них в коллекции есть такая бабочка, как я!.. Как же!.. Держите карман шире! Юннатики-лунатики!»

Я сделал лапой «нос» девчонкам, которые после слов Фокиной сразу же потеряли ко мне всякий интерес. Впрочем, теперь мне это было на руку, теперь я мог, не привлекая к себе внимания, в два счета загородить Костю клочком газеты от глаз девчонок.

На счет «раз» я подтащил бумажный клочок к Косте, на счет «два» я стал поднимать клочок на ребро. Но взяв-

шийся неизвестно откуда ветер вырвал бумагу из моих лап и понес над травой.

— Ой, Зиночка! — снова заверещала одна из юннатов, как будто ее змея ужалила. — Вы только посмотрите, какая бабочка! По-моему, у нас такой в коллекции нет!

— Девочки! Вы перестанете отвлекаться? — сказала Фокина недовольным голосом. Она отвела свой взгляд от книги и так и застыла с вытаращенными глазами. — Что такое?.. — зашептала она испуганно. — Не может быть! Ой, девочки! Я, наверное, сплю! Ущипните меня!.. Ой, девочки! Да ведь это же ма-ха-он! Самый настоящий Мааков махаон из Уссурийского края... Как же он здесь очутился? Махаон в нашем городе? Вот чудеса! Поразительное явление! Целое открытие! Тема для научного доклада!

Бормоча эти слова, Фокина успела тихонечко взять у одной из девчонок сачок, подняться, сделать шаг вперед и застыть на одной ноге.

Итак, случилось то, чего я боялся больше всего на свете: кружок юннатов во главе с Зинкой Фокиной обнаружил спящего махаона, то есть не махаона, а спящего Костю Малинина, и сейчас моему лучшему другу грозила, быть может, самая смертельная опасность из всех опасностей, каким мы подвергались с ним все э-т-о в-р-е-м-я...

— Девочки! — скомандовала шепотом Фокина остолевшим юннаткам. — Окружайте, только тихо... Чур, ловить буду я сама!..

Молча, с сачками наизготовку, девчонки стали окружать спящего Малинина, того самого Костю Малинина, которого они, по своему неведению, считали Мааковым махаоном, чудом залетевшим в наш город из далекого Уссурийского края!..

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ШЕСТОЕ

В морилку,

потом в сушилку... и в распрямилку...

— Сейчас мы его поймаем! — прошипела шепотом Фокина, качаясь на одной ноге и боясь спугнуть Костю. — Поймаем — и в морилку, потом в сушилку, потом в распрямилку...

— Хр-р-ы... — донесся до меня голос сладко спящего Малинина...

Костя спал и даже не предполагал, какую страшную гибель готовила ему староста нашего класса Зинка Фокина. Нельзя было терять ни одной минуты.

Тем более что вернувшиеся с улицы ребята тут же присоединились к Зинке Фокиной и тоже выразили самое горячее желание поймать Костю Малинина, то есть махаона, и посадить его в морилку. (Вот лоботрясы несчастные! Что угодно согласятся делать, лишь бы не работать!)

Появившиеся на участке Венька Смирнов и Генка Коромыслов тоже решили принять участие в этом ужасном деле. Венька растолкал девчонок, взглянул на Костю Малинина и заорал: «Да мы же этого типа с Генкой недавно на улице ловили!..»

Зинка Фокина, вместо того чтобы сделать Смирнову и Коромыслову выговор за опоздание на воскресник, только зашипела на Веньку, а девчата, воспользовавшись суматохой, оттеснили всех ребят в кусты и стали осторожно сжимать вокруг Малинина Кости смертельный круг.

Что же делать? Что делать?

Я выпорхнул из травы, налетел на Зинку Фокину и стал виться вокруг ее правого уха и умолять ее, чтобы она оставила в покое Костю Малинина.

— Зиночка! — кричал я. — Остановись! Это же не бабочка! Это человек в виде бабочки! Не махаон это! Это Малинин!

Но Зинка Фокина отмахнулась от меня, как от надоедливой мухи.

— Девочки! Да что же вы делаете! — кричал я изо всех сил.

Но они все словно оглохли и ослепли: они меня не видели и не слышали, словно я и вообще не существовал на свете.

Страшное кольцо продолжало сжиматься вокруг Кости Малинина все тесней и тесней.

Я заметался, потом взлетел вверх; оставалось только одно: сбить спящего Малинина с камня — взять его на таран! Быть может, он хоть от удара проснется. Сложив крылья, я ринулся вниз, скользнул над травой и что есть силы ударил Костю головой в бок. От сильного удара в голове у меня все помутилось и перед глазами поплыла радуга, а Костя сорвался с камня, подпрыгнул, подлетел,

проснулся в воздухе и как очумелый закрутил глазами.
— Костя! Делай свечку! Свечку делай! — заорал я не своим голосом.

— Какую свечку? — сказал ничего не соображающий Костя Малинин, протирая заспанные глаза.

Тогда я схватил его за лапу и потащил за собой в небо круто вверх. И откуда у меня только сила взялась! В одну секунду я поднял Костю Малинина, как на лифте, выше кустов.

Внизу, где-то там, под нами, раздался дикий визг.

— Это что, большая перемена? — спросил меня Костя одуревшим от сна голосом и закрыл глаза.

— Какая еще перемена? — сказал я и наподдал Косте сзади лапой, чтобы он хоть немного пришел в себя. В глазах у меня все еще продолжало сиять какое-то северное сияние. — Ты что, еще не проснулся, что ли?

— Сейчас, сейчас! — сказал Малинин. — Сейчас я наемся нектара и сяду за геометрию... А этому Мишке надо крылья оборвать...

— Какому Мишке?

— Яковлеву... из семейства отличников. Чтобы он не соглашался другой раз заниматься с нами в воскресенье...

Малинин хотел сказать что-то еще, но вдруг перестал махать крыльями, громко захрапел и начал валиться в кусты, в самую гущину листьев.

— Костя! Не засыпай! Пропадешь! — рявкнул я и стал валиться вслед за своим другом в кусты сирени, цепляясь на лету крыльями за сучки и листья.

От удара о ветку Костя опять проснулся. По ветке взад-вперед ползали муравьи; они мельтешились у меня под ногами, и мне пришлось двум из них дать хорошего пинка, чтобы они не путались не в свое дело в такой, можно сказать, критический момент.

— Сейчас же превращайся из бабочки в трутня, слышишь? — сказал я Косте, разгоняя муравьев.

— В какого трутня? Из какой бабочки? Ты что, Баранкин, свихнулся, что ли? — сказал Малинин и повалился на бок.

Вероятно, у спящего Малинина так все перепуталось в голове, что он уже ничего не соображал и вообще нес какую-то страшную ахию. Тогда я его приподнял за крылья:

— Превращайся в трутня! Слышишь, Малинин?

— Как это может человек превратиться в трутня? Ты, Баранкин, фантазей... из семейства человеков... то есть человек... то есть... я спать хочу, — сказал Малинин и повалился на другую сторону.

Было слышно, как по саду с криком и визгом продолжали рыскать девчонки. Если они заметят в кустах яркие крылья Кости-махаона, мы пропали.

— Ты превратишься в трутня или нет? Последний раз тебя спрашиваю! — Я снова поднял упавшего на бок Малинина, при этом я успел лягнуть задними лапами двух назальных муравьев, которые намеревались заползти мне под самое брюхо.

— Ладно, Баранкин! — промычал Костя. — Если уж тебе так хочется... Только я сначала посплю...

— Нет! Сначала ты превратишься в трутня, а потом будешь спать! Слушай мою команду! — Я схватил Костю за передние лапы и стал изо всех сил трясти его, приговаривая: — Повторяй за мной! Повторяй за мной!

Ни ночью, ни днем
Не хочу быть мотыльком!
Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

— Вот он где спрятался! — взвизгнул недалеко голос Зинки Фокиной. — Я так и знала, что он далеко не улетит! Девочки! Окружайте куст!

«Все! Нас обнаружили! Мы пропали! — подумал я. — И Малинин опять заснул! И теперь я с ним уже ничего не смогу поделаты!»

У меня при одной этой мысли опустились крылья, и я даже не стал распихивать муравьев, которые опять наползли с разных сторон.

«Пусть ползают, — произнес я мысленно, — теперь все равно...»

И вдруг именно в эту минуту раздался смех Кости Малинина.

Я с ужасом посмотрел в его сторону — уж не сошел ли он во сне с ума от всех этих переживаний — и вижу, как два муравья ползают возле его брюха и щекочут Костю своими усиками. Они его, значит, щекочут, а он, значит, смеется, тихо, правда, но смеется, спит и смеется. Вот балда, как же это я забыл, что Костя Малинин больше всего на свете щекотки боится. Я еще в лагере его сколько раз будил при помощи щекотки. Вот спасибо муравьям, что надумили. И, не теряя больше ни секунды, я всеми четырьмя

лапами сразу стал щекотать Костю под мышками. Тихий смех Кости-махаона сразу же перешел в хохот, и он проснулся. Сразу же проснулся! И глаза открыл, и совершенно спать перестал.

Трясется весь, хохочет, заливается как сумасшедший, лапами за живот хватается и говорит, захлебываясь от смеха:

— Ой, Баранкин! Ха! Ха! Зачем ты меня щекочешь? Ха! Ха! Ха!

— Ха! Ха! Ха! — отвечаю я Малинину.

Меня тоже в эту минуту разобрал смех, во-первых, на нервной почве, во-вторых, очень уж я обрадовался, что Костя проснулся от этого ужасного сна и окончательно пришел в себя. Я от этой нервной радости даже на время забыл о той смертельной опасности, которая еще продолжала грозить Косте Малинину. А главное, хоть Костя и проснулся, я все равно продолжал его щекотать. Кто его знает! Перестанешь щекотать, он возьмет и опять заснет.

— Да ну вас! — сказал Костя Малинин мне и муравьям, отталкивая меня и муравьев от себя. — Расщекотались здесь! Ха-ха! А что это там за шум! Ха-ха-ха!

И здесь я снова с ужасом вспомнил о том, что грозит моему лучшему другу, и не только вспомнил, но и понял, что, судя по голосам, Зинка с девочками уже начали окружать наш куст.

— Малинин! — заорал я. — Сию же минуту сосредоточивайся и начинай превращаться в трутня!

— Почему — в трутня? В какого трутня? — спросил Костя, сладко потягиваясь.

— Потому что там Зинка Фокина с юннатками. Они тебя как махаона хотят запрятать в морилку! Потом в сушилку! Потом в распрямилку!

— Как — в морилку? Зачем в морилку?

— Для коллекции! — заорал я.

При слове «коллекция» с Малинина сон прямо как рукой сняло, и он, очевидно, сразу все, все, все вспомнил, понял все, все, все, понял и осознал весь ужас положения, в которое мы с ним попали. Еще бы! Что такое коллекция, Костя знал хорошо, ведь он сам был когда-то юннатом и у него у самого когда-то была такая коллекция, в которую так хотела сейчас упрятать его Зинка Фокина.

— Что же ты меня сразу не разбудил?

— Я еще тебя не разбудил?! Скажи спасибо мурашам.

Это они меня надоумили... В общем, скорей повторяй за мной!

Я стал орать Малинину заклинание в самое ухо, а сам вижу, что он меня совсем не слышит, он, очевидно, при слове «коллекция» от ужаса обалдел и вообще перестал понимать, что я от него хочу.

Я ору изо всех сил:

Всех на свете лучше
Быть, конечно, трутнем!

А Малинин все молчит, потом вдруг как заорет:

Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой!
Хорошо быть муравшом!
Бабочке нехорошо!

Я сначала даже не понял, что на этот раз мы с Малининым начинаем превращаться в совершенно различных насекомых и наши пути, как говорится, расходятся в разные стороны. Я хочу стать трутнем, а Малинин хочет связать свою жизнь с муравьями! Зачем он это делает? Неужели он не соображает, что там его ждет? Да нет, он сейчас, по-моему, вообще ничего не соображает. Он сейчас соображает только одно, что лучше уж быть живым трудящимся муравьем, чем мертвой бабочкой.

Как вы думаете, мог я оставить Малинина одного в такой ситуации? Мог я сам стать долгожданным трутнем, а Малинину позволить превратиться в рабочего муравья? Конечно, не мог! Отвечаю я за Малинина или не отвечаю? Отвечаю, и еще как отвечаю, головой своей отвечаю! Ведь это я его втравил в эту историю, а не он меня.

В эту минуту за кустами, в довершение всего, раздался прямо какой-то лошадиный топот, треск ломаемых сучьев. За листвой со всех сторон замелькали разноцветные сачки, несколько девчонок взгромоздились с сачками даже на дерево и тем самым отрезали нам с Костей последний путь к спасению.

Все! Мне ничего больше не оставалось делать, как набрать в легкие побольше воздуха и вложить все свои последние силы в заклинание, которое в горячке придумал этот псих Малинин.

Ой, мамочка!
Я не хочу быть бабочкой, —

затараторил я вслед за Костей Малининым. —

Я уверен, хорошо
Быть на свете мурашом!..

Ой, я был в этом не уверен, совсем не уверен! Малинин, что мы с тобой делаем? И зачем только мы с тобой превращаемся в муравьев?!

Это была последняя мысль, мелькнувшая в моей измученной бабочкиной голове, разрывавшейся от забот, тревог, ужаса и волнений...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

КАРАУЛ! МИРМИКИ!

(Гибель Малинина)

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЕ

*неприятное для Зинки Фокиной и спасительное
для нас с Костей*

— Зиночка! — прошипела какая-то девчонка за кустом. — А если полетит капустница, что с ней делать?

Говоря о капустнице, девчонки, конечно, имели в виду меня, Баранкина. Поэтому для меня этот вопрос прозвучал так: «Зиночка, а если полетит Юрка Баранкин, что с ним делать?»

— Тоже в морилку! — ответила Зинка Фокина. — Махаон у нас будет экспонатом, а на капустнице я буду учить вас работать с распрямилкой.

«Дождался, Баранкин!» — подумал я про себя, прислушиваясь к звукам, долетавшим из-за куста. Судя по всему, там шли последние приготовления к штурму куста сирени: звякали флаконы, шуршали коробки для упаковывания бабочек, доносились страшные вопросы и еще более ужасные ответы.

— Зиночка, а если махаон (то есть Костя Малинин) попадет в сачок, можно его за крылья брать?

— Ни в коем случае! Нужно, чтобы у бабочки были неповрежденные крылья... Приготовьте морилки! Нина, у кого булавки для накалывания?..

— У меня.

— Приготовь булавки!

— Ой, я боюсь!

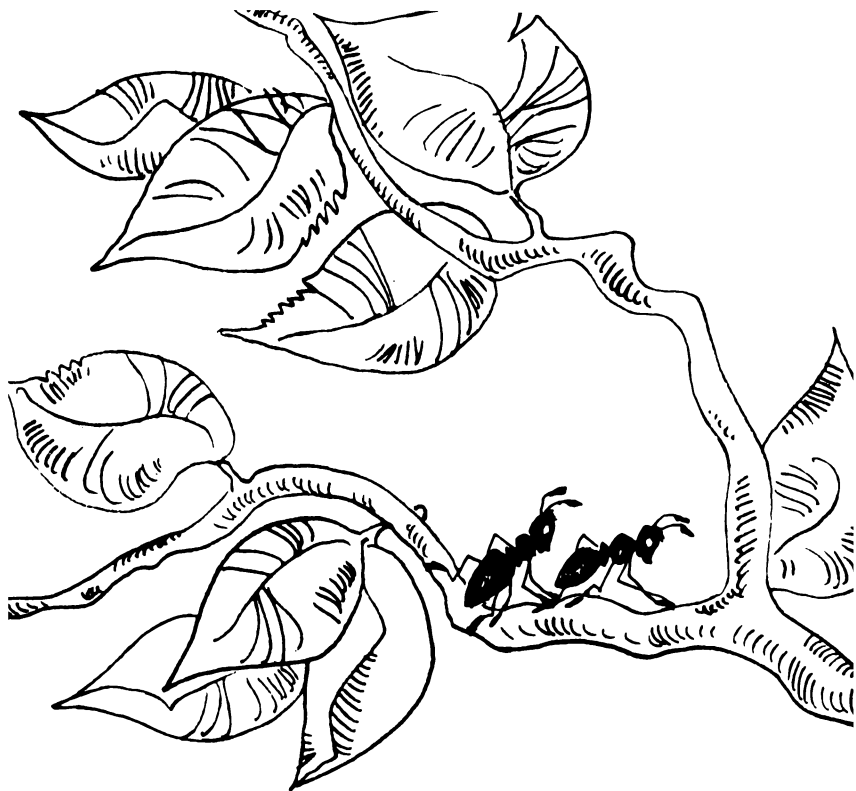
— Катя! Возьми булавки ты!.. Зоя, води наблюдение!..

— Я и так веду!..

— Все готовы?

— Вссе! — зашипели девчонки, как змеи.

— Открыть морилки!

Морилки были открыты — в воздухе запахло табаком. Кто-то громко чихнул. Кто-то сказал: «Ой, я боюсь!» Одна девчонка обожглась о крапиву и заойкала. На нее все зашикали. Раздался треск осторожно раздвигаемых сучьев. Вопросы:

— Где они?

— Вон они!..

— Где? Не вижу! На нижней ветке, что ли?

— Да нет! Выше!

— Выше?

— Ниже!

— Еще ниже! Правее! Теперь левее! Вон сухой лист, а рядом две бабочки!..

— Ой, девочки! Действительно!..

— Тише вы там!

Шорох раздвигаемых веток усилился, и покрасневшее лицо Фокиной, исцарапанное и покрытое паутиной, показалось в самых дремучих зарослях сирени; глаза, как у безумной, забегали по листьям.

— Ну, что там, что там, что там?.. — зашипели со всех сторон девчонки.

— Никого... — сказала Зинка Фокина растерянным голосом. — Никого!..

Конечно, если бы Зинка Фокина повнимательней пригляделась к тому месту, на котором она сама, своими глазами, несколько минут назад видела двух бабочек, то она при желании могла бы заметить двух маленьких черненьких муравьев, вцепившихся всеми шестью лапами в шероховатую кору сирени, но Зинке Фокиной было не до муравьев.

Она еще раз пошарила печальными глазами по веткам и, глубоко вздохнув, произнесла:

— Как сквозь землю провалились... Никого!

— Как это — никого?.. А мы кто такие? — прошептал один муравей другому.

Голубоглазый муравей рассмеялся, пошевелил усиками и стукнул лапой по плечу муравья с темными глазами.

Черноглазый муравей посмотрел на расстроенное лицо Зинки Фокиной, тоже пошевелил усиками, но ничего не сказал.

— Не может быть! — прошептала Зинка Фокина. — Я же своими глазами видела... Не могли же они сквозь землю провалиться!.. — Она еще раз обшарила весь куст мокрыми от слез глазищами и сказала: — Черт поberi! Вот черт поberi!

— Ругается! — обрадовался голубоглазый муравей (это был, конечно, Костя Малинин). — Ругается! — сказал он, потирая лапы. — Зин-зин-зинка Фокина чертыхнулась два раза! Вот здорово!

Костя подкрутил свои усики, хлопнул муравья с черными глазами по спине (это был, конечно, я, Баранкин!) и весь затрясся от беззвучного смеха.

Зинка Фокина сделала шаг назад. Ветки со свистом сомкнулись, и мы с Костей остались одни на раскачивающемся сучке сирени.

— Урра! — сказал Костя Малинин. — Опасность воздушного нападения миновала! Отбой!

Костя Малинин радовался, он радовался как человек, то есть он радовался как муравей, избежавший смертельной опасности, когда он был еще мотыльком. Его веселый муравьиный голос напоминал сигналы электрического зумера.

Хотя я тоже, как и Костя, избежал смертельной опасности и успел вовремя превратиться в муравья, но я не очень-то радовался: ведь если мы успели превратиться в муравьев, то мы с таким же успехом могли превратиться и в трутней. А от муравьиной жизни я абсолютно не ждал ничего хорошего, поэтому я не стал разделять Костиных восторгов, а мрачно сказал:

— Эх, Малинин! Что ты наделал, Малинин!

— А что я? — прозудел весело Малинин. — Что я, по своему желанию уснул, что ли? Это же закон природы!

— Да я не про закон природы! Я говорю: «И зачем мы только из-за тебя превратились в муравьев, а не в трутней?»

— Если бы тебе гро-зи-зи-ло попасть в коллекцию, стал бы ты очень выбирать, в кого тебе превратиться...

Я на это ничего не сказал Малинину, потому что в его словах, безусловно, была доля правды.

— И вообще, Баранкин, — продолжал Костя, — трутни это ведь вроде муравьев, только с крыльями, а нам с тобой крылья ни к чему, мы с тобой налетались уж на этих крыльях. Давай уж лучше уползем-зем-зем от всего света под землю, в муравейник. Уж там мы с тобой никого не встретим — ни юннатов, ни отличников, ни кошек, ни воробьев...

— Очень ты спрячешься в муравейнике, — налетел я на Малинина: его глупые рассуждения меня просто разозлили. — «Уползем-зем-зем»!.. Ты что, не знаешь, что ли, что муравьи — это самые, самые трудящиеся насекомые на всем свете? И что их каждый день заставляет работать.... этот, как его, инстинкт?

— Почему не знаю! — стал оправдываться Малинин. — Очень даже знаю, что муравьи трудящиеся. Но ведь сегодня выходной день!

Такое заявление со стороны Кости Малинина для меня было совершенно неожиданным.

— Ну и что, что выходной? — опешил я.

— А в выходной они, наверное, не работают!

— Значит, по-твоему, в выходной день инстинкт на муравьев не действует, что ли?

— Знаешь, Баранкин, — сказал Малинин убежденным голосом. — Я вообще считаю, что никакого инстинкта нет.

— Как — нет? — снова опешил я. — Нам же его преподают в школе!

— Ну и что, что преподают?.. Просто этот инстинкт все учителя нарочно придумали, чтобы нам вопросы задавать на уроках! Соображаешь?

Когда Малинин мне все это высказал, я сразу же стал соображать: а может быть, действительно Костя прав и никакого инстинкта у муравьев вообще нет, а выходной день, наоборот, есть... А если выходной день у муравьев есть, тогда нет ничего страшного в том, что мы превратились не в трутней, а в мурашей... Конечно, у муравьев есть выходной день!.. А может быть, все-таки нет? Я попробовал представить себе жизнь без выходных дней и не смог. Еще я вспом-

нил беседу, которую в школе проводил с нами доктор. Беседа была о том, что надо обязательно отдыхать каждый выходной день. Если людям надо отдыхать каждое воскресенье, то муравьям тем более: они ведь такие маленькие и слабые. Нет! Конечно, у муравьев должен быть выходной день, и он у них, конечно, есть! А если выходной есть, тогда, пожалуй, все в порядке! И можно не вешать нос, то есть усы, и можно бежать в муравейник и занять там какую-нибудь отдельную комнату, и начать ходить там на голове, и вообще делать все, что только тебе вздумается. Здорово я развеселился от этих мыслей.

— Малинин! — прозудел я, спрыгивая с ветки на землю. — Сейчас мы разыщем с тобой муравейник, зайдем отдельную комнату, запремся, закроем дверь на замок и...

— У них же нет, наверное, дверей и замков в комнатах, — усомнился Костя.

— Неважно! — сказал я, развеселившись еще больше. — Важно, что комнаты есть, а уж загородиться чем-нибудь от всего на свете мы сумеем! Мы с тобой бабочки ученые и воровьи стреляные, нас теперь на мякине не проведешь!

Я побежал по земле и на радостях ударил лапой попавшее мне на пути круглое семечко, напоминавшее по форме футбольный мяч.

Костя Малинин принял мою передачу и отпасовал семечко обратно. Только здесь, на земле, я разглядел хорошенько Костю-муравья. Он весь блестел так, словно его начистили сапожным кремом, и талия у него была очень смешная — тонюсенькая-претонюсенькая, как у девчонки, и лап было сразу шесть штук. «Очень это здорово, что у муравья шесть лап, — подумал я, — в футбол удобно играть. Особенно бить по воротам, со всех шести лап. И в воротах стоять тоже удобно: на двух лапах стоишь, четырьмя ложишь мяч...»

В доказательство своей мысли я подпрыгнул в воздухе и ловко принял на грудь семечко-мяч всеми четырьмя лапами сразу. В обнимку с мячом я упал на землю и покатился, громко смеясь от удовольствия.

— Куча мала! — крикнул Костя Малинин и повалился на меня.

Мы начали было кувыряться, но тут я заметил, что из леса, то есть из травы, навстречу нам вышло человек шесть муравьев. Я, конечно, очень обрадовался. Вскочил.

— Здорово, ребята! — крикнул я муравьям, поднимая

в знак приветствия все четыре лапы. Потом я ударил по мячу лапой и сказал: — Может, по случаю выходного в футбол сыграем, ребята?.. Вас сколько человек? Шесть? И нас двое! Как раз! Разделимся на две команды по четыре! Чур, я — центр нападения!

Настоящие муравьи как-то странно посмотрели на меня, похлопали друг друга усиками, пошептались между собой, дали задний ход и тихо скрылись в зарослях травы.

Мы с Костей побежали их догонять, но в соседнем лесу, то есть в траве, уже никого не было, зато совсем рядом внизу, под пригорком, мы обнаружили дорожку, по которой шло самое оживленное муравьиное движение.

Муравьи сновали взад и вперед. Одни из тех, что были поменьше ростом, несли на себе комочки земли, палочки, листики, хвойные иголки. Другие муравьи, широкоплечие, с большими головами и огромными челюстями, волокли гусениц, мертвых мух и жуков...

— Что это они, Малинин? — спросил я Малинина, насторожившись. — Работают, что ли?

— Да что ты, Баранкин, — ответил Малинин, — это они гуляют по своей главной улице.

— Как — гуляют? — спросил я недоверчиво.

— Так, гуляют. Сегодня же воскресенье!

— А зачем же они тащат на себе всякие бревна и камни, если сегодня воскресенье?..

Малинин промолчал.

— А по-моему, они не гуляют, а работают...

— Ну что ты, Баранкин, — возмутился Малинин, — какая же работа может быть в выходной день?

— А бревна на плечах? — спросил я Малинина.

— А бревна... — ответил Малинин. — А бревна... Это у них так принято — гулять с бревнами на плечах!

— Принято? — переспросил я, потом потер глаза лапами, уставился повнимательней на муравьев, и сердце у меня заныло от какого-то очень нехорошего предчувствия.

Это ощущение возникло у меня и от того, что я увидел, и еще от фразы Малинина, которую он произнес, глядя на муравейник.

— Знаешь что, Баранкин, — сказал Костя, — давай лучше не пойдем в муравейник, давай лучше гулять одни, где-нибудь там... — И Костя махнул лапой в сторону, совершенно противоположную муравейнику.

Собственно говоря, я это и сам хотел предложить Косте,

просто он немного опередил меня с этим предложением, поэтому я, не колеблясь ни секунды, сказал:

— Давай, Калинин, давай! Включай, Калинин, задний ход. «Пока не поздно», — хотел добавить я, но промолчал.

Мы хотели попятиться прочь от муравейника, но здесь с нами обоими случилась непонятная вещь: вместо того, чтобы пятиться назад, мы стали пятиться вперед, прямо по направлению к муравейнику. Я ясно чувствовал, что я делаю это вопреки своему желанию, чувствовал и понимал, но ничего не мог с собой сделать, потому что какая-то неведомая сила медленно, шаг за шагом, стала приближать нас с Костей к муравейнику.

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЕ

Мы ремонтируем муравейник

Медленно, нехотя, вопреки своему желанию мы продолжали с Костей приближаться к снующим взад-вперед муравьям, и с каждым шагом мне становилось все ясней и ясней, что все муравьи, все до одного, заняты делом, несмотря на то что для всех людей этот день был выходным днем.

Муравьи работали, работали, трудились, и отрицать это было просто бессмысленно. Незаметно мы очутились в самой муравьиной гуще, так близко, что даже было слышно, как они громко пыхтят под своими ношами. Рядом с нами, например, целая бригада тащила домой огромную стрекозу. И, хотя муравьи из этой бригады суетились, как девчонки, мешали друг другу, а главное, тащили стрекозу в противоположные стороны, несмотря на это, стрекоза каким-то чудом двигалась все же по направлению к муравейнику.

— Работают муравьи! — сказал я Косте.

Муравьи работали! Работали все без исключения. Никто из них не отлынивал, никто не занимался посторонними делами, или разговорами, или играми, никто не лежал под кустом и не загорал, а главное, никто никем не командовал и никто ни на кого не орал вроде нашей Зинки Фокиной. Вы бы послушали, какой она шум поднимает на каждом субботнике!

— Работают! — сказал я Косте Калинин.

— Ну и что, что работают! — огрызнулся Костя. — Гемные, вот и работают. Необразованные личности! Навер-

ное, даже не знают, что такое воскресенье. А мы с тобой образованные! Мы с тобой работать не будем!

— И инстинкт, значит, существует, — сказал я очень серьезным голосом. — Раз они ему подчиняются, значит, ОН существует!

— Ну и пусть себе подчиняются! А мы не будем никому подчиняться! — сказал упрямым голосом Костя Малинин.

Я вообще-то тоже, как и Костя Малинин, был абсолютно уверен, что инстинкту и в самом деле можно было не подчиняться, даже если он и существует на самом деле... Каково же было мое удивление, когда мне вдруг ни с того ни с сего совершенно неожиданно ужасно захотелось приступить к работе вместе с темными и необразованными муравьями. Это желание было сильным и непреодолимым. Мне казалось, что если я сию же минуту не взвалю себе на плечо какой-нибудь груз и не начну трудиться, как все муравьи, то я просто умру на месте.

Подобрав с земли сухую ветку, я молча взвалил ее на плечо и поволок к муравейнику. И тут мне сразу стало легче, как будто гора с плеч свалилась! Стало даже как-то весело и приятно. В это время то же самое случилось и с Костей Малининым, то есть сначала, когда я взвалил на плечо сучок, он посмотрел на меня, как на ненормального, а потом тоже вдруг с необычайной энергией и желанием подхватил ветку с другого конца и стал молча помогать мне, падая и спотыкаясь на каждом шагу.

Сучок был тяжелый, как настоящее бревно, он то и дело цеплялся за траву, за камни, скатывался с плеч, но мы продолжали над ним пыхтеть и тащить его с большим удовольствием, пока не дотащили по подземному ходу до самого муравейника. Возле входа в муравейник два муравья перехватили у нас бревно и утащили в темноту, а мы с Костей послушно повернулись в обратную сторону и побежали за новым стройматериалом.

Вот так! Таким, как говорится, образом присоединились мы с Костей к «гуляющим» муравьям и стали вместе с ними «гулять» со всяким мусором на плечах, то удаляясь от муравейника, то возвращаясь к нему обратно. Взад-вперед! Взад-вперед! С ветками, с хвойными иголками на плечах, с сухими листиками, с комочками земли бегали мы как заведенные, и даже перестали разговаривать друг с другом. так занялись мы этой работой.

Честно говоря, работать под управлением инстинкта — дело малоинтересное и, я бы сказал, глупое. Голову твою все время как бы сверлит одна фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай, Баранкин! Ворочай, Баранкин!..» А ЗАЧЕМ «тащи»? ДЛЯ ЧЕГО «тащи»? Ты ничего не соображаешь, а соображать тебе все время что-то не дает и мешает, и от этого ты себя чувствуешь просто каким-то дураком и даже кретином... Один раз только на меня нашло просветление, это когда мне надоело таскать бревна на плече, и я быстренько соорудил для нас с Костей носилки, но дурацкие ощущения в голове все равно не проходили, и фраза: «Давай, Баранкин! Давай! Тащи! Волочи! Перетаскивай!..» — продолжала тупо сверлить мой мозг.

Второй раз на меня нашло просветление, когда я хотел спросить у Малинина (раз уж он втравил меня в эту муравьиную историю), долго ли еще будет нас гонять этот проклятый инстинкт, но затем я с большим трудом сам вспомнил, что я совсем недавно прочитал книгу «Пароль скрещенных антенн», где черным по белому было написано, что муравьев инстинкт заставляет работать до самого-самого захода солнца...

Не знаю, может быть, мы с Костей в этот день привыкли бы к этому муравьиному конвейеру и действительно поработали до самого захода солнца, если бы не одно происшествие, которое случилось, когда мы в двадцатый или тридцатый раз возвращались с носилками к муравейнику. Именно в это время мимо нашего (нашего!) муравейника проходил Венька Смирнов. Ничего хорошего от этого произойти, конечно, не могло. Не успел я об этом подумать, как Венька, насвистывая, ткнул два раза черенком лопаты в муравейник и, так же насвистывая, ушел прочь.

Что здесь с нами случилось! С «нами»... Это я имею в виду не только нас с Костей, а всех муравьев. Что здесь с нами со всеми случилось! Мы сразу все, как один, как по команде, к-а-к записховали, как занервничали, как заметались и к-а-к бросились все перевыполнять всякие нормы по ремонту нашего общего муравейника. Было такое впечатление, что инстинкт из-за этого Веньки взял нас всех и «переключил» с первой скорости на третью и поэтому мы все стали работать с удесyтеренной силой.

Когда я все это ощутил, мне так и захотелось отречь Малинина носилками по спине, но при всем желании я этого не мог сделать, потому что носилки с другой стороны

держал Костя Малинин и еще потому, что мою голову с удесятеренной силой продолжала сверлить фраза: «Давай, Баранкин! Скорей давай! Тащи скорей! Волочи скорей! Ворочай! Давай, Баранкин! Давай скорей! Давай! Давай! Скорее! Скорее!..» И еще потому, что, как бы я ни сердился на Костю, я бы никогда не смог не только ударить его, но даже тронуть пальцем.

Ведь он вместе со мной несется сейчас на третьей скорости, и его несчастную голову в эту минуту тоже, вероятно, сверлит эта проклятая фраза: «Давай скорей, Малинин! Давай! Тащи скорее! Волочи скорей! Ворочай! Давай, Малинин! Давай! Давай! Давай! Скорей! Скорей! Скорей!..»

СОБЫТИЕ ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТОЕ

*Это был, наверное, единственный в своем роде
«бунт» на земле*

Все!

Все рухнуло!!! Все мои надежды, все мои мечты и фантазии — все рухнуло! Я понял, я окончательно уверился в том, что такой жизни, о которой я мечтал, сидя на лавочке в ожидании Мишки Яковлева, такой жизни нет и не может быть нигде — ни на земле и ни под землей... Ни у воробьев, и ни у бабочек, и ни у муравьев!.. И у трутней тоже наверняка нет такой жизни. И такого состояния, в котором можно ничего не делать, тоже, вероятно, не существует, потому что если бы мы сейчас с Костей даже были трутнями, а не муравьями, то мы бы с ним старались ничего не делать, а для того чтобы ничего не делать, как я убедился, нужно обычно столько сделать, что уж лучше что-нибудь делать, чем пытаться ничего не делать...

...Нет такой жизни! И незачем ее искать! И нечего терять время! О-н-а не существует! А если все это так, то зачем же тогда я и мой лучший друг Костя Малинин все еще продолжаем быть муравьями? Почему мы на третьей скорости ремонтируем муравейник, в котором даже не собираемся жить? Зачем мы обливаемся потом и падаем на каждом шагу от усталости?

Пора! Пора возвращаться, пока не случилось какой-нибудь ужасной неожиданности. У этих птиц и насекомых каждую минуту может случиться такое, что потом и костей

не соберешь. Я оглянулся на Костю Малинина. Малинин молчал, он ни о чем меня не спрашивал, он не ворчал на меня за то, что в третий раз попал в такую передрагу, он не ругал и не проклинал меня, и это было невыносимо. Уж лучше бы он меня разнес за все в пух и прах.

Но Костя молчал, словно воды в рот набрал. Он копошился, нагружался, разгружался, снова нагружался и опять разгружался, носил, таскал, перетаскивал, не отставая от меня ни на шаг. Костя работал, как самый заправский муравей.

«Надо остановиться! — подумал я. — Немедленно прекратить работу и остановиться. Надо сохранить силы для нашего возвращения. А то этот инстинкт к вечеру загоняет нас с Костей до полусмерти, так, что не шевельнешь ни рукой, ни ногой... В конце концов, пусть этому инстинкту обыкновенные муравьи подчиняются без всякого рассуждения, а мы Е-М-У докажем, что мы с Малининым разумные существа. Докажем! А как мы ему докажем, если от моего этого самого разума в голове уже почти ничего не осталось! И мыслей никаких, кроме «Жми! Тащи! Неси! Ворочай!...» И вот я жму, тащу, несу, ворочаю, а сам себе тихонько командую: «Думай, Баранкин! Думай!.. Соображай все-таки назло этому самому инстинкту! Не подчиняйся ему! Не подчиняйся!...»

И вот тут-то в моей голове при слове «не подчиняйся» вдруг мгновенно созрел план заговора, может быть единственного в своем роде на всем земном шаре. Я решил против инстинкта поднять самый настоящий бунт и самое настоящее восстание!

Я остановился на бегу с охапкой хвойных иголок! Я поднялся на задние лапы. Я распрямил свою усталую спину. И закричал громко, на все поле боя, как Петр Первый под Полтавой.

— Малинин! — скомандовал я. — Сбрасывай с себя мусор! Будет!

— «Будет»? Что будет? — спросил Костя совершенно равнодушным голосом.

— Бунт будет! Вот что будет! Заговор!

— Против кого заговор?

— Против И-Н-С-Т-И-Н-К-Т-А! Заговор!..

— А что такое «заговор»? — спросил Малинин.

Вот тебе раз! Видно, у Кости от этой муравьиной жизни уже начал ум за разум заходить, раз он уже начал забы-

вать значение самых обыкновенных человеческих слов. Тогда я быстренько напомнил ему значение слова «заговор» и объяснил ему, что это значит. Костя тупо выслушал меня и тупо спросил:

— А какой заговор?

— Что значит — какой? Обыкновенный!.. То есть не обыкновенный, а смертельный — вот какой! Понимаешь?

— А что значит «смертельный»? — опять задал мне вопрос Костя.

— Смертельный — это значит: мы лучше с тобой умрем, но не подчинимся инстинкту!

— А что такое «не подчинимся»? Как — не подчинимся? — Малинин посмотрел на меня печальными глазами и недоверчиво вздохнул.

— Ну, очень просто! Понимаешь, он, инстинкт, будет нас, меня и тебя, нагружать... Понимаешь, нагружать!

— Нагружать — это я понимаю, — сказал Костя.

— Ну вот! — обрадовался я. — Он, инстинкт, будет нас нагружать и заставлять работать, а мы, я и ты, будем ему не подчиняться... Не подчиняться — понимаешь?..

— А как — не подчиняться?

— А вот так не подчиняться! Вот так! Смотри!

Я взял и сбросил охапку хвойных иголок со спины на землю. Костя Малинин сначала посмотрел на меня, как на ненормального муравья, потом с трудом о чем-то подумал и тихонько опустил на землю березовый лист. Потом мы вместе налегке сбежали с муравьиной дорожки в сторону. Инстинкт, конечно, хотел тут же заставить меня поднять иголки, но я ему не подчинился. Костя Малинин стоял напружинившись рядом со мной, потом вдруг закружился на месте, как собака, которая хочет поймать себя за свой хвост.

— Чего ты вертишься? — спросил я Малинина.

— Очень хочется вернуться и поднять лист, — прошептал Малинин.

— Не подчиняйся ни за что! Преодолевай!

— Я и так преодолеваю.

— Молодец! — похвалил я Малинина, забираясь под куст травы. — Иди сюда.

Тяжело дыша и преодолевая на каждом шагу сопротивление инстинкта, Костя с трудом приблизился ко мне и вцепился в меня всеми шестью лапами. Я подтянул к себе березовый листок и укрылся им с головой, словно одеялом, чтобы нас никто не видел.

— А теперь, — сказал я лихорадочным шепотом, — а теперь, Малинин, сосредоточься и повторяй за мной:

Ни ночью! Ни днем!
Не хочу! Быть!
Муравьем!
Я! Хочу! Навеки!
Быть! Человеком...

Громко вскрикнув, Костя глубоко вздохнул и вместо волшебных слов заклинания сказал:

— Ой, мамочка!..

— Чего ты? — спросил я.

— Меня за ногу кто-то дергает!..

Я, конечно, подумал, что это к Косте опять инстинкт привязался. Приподняв березовый лист, выглянул наружу, смотрю — нет, не инстинкт, а какой-то совершенно незнакомый муравей схватил Костю за заднюю лапу и тянет изо всех сил...

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТОЕ

Небывалое и неслыханное на весь муравейник

Я думал, что мне удастся легко отделаться от муравья, но я ошибся. Муравей оказался очень настырным. Он и меня тоже схватил за одну лапу.

Я ему, конечно, пригрозил: «Отцепись! А то хуже будет!» — а он все тянет и тянет, потом дергать начал, потом взял и стянул с нас одеяло, то есть березовый лист. Я, конечно, разозлился и вскочил на ноги; старый муравей обстукал нас с Костей с ног до головы усиками, словно доктор, и спрашивает:

— Вы что, заболели?

— Нет, — говорю, — я лично здоров...

— А почему же вы лежите?

— А мы отдыхаем!

— А почему вы отдыхаете, когда все работают?

— Потому что сегодня воскресенье, — сказал я.

— Какое воскресенье? — не понял муравей.

— Выходной день, — пояснил я.

— Какой выходной? Почему выходной?..

— Обыкновенный день отдыха, — сказал я.

Весть о том, что два муравья в самый разгар работы легли спать, сразу же облетела весь муравейник. Это происшествие было, вероятно, настолько небывалым и неслыханным, что на нас собрались посмотреть все муравьи. Одни окружили меня и Костю на полянке плотным кольцом и стали таращить на нас глаза, другие забрались на цветы и траву и разглядывали нас сверху.

— Что такое выходной день? — продолжал допрашивать меня дотошный муравей.

— Выходной день — это такой день, когда никто не работает, — стал объяснять я собравшимся, и чем больше я им объяснял, тем меньше они меня понимали. — В общем, — сказал я, — когда мы жили там, мы в этот день никогда не работали.

— Где это «т-а-м»?

— Там! — Я махнул лапой в сторону большого каменного дома. — Там... Вон в том кирпичном муравейнике, то есть не в муравейнике, а в этом... в челевейнике...

Я совсем запутался и замолчал. Из толпы муравьев слышались голоса:

— Подозрительно! Подозрительно!

— Кто они такие?

— Надо разобраться, разобраться!

— Не надо разбираться, оторвать им ноги, и все!

— Они не мы, они чужие! Они и говорят не по-нашему!

— Надо разобраться, разобраться!

Пока старые муравьи совещались между собой, что с нами делать, толпа продолжала шуметь. Пока толпа продолжала шуметь, а старые муравьи продолжали совещаться, я успел шепнуть Косте:

— Малинин! Повторяй за мной слова, пока не поздно:

Ни ночью! Ни днем!
Не хочу! Быть!
Муравьем!

Но Малинин Костя будто оглох. Он с ужасом смотрел на старых муравьев, совещавшихся между собой в стороне, и ничего не слышал.

Тогда я тоже замолчал. Не мог же я поступить иначе, тем более что к этому времени старые муравьи кончили совещаться и один из них со словами «слушайте все!» снова приблизился к нам с Костей.

— Слушайте все! — сказал он. — Вот эти два муравья, — старый муравей показал лапой в нашу сторону, —

эти два бездельника, не дожидаясь Луны, прекратили работу в самый разгар Солнечного Света!.. Не дожидаясь захода Солнца, они перестали работать и легли спать, укрывшись березовым листом. Я старый муравей, но я никогда не слышал от старейших муравьев, чтобы в нашем муравейнике когда-нибудь произошло такое не виданное моими глазами не слыханное моими ушами преступление.

Толпа грозно загудела.

— Слушайте все! — повторил старый муравей. — Совет Старейших Муравьев решил приговорить этих двух преступников к Смерти!..

Толпа муравьев загудела одобрительно. Костя Малинин не успел пикнуть, как к нему и ко мне подошло штук десять муравьев. Не говоря ни слова, они схватили нас с Костей за ноги, перевернули и понесли прочь от муравейника.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЕРВОЕ

*Вот что такое мирмики
и вот что такое Костя Малинин*

Не знаю, чем бы кончилось все это (я даже боюсь догадываться, чем бы это все могло кончиться!), если бы сидевший на высоком цветке муравей не закричал:

— Мíрмики идут! Мирмики! Мирмики!!!

При слове «мирмики» волочившие меня и Костю муравьи как-то странно задрожали с ног до головы и бросили нас на землю. Потом они заметались во все стороны, замахали дрожащими усиками и забавно задрывали ногами. Все это было похоже на какой-то воинственный танец дикарей. Постукивая друг друга усиками, приподнимаясь на задние лапы, пританцовывая и принимая время от времени страшные, угрожающие позы, муравьи повторяли один за другим то странное и непонятное слово, которое произнес муравей, сидевший на цветке: «Мирмики! Мирмики!» Затем они, как один, все вместе упали с задних лап на четвереньки и опрометью бросились в кусты травы, забыв про нас с Костей. Прошло еще мгновение, и муравьи все до одного скрылись за стволами травинки. Поляна опустела. Мы остались одни.

Не знаю отчего, но мне почему-то тоже передалось то самое тревожное настроение, которое охватило всех муравьев при слове «мирмики».

— Лезь за мной! Только тише... Не шуми, — сказал я Косте Малинину, влезая на близрастущий цветок и оглядывая окрестности.

— Почему тише? — спросил Малинин, карабкаясь следом за мной.

— Так! На всякий случай, — сказал я, не догадываясь о том, что моя предосторожность ровно через минуту спасет нам с Костей жизнь. — Ползи выше.

— А я что, не ползу, что ли? — огрызнулся Малинин.

Забравшись на лист, я хотел уже подняться еще выше, как вдруг заметил внизу, под нами, черного хромого муравья и всех остальных наших «носильщиков». Они вышли из густой травы, как-то странно пятясь спинами. Рассыпавшись цепочкой, остановились. Свесив головы с листка, мы с Костей стали молча наблюдать за странным поведением черных муравьев. Они стояли не шевелясь, словно солдаты, приготовившиеся к бою, и в эту минуту из травяного леска выползло штук пятнадцать здоровенных муравьев красно-рыжего цвета. Выползли и тоже остановились.

То, что произошло дальше, походило на коротенький киножурнал про войну.

Рыжие муравьи, как собаки, бросились на черных, щелкая своими огромными челюстями, как щипцами. Не успел я моргнуть, как по земле покатались, словно мячики, головы черных муравьев. Из всех черноголовых солдат уцелел только один хромоногий. Видно, это был самый опытный и бывалый солдат, так ловко отбивался он от нападающих на него двух рыжих муравьев. Одному из них он даже успел вцепиться в усики, и тот от боли закрутился волчком по земле, но в это время еще двое рыжих подошли к своим на помощь и, схватив хромого за задние лапы, растянули его на земле.

Черный встряхнулся, но тут еще один рыжий мирмик прыгнул ему на спину, и с черными муравьями все было кончено.

Рыжие с победоносным видом огляделись по сторонам, пошевелили усиками и стали молча счищать пыль с боков и приводить себя в порядок.

Я отполз от края листка, чувствуя, как инстинкт, тот самый инстинкт, который мы недавно преодолели с Костей Малининым, начинает снова пробуждаться во мне, и не

только начинает пробуждаться, но, кажется, посылает меня в бой на помощь нашим черноголовым муравьям. Еще секунда, и я бы непременно прыгнул с цветка прямо на спины рыжим мирмикам, но я не прыгнул с цветка, я взял и, как в прошлый раз, преодолел в себе инстинкт, потому что это было с его стороны явной глупостью — посылать меня одного в бой против целого отряда мирмиков. И потом я твердо знал: если я нападу на рыжеголовых, то инстинкт заставит, конечно, и Костю ввязаться в драку, а уж где-где, но в драке с мирмиками Малинину несдобровать, это определено.

Пока я мысленно боролся с инстинктом, мирмики успели скрыться в зарослях травы, и поляна снова опустела. Стараясь не шуметь, мы с Костей на цыпочках быстро вскарабкались на самую верхушку цветка и чуть не ахнули. Оказывается, рыжие муравьи к этому времени успели окружить муравейник со всех сторон. На полянах и в траве уже кипело самое настоящее ожесточенное сражение.

— Война, Малинин! — сказал я.

— Война, Баранкин! — сказал Костя Малинин.

Хотя рыжих солдат на поле боя было гораздо меньше, зато они были крепче, сильнее и гораздо опытнее черных муравьев. Медленно, шаг за шагом, они теснили черных муравьев, отступавших к муравейнику. Поляны, взятые с бою рыжими мирмиками, были все усеяны черными трупиками. Они лежали на земле в самых разнообразных позах. Раненые вздрагивали ногами, слабо шевелили челюстями.

— Гады! — закричал вдруг Малинин, поднимаясь на задние лапы. — Вот гады! Маленьких бьют!

Я схватил Малинина на всякий случай за лапу и оттащил от края наблюдательного пункта.

А бой тем временем разгорался все сильнее и сильнее. Дерущиеся хватали друг друга за ноги, делали подножку, откусывали усики и вцеплялись в горло мертвой бульдожьей хваткой.

— Вперед, чернопузые! Не робей! Бей рыжих! — орал Костя, вырываясь у меня из рук. — Бей захватчиков!

А чернопузые были действительно молодцы. Они как-то очень быстро сумели приноровиться к мирмикам и дрались теперь как львы, используя свое численное превосходство. Впятером или вшестером они дружно бросались на рыжего великана, за ноги и за усики растягивали его на земле и приканчивали.

— Так их! Так их! — заорал я во все горло.

— Вперед, чернопузые! — закричал Костя.

— Урра! — закричали мы вместе с Костей.

Рыжие дрогнули и стали отступать.

Я заложил лапу в рот и оглушительно свистнул. Костя запрыгал от радости по цветку, закружился и вдруг остановился как вкопанный.

— Смотри! — сказал он, глядя в противоположную от муравейника сторону.

Я взглянул вниз и увидел вдалеке за холмом большущий отряд мирмиков, спешивших к своим на помощь. И это в ту минуту, когда черные заставили отступить рыжих по всему фронту. Если эта армия рыжеголовых подоспеет на помощь, черным несдобровать. Нам с Костей тоже несдобровать: мы ведь с ним тоже черные муравьи. Кругом война, а мы расселись, как в кино, и смотрим.

Если бы сейчас я и Костя были людьми, а не мурашами, мы бы могли черным помочь как полагается, а так — что от нас толку! А может быть, и так будет толк? Если сейчас взять на себя командование черными мурашами, сразу может получиться другая картина. Конечно, они нас хотели с Костей казнить, ну да ладно! Это они не со зла, а за дело. Вообще-то они хорошие ребята! И дерутся здорово, только очень уж как-то инстинктивно, не соображают, что к чему, и главнокомандующего у них нет, каждый сам за себя, а если бы им сейчас командира, вот тогда бы они показали этим рыжим мирмикам, где раки зимуют!

А что, если нам действительно взять командование на себя? Я — главнокомандующий, Костя — начальник моего штаба. Да нет, Костя Малинин наверняка испугается — какой из него начальник штаба! Нет, уж лучше поскорее превратиться в людей, превратиться и отогнать этих рыжеголовых от муравейника.

— Малинин! — скомандовал я, не отрывая глаз от сражения. — Повторяй, Малинин!..

Я хочу навеки
Быть Человеком!
Ни ночью, ни днем
Не хочу быть муравьем!

— Баранкин, за мной! Смерть мирмикам! — услышал я за спиной отчаянный крик Кости Малинина.

Я обернулся, но было уже поздно. Со словами: «Баранкин, за мной! Смерть мирмикам!» — Костя спрыгнул с

цветка и, подхватив на бегу с земли сучок-дубинку, ринулся наперерез отряду рыжих муравьев-разбойников на соединение с черными мурашами!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЕ

Мы попадаем в окружение

— Инстинкт! — мелькнуло у меня в голове. Неужели в Косте Малинине заговорил инстинкт и не только заговорил, но и погнал его на войну? Нет! Я слишком хорошо знал Костю Малинина, чтобы так подумать. Костя в жизни был не очень-то смелый, и никакой инстинкт не мог заставить его ввязаться в драку. Просто на этот раз в Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК, ведь в каждом же человеке должен заговорить человек, если на его глазах большие начинают несправедливо обижать маленьких, да еще таких симпатичных и настоящих работяг, какими были чернопузые мураши. Да! В Косте заговорил ЧЕ-ЛО-ВЕК! Ну, Малинин! Молодец Малинин! Взял и на расстоянии услышал мои мысли и ринулся в самую гущу боя на выручку черным мурашам. Ни секунды не раздумывая, я тоже спрыгнул с цветка и сломя голову помчался за Малининым вдогонку, вниз по склону горы.

С горы было хорошо видно, как большущий отряд рыжеголовых стал заходить в тыл черным муравьям. Надо было во что бы то ни стало предупредить об этом НАШИХ, но Малинин, вместо того чтобы идти на соединение с черными муравьями, вдруг яростно рванулся влево и помчался один прямо навстречу наступающим по всему фронту мирмикам.

— Костя! — орал я на бегу. — Малинин! Подожди! Не в ту сторону наступаешь! Куда ты? Убьют! Костя! Остановись!

Но Костя Малинин на мои крики не обращал никакого внимания.

— Вперед! На врага! Бей фашистов! — визжал он, размахивая дубинкой и прибавляя ходу. Он мчался вскачь каким-то лошадиным галопом, оставляя за собой целые облака пыли.

Отряд мирмиков, заметив несущегося им наперерез чер-

ного муравья, сразу же изменил направление движения. Перестроившись на ходу, мирмики о чем-то быстро посоветовались между собой и помчались навстречу Косте Малинину. Сейчас они сшибутся, и голова Малинина, отрубленная страшной челюстью, покатится по траве... Охватив полукольцом несущегося им навстречу Малинина, мирмики тем самым совершенно отрезали нас от своих.

Теперь все решала скорость. В три тигриных прыжка я нагнал Костю, схватил его за задние лапы и поволок прочь за холм, к маленькому ручейку. Переправившись через бьющий поток на березовом листке, я стащил Малинина за ноги на берег и спрятал в траве в то самое время, когда на противоположный берег высыпали преследующие нас рыжие муравьи. Для большей безопасности я оттащил Костю поглубже в лес и стряхнул его со спины.

Костя Малинин продолжал сидеть с очумелым видом на траве, глаза у него были выпучены так, будто он все еще продолжал мысленно мчаться навстречу мирмикам.

— Эх ты, вояка! — сказал я, с трудом вырывая из Костиных лап сучок-дубинку. — Размурашился! Сейчас как тресну тебя по башке, чтобы ты в другой раз не лез куда не надо! Шел бы на соединение с нашими, а ты... Эх, Малинин!..

Я бы, наверное, и вправду вклеил Косте оплеуху, если бы в чаще травы в эту минуту не мелькнула спина рыжего мирмика. Я повернул голову. Из кустов высунулась рыжая морда и зверски пошевелила огромными челюстями. Справа и слева тоже показались рыжие муравьи... Вот тебе раз! Значит, им тоже удалось перебраться через ручей, и не только перебраться, но и окружить нас со всех сторон.

— Лезь на цветок! — тихо шепнул я Малинину. — Ментально сосредоточивайся и немедленно превращайся в человека!

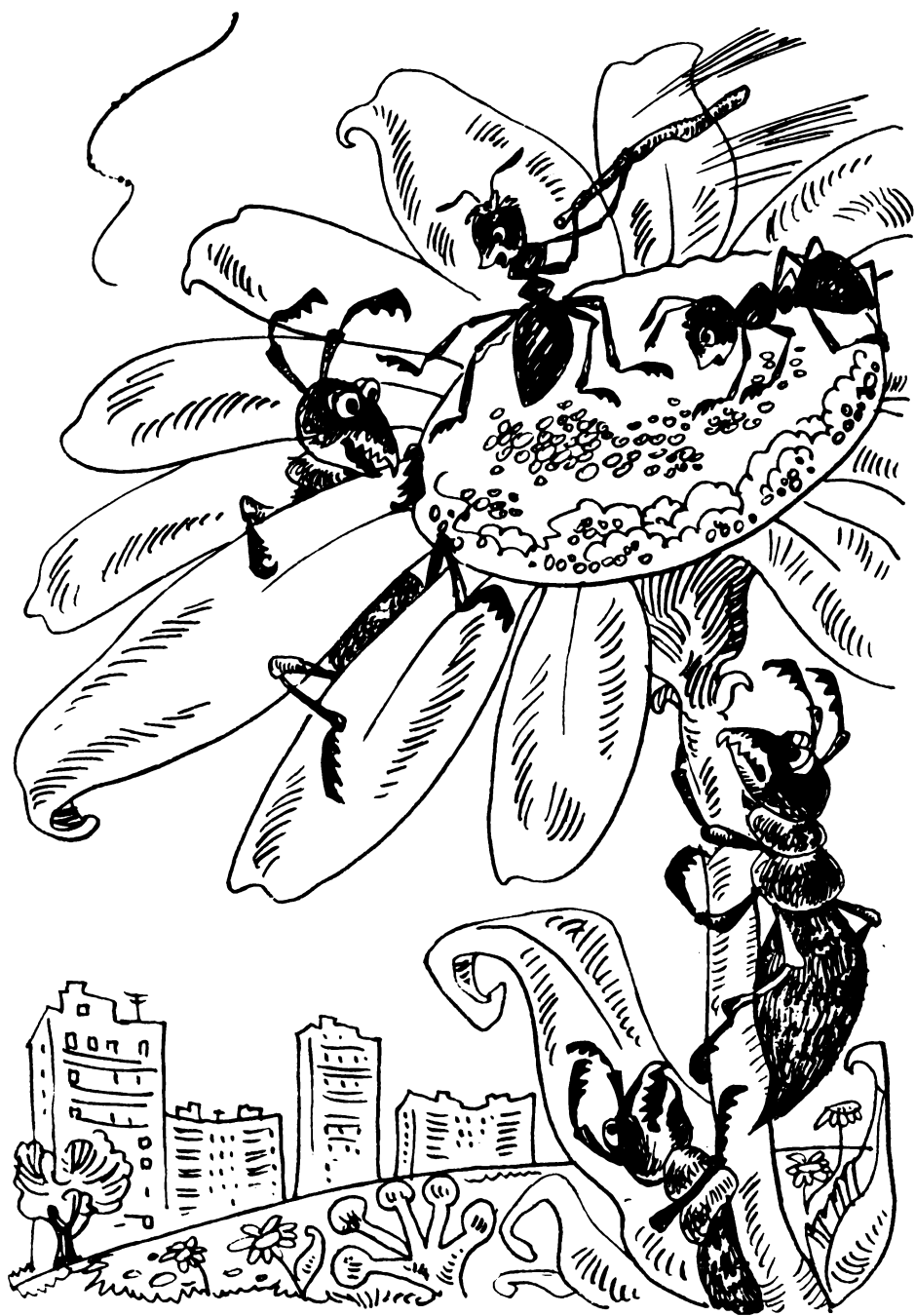
— А ты?

— Я буду прикрывать твой отход. Сам видишь, в какое положение попали. Лезь!

Костя шмыгнул по стеблю вверх, я — за ним. Мирмики услышали шорох и задрали вверх морды. Один из них, чтобы лучше видеть, встал на задние лапы.

— Лезь выше, — шепнул я Косте, — заметили, гады! Лезь на самый цветок и там скорее превращайся...

Пока Малинин карабкался на верхушку цветка, мирмики окружили стебель и стали молча один за другим подниматься вслед за нами.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ

Десять больших на двух маленьких и паутина-самолет

— Эх, вы! — крикнул я, свешиваясь с листика. — Десять больших на двух маленьких... Не стыдно?

В полном молчании мирмики продолжали подниматься по стеблю все выше и выше. На расстоянии двух-трех сантиметров от меня они остановились и заскрежетали челюстями. «Интересно! Успеет превратиться Малинин в человека или нет? — подумал я, перехватывая дубинку из одной лапы в другую. — А ничего он без меня и не сумеет, и не успеет...»

— Ты, рыжий, — крикнул я самому здоровому мирмику, — давай один на один! Я тебя вызываю!

Рыжий верзила, не говоря ни слова, сделал шаг вперед и раздвинул челюсти. Я размахнулся и изо всех сил двинул его сучком по башке. Мирмик покачнулся и, не издав ни звука, молча свалился на землю. Место сбитого моментально без шума заняли двое рыжих муравьев.

Я уже приготовился их хорошенечко встретить, вдруг слышу — сверху раздается голос Малинина:

— Юрка! Осторожней! Третий мирмик к тебе со спины заползает...

Взобравшись на лист, я тремя ударами сбил трех мирмиков со стебля и крикнул:

— Малинин! Ты почему не превращаешься в человека, почему не выполняешь моего приказа?

— А я без тебя все равно не буду ни в кого превращаться! — зашипел сверху Костин голос.

— Нет, будешь! — заорал я, отбиваясь от наседающих на меня мирмиков и влезая на самый венчик цветка.

Все! Дальше ползти было некуда. Внизу, под нами, были мирмики, сверху — небо, посередине — мы с Костей Малининым.

— Это почему же ты не будешь превращаться? — заорал я на Малинина, но в это время из-за лепестка показалась рыжая голова и свирепо завращала глазами. — Малинин, превращайся сейчас же! — Я ударил мирмика палкой по черепу.

Мирмик скрылся.

— Превращаться, так вместе! — сказал Малинин.

Из пропасти с другой стороны опять вылезла голова мирмика.

— Вместе не успеем! — Я кольнул муравья сучком, словно шпагой.

Муравей спрятался.

— А один я не буду! — сказал Малинин.

Я размахнулся изо всех сил, чертыхнулся и съездил высунувшегося мирмика с такой силой, что сучок переломился. Мирмик полетел на землю, а у меня вместо грозной дубинки остался в руках какой-то жалкий обломок.

Мы отступили с Костей к самой середине ромашки. Защищаться больше было нечем, и мирмики словно догадались об этом. Четыре рыжие головы одновременно высунулись с разных сторон. Мы с Костей обнялись.

— Пропали! — сказал Малинин. — Прощай, Баранкин!

Я даже не стал успокаивать своего лучшего друга, потому что все было похоже на то, что мы с Костей Малининым действительно пропали. Внизу были мирмики,верху — небо, между мирмиками и небом — мы с Костей. Хоть бы перескочить на соседний цветок, да не допрыгнешь — далеко... Еще можно прыгнуть с цветка на землю, но мирмики, кишевшие в траве, только этого и ждали. А ведь столько раз нам с Костей удавалось избегать смертельной опасности, можно сказать, чудом, но ведь удавалось! Неужели на этот раз я не найду выхода из положения, неужели нам с Костей суждено погибнуть так глупо вот здесь, на цветке ромашки, в нескольких шагах от настоящей человеческой жизни? Неужели ВСЕ, ВСЕ, что мы узнали, пережили и перечувствовали, пропадет зря?!

— Держись, Малинин! Сейчас мы покажем этим мирмикам, как погибают настоящие ребята!

Я поднялся на задние лапы, чтобы встретить как полагается этих мирмиков, и ударился головой о туго натянутую под ветром паутину: она зацепилась за лепесток и болталась над цветком, словно ниточка из волшебного ковра-самолета.

— Малинин! — заорал я на Костю, и Костя на этот раз понял меня без слов.

Он шмыгнул по паутинке вверх, я — за ним. Осталось только перекусить паутинку... И я ее перекусил. И паутинка полетела в ту минуту, когда четыре мирмика одновременно бросились на нас со всех сторон. Мирмик, целившийся откусить мне голову, только полоснул челюстями

вскользь по ноге. Четыре челюсти, каждая из которых походила на капкан, щелкнули еще раз, но было уже поздно. Мы с Костей поднялись в воздух. Я взглянул вниз на поляну и не поверил своим глазам: оказывается, пока мы с Малининым отбивались на цветке от численно превосходящих сил рыжих противников, черные муравьи успели наголову разгромить мирмиков и вернулись к своим обычным занятиям.

Война кончилась так же неожиданно, как и началась, и только одни раненые муравьи да носильщики трупов, утаскивавшие убитых подальше от муравейника, напоминали о том, что всего несколько минут назад на этих полянах шло самое ужасное сражение. Маленькая ниточка из паутинного ковра-самолета уносила нас с Костей все дальше и дальше от цветка в сторону муравейника.

Ни ночью, ни днем
Не хочу быть муравьем! —

запел я громко, во весь голос.

Я хочу навеки, —

подхватил Малинин, —

Быть Человеком!..

И в это время за моей спиной раздался какой-то ужасный свист. Плотная волна воздуха толкнула меня в бок, перевернула вверх тормашками, завертела волчком и сорвала с паутинки. Кувыркнувшись несколько раз через голову, я успел заметить, как огромный стриж на всем ходу склевал Костю Малинина и взмыл в небо...

Когда я понял, ч-т-о случилось, мне стало дурно, я потерял сознание и свалился без чувств на землю...

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ!

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЕ

«Загробный» голос

Не знаю, сколько времени мне пришлось пролежать без памяти в траве, наверное, очень долго, но когда память стала постепенно возвращаться ко мне, я все равно продолжал валяться, словно без памяти.

Я лежал и бредил. Все, что мы пережили с Костей, все-все в чудовищной непоследовательности снова мелькало перед моими глазами. Я попробовал открыть глаза, но от этого ничего не изменилось — или вокруг была ночь, или я ослеп...

Тогда я стал думать о Косте.

Костя погиб, но в моей памяти он был совсем-совсем живой. Моя память, хоть ненадолго, воскресила моего лучшего друга, и от этого мне стало немного легче. И почему только этот проклятый стриж склевал не меня?.. Ведь я же втравил Костю в эту историю, и вот я живой, а Костя погиб, погиб как муравей, не успев даже превратиться в человека! Сначала эта мысль мне показалась правильной, а потом я подумал еще немного, и эта мысль мне показалась неправильной. Что значит — Костя погиб как муравей, не успев превратиться в человека? Да Костя, в кого бы он ни превращался, он все равно по отношению ко мне оставался че-ло-ве-ком! И на помощь муравьям Костя бросился как человек! И меня в беде не оставил! И один без меня не захотел ни в кого превращаться! И перед мирмиками не струсил! Да если бы Эрка Кузякина видела своими глазами, как бесстрашно себя вел Костя Малинин на войне, да она бы ему одному весь номер стенной газеты посвятила, а Алик Но-

виков, если бы он был муравьиным корреспондентом, да он бы на него всю пленку исцелкал.

Нет, Костя Малинин все ЭТО время был человеком, и погиб он как человек. И не надо было ему шептать никаких волшебных слов, и не надо было ему желать по-настоящему превратиться в человека, потому что он уже давно превратился! Да! Костя Малинин, безусловно, превратился в человека, а я?.. Конечно, самому о себе мне трудно говорить, и вел я себя по отношению к Косте Малинину как человек или нет, мне тяжело самому судить... Может быть, я как был муравьем, так и остался?.. Может быть... Только я тоже, честно говоря, я тоже старался не подгадить... Мне ведь тоже из-за Кости Малинина мирмики сколько раз голуу чуть-чуть не оттяпали. Хорошо, что в последний раз еще промахнулись да вместо головы в лапу вцепились, а лапа до сих пор вон как болит и ноет.

Верхней лапкой я осторожно погладил ту, что прокусили мирмики, и дернулся... Нет, нет, на этот раз я не лапкой гладил муравьиную лапку, а рукой, человеческой рукой я гладил ногу, — так мне, во всяком случае, показалось... Тогда я открыл глаза и действительно увидел вместо лапы обыкновенную мальчишескую ногу. Это была моя нога, и только запекшаяся от крови царапина напоминала о том, что эта нога совсем недавно была муравьиной лапой, и руки у меня были теперь как руки, и голова... И голова на месте...

Чтобы прийти окончательно в себя, я еще немного полежал в траве, потом немного посидел, а потом встал, отряхнул штаны и, спрятав руки в карманы, как человек зашагал к дому. Я шел, не глядя по сторонам, уткнувшись глазами в носки ботинок. В голове у меня шумело, все тело ныло, словно меня всего исколотили палками, а нога, укусанная мирмиками, так саднила, что на нее было больно наступать. Раз пять или шесть я натыкался на каких-то прохожих, которые каждый раз при этом мне говорили: «Под ноги надо смотреть, мальчик!» — как будто бы я смотрел не под ноги, а по сторонам.

Не помню, как я добрался до своего двора, потому что всю дорогу я шел как во сне и очнулся только тогда, когда налетел животом на калитку.

Не вынимая рук из карманов, я пинком распахнул дверь, подошел к скамейке и сел. Во дворе было все по-прежнему. Все так же с акаций то и дело срывались веселые ком-

пании воробьев, над клумбой порхали бабочки, а по скамейке бегали черные муравьи. Все было на своем месте. Не было только Кости Малинина. Не было и уже не будет больше никогда. Да и самого меня тоже, пожалуй, не было, то есть вообще-то я был, но я был уже совсем какой-то не такой. Я сидел на лавочке сам не свой. Мне все казалось, что я только что вернулся из какого-то очень-очень далекого и очень опасного путешествия, в которое я отправился вместе со своим другом Костей Малининым много-много лет тому назад. Отправился вместе с Костей, а вернулся один. И теперь уж всю жизнь буду один, совсем один...

Я закрыл лицо руками и заревел, заревел первый раз в своей жизни. Слезы бежали по щекам, по рукам, по шее и даже по животу. Сажу, реву, а слезы все бегут и бегут. Я даже удивился: откуда у человека может взяться столько слез? С другой стороны, если человек ни разу в жизни не ревел, то у него за все время слезы вполне могли накопиться в таком большом количестве.

— Баранкин! Ты это чего разнюнился? — раздался совершенно неожиданно откуда-то сверху голос Кости Малинина.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ПЯТОЕ

Мы существуем!

— Костя, — сказал я, перестав всхлипывать и обливаться слезами. — Это ты?

— Я! — сказал голос Кости Малинина сверху, голос был глухой и далекий, словно он шел с неба.

— Ты уже... т-а-м?

— Где — т-а-м?..

— Ну где там, на т-о-м свете, что ли?

— На каком на т-о-м свете?.. Я на заборе, а не на том свете, чего это ты городишь?..

— Ну что ты меня, Малинин, обманываешь? Я же сам видел, как тебя съел стриж. А раз он тебя съел, то ты не можешь сидеть на заборе.

— Кого съел стриж? Меня?.. Он тебя съел, а не меня, я своими глазами видел.

— А я тебе говорю, он тебя съел!

— Как же он меня съел, если я живой и невредимый сижу на заборе? Открой глаза и убедисься!

— «Открой»! А если я боюсь?

— Чего ты боишься?

— Я глаза открою, а ты не существуешь, — сказал я и снова пролил целых два ручья слез.

— Хорошо, — сказал сверху голос Кости Малинина, — сейчас ты убедисься, существую я или не существую.

Вверху что-то завозилось, зашебаршило и затем прыгнуло мне на плечи.

Я свалился на землю и открыл глаза. Костя Малинин был жив, никаких сомнений и быть не могло. Он сидел на мне верхом, тузил меня кулаками и приговаривал:

— Ну как, существую я или не существую? Существую или не существую?

— Существуешь! — заорал я, и мы вместе с Костей покатались по траве, устланной желтыми листьями. — Костя Малинин из семейства Малининых существует!!! Уррра!!! Уррра!!!

— Значит, с-у-щ-е-с-т-в-у-е-м?

— С-у-щ-е-с-т-в-у-е-м, значит!

— А как мы с тобой существуем?

— Как люди!

— Как ч-е-л-о-в-е-к-и!

— Урра!!! — крикнули мы на радостях в один голос и снова бросились обнимать друг друга.

— Постой! Постой! — сказал я Косте. — Дай-ка я на тебя посмотрю...

— Да что ты, Юрка! — засмеялся Костя. — Что, ты меня раньше не видел, что ли?..

— Не видел! — сказал я. — Раньше я тебя не видел и ты меня тоже по-настоящему не видел... А главное, что я раньше сам себя не видел и ты сам себя не видел...

И мы стали молча смотреть друг на друга. Костя смотрел на меня, а я смотрел на Костю, и не просто смотрел, а рассматривал всего, с ног до головы, рассматривал как какое-то потрясающее чудо природы. Некоторое время я, например, тараща глаза, разглядывал Костины руки, покрытые боевыми ссадинами и царапинами. Раньше я, конечно, ни за что бы не обратил внимания ни на свои, ни на чужие руки. Руки и руки... А сейчас я не мог оторвать от них глаз. Вот это да! Это вам не какая-нибудь муравьиная лапка или

воробьиное крылышко! Вы тоже никогда не обращали внимания на свои руки? Нет, из ребят, может быть, кто и обращал внимание, а девчонки определенно обращают внимание только на свое лицо.

А голова!.. Я на свою голову тоже раньше не обращал особенного внимания. Голова и голова... Есть на плечах, и ладно! Нахлобучишь кепку — и хорошо! Пофантазируешь — и довольно! А теперь, теперь... После всего-всего, что я пережил, уж я-то точно знал, что если руки человека — это чудо, то уж го-ло-ва — это самое расчудесное чудо из всех расчудесных чудес. Даже голова Веньки Смирнова — это тоже чудо. Только он еще не знает об этом, а во-вторых, не умеет этим чудом пользоваться. А таких, как Венька, на земном шаре может, наверное, много человек набраться. И в Америке есть свой Венька Смирнов, и во Франции, и в Англии... И везде есть такие ребята, которые ни о чем не думают, и такие, которые думают совсем не о том, о чем надо думать, — такие тоже есть. Например, я и Костя Малинин! Но теперь-то я точно знаю, отчего это все происходит: оттого, что не все ребята знают о том, как это замечательно интересно — думать вообще и особенно думать о том, о чем нужно думать. Думать и соображать! И опять же не как-нибудь, так, инстинктивно, как говорится, по-муравьиному, а по-настоящему думать — по-че-ло-ве-че-ски!!!

Не знаю, сколько бы еще времени просидели мы с Костей вот так на траве, думая об одном и том же...

Мне Костя, конечно, не говорил, но я готов был дать голову на отсечение, я чувствовал, я слышал, честное слово, слышал, что Костя Малинин думает слово в слово о том же, о чем думаю я, но только в самый разгар наших размышлений с дерева на спину мне прыгнуло что-то пушистое и так вцепилось сквозь рубашку в искусанное муравьями, исклеванное воробьями тело, что я чуть не заорал.

— Муська! — закричал обрадованно Костя Малинин.

Конечно, это была она — наша Муська, та самая Муська, которая два раза хотела меня съесть, когда я еще был воробьем.

— Ага, Муська! — закричал я, отдирая Муську от своей спины. — Вот я сейчас с тобой за ВСЕ и рассчитаюсь! Муська! — Я хотел схватить ее за ухо, но мне помешал это сделать Костя Малинин.

— Ладно, Баранкин! — сказал Костя. — Прости ее на радостях, раз уж все кончилось хорошо!..

И здесь Костя, видно, так снова обрадовался, что все кончилось так хорошо и даже замечательно, что бросился на меня и стал обнимать изо всех сил. Потом я от радости обнял скамейку, ту самую скамейку, на которой мы сидели еще Т-О-Г-Д-А, потом я обнял забор, который стоял возле березы, а потом мы вместе с Костей обняли березу, ту самую березу, под которой стояла та самая скамейка, на которой мне первый раз в жизни пришла в голову мысль, что я, видите ли, устал быть человеком...

— Я их по всем дворам разыскиваю, а они с деревьями обнимаются! — крикнул Мишка Яковлев с велосипеда, влетая с Аликом неожиданно на своей машине во двор.

Потом за ними показались Зинка Фокина, Эра Кузякина и все остальные.

— Мишка! — крикнули мы с Костей в один голос, набрасываясь на Яковлева с двух сторон и заключая его в свои объятия.

От неожиданности Мишка выпустил руль, и мы свалились на землю. Я и Костя продолжали обнимать и целовать Мишку Яковлева и Алика Новикова.

— Да вы что, ребята? Вы с ума сошли? Мы же вчера только виделись! Ребята! Да что это вы, как девчонки прямо! — отбивались от нас и Алик и Мишка.

— Алик и Мишка! — сказал Костя Малинин со слезами на глазах, чмокая Яковлева в ухо. — А что здесь без вас было!..

— Что было? Где было? — насторожился Алик.

— Что б-ы-л-о, т-о п-р-о-ш-л-о, — сказал я и так при этом посмотрел на Костю Малинина, что тот прикусил язык.

В это время нас окружили девчонки из нашего класса.

— Их, конечно, по всему городу ищут, — сказала Эра Кузякина, — они, конечно, на траве валяются!..

— Баранкин! — сказала Зина Фокина. — Вы намерены, в конце концов, заниматься или нет?

— Зиночка! — сказал я. — Зиночка! — повторил я. — Если бы ты знала, Зиночка, к-а-к мы с Костей намерены з-а-н-и-м-а-т-ь-с-я!

— И заниматься, и работать! — сказал Костя и взял из рук Эры Кузякиной лопату.

А я взял лопату у Зины Фокиной.

— Баранкин! — сказала Эра. — А почему у вас с Кос-

тей вид какой-то ненормальный? И поведение тоже... — добавила она.

— Потому что потому!.. — закричал я.

— Ну, пошли, — сказал Мишка, — а то и так сколько времени зря потеряли!..

— Минуточку! — сказал я. — Ребята!.. Я должен вам всем сказать, что **ЧЕЛОВЕК — ЭТО ЗВУЧИТ!**

— Баранкин! — сказала Эра. — Ты говоришь неправильно! Нужно говорить: «Человек — это звучит гордо!»

— Ладно, Эрка! — сказал я. — Мы-то теперь уж получше твоего знаем, как звучит че-ло-век! Верно, махаон?.. То есть верно, Малинин?

— Верно, Баранкин!

После этих слов мы с Костей снова сдавили Мишку с двух сторон в своих объятиях.

— Ну, — сказал торжественно Костя Малинин мне и Мишке, — поползли, значит?

С этими словами он на глазах у всех стал вдруг опускаться на четвереньки. Хорошо, что я успел вовремя схватить его за шиворот.

— Куда поползли? — спросил Мишка. — Почему поползли?

— Ну вот! — закричала Эрка Кузякина. — Они опять за какие-то свои штучки принимают!..

— Малинин! — сказал я грозно вслух. И затем так же грозно изобразил на лице, чтобы он выбросил сейчас же из головы свои старые муравьиные замашки.

— Я хотел сказать: по-ле-те-ли! — сказал Костя и начал уже было махать одной рукой, словно крылом махаона. Хорошо, что я и на этот раз успел схватить его за руку.

Все, конечно, опять стали на нас смотреть, как на ненормальных. А я? Разве я мог им что-нибудь объяснить? Поэтому я крепко-накрепко сжал Костину руку и сказал многозначительно.

— М-а-л-и-н-и-н!.. — сказал я. — Чвик! Вычвик! То есть...

— Выдох! — сказал Костя Малинин. — Вдох-ох-ох!

И пусть ребята, как всегда нас не поняли, но Малинин меня понял! И я его понял! И больше мы не сказали ни слова, потому что мы все втроем (я! Костя! и Мишка!) полетели заниматься. То есть мы не полетели, конечно, мы, конечно, побежали, но вместе с тем и как бы полетели.

На лестничной площадке я совершенно неожиданно

столкнулся носом к носу с Венькой Смирновым. Помните его? Он еще стрелял в нас с Костей из рогатки, когда мы были воробьями. А когда были бабочками, то он нам хотел крылья оборвать!.. А когда были муравьями, то он муравейник наш разрушил!..

— Приветик! — сказал Венька, шурясь и прыгая сразу через две ступеньки вниз.

Я успел схватить его за рубаху и остановить.

— Ты чего? — спросил Венька.

— Вот чего! — сказал я, притягивая Веньку к себе и давая ему подзатыльник.

— За что? — спросил, шурясь, Венька.

— Не будешь в другой раз стрелять в меня из рогатки!

— Когда я стрелял в тебя из рогатки?

— Когда я сидел вон на той ветке! — Я показал рукой в окно на тот самый тополь, с которого меня и Костю чуть-чуть не сбил Венька из своей катапульты.

— Когда ты сидел на той ветке? Что ты городишь, Баранкин, какую-то чепуху?..

— Чеп-чеп-чепуху, говоришь? А двух воробьев на тополе помнишь?

Венька сощурился, соображая, как лучше ответить на мой вопрос.

— А это тебе за бабочек! Чтобы ты нам, то есть им, в следующий раз крылья не обрывал!.. А это за муравьев, чтоб лопатой в муравейник не тыкал...

Я дал Веньке еще два раза по шее, выхватил из его кармана рогатку с оптическим прицелом, сломал ее и бросился догонять Мишку с Костей.

— Баранкин! — донесся до меня снизу Венькин голос.

— Что тебе?

— А я так ничего и не понял все равно!

— Станешь ч-е-л-о-в-е-к-о-м, тогда в-с-е п-о-й-м-е-ш-ь! — крикнул я, перегнувшись через перила.

СОБЫТИЕ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЕ

Я хочу навеки быть человеком!

В этот день мы занимались с Яковлевым, наверное, часа четыре подряд. Когда Мишка в самый разгар занятий спросил нас: «Ребята, а вы не устали? Может, хотите отдох-

нуть?» — мы с Костей в один голос закричали на Мишку: «Нет, нет! Мы не устали! Что ты? Какой еще там отдых! Ты давай не отлынивай, Яковлев!» — «Я не отлыниваю», — сказал пораженный Мишка и стал объяснять нам следующую задачу, потом он повторил с нами пройденное, потом объяснил еще одну задачу, потом устроил нам с Костей небольшой экзамен, потом он положил голову на стол и сказал хриплым шепотом, что больше он с нами заниматься не может, потому что он уже сорвал голос и вообще совершенно выбился из сил.

Тогда мы взяли лопаты и пошли с Мишкой в сад сажать деревья. Физический труд — лучший отдых после умственного напряжения.

Когда мы выбежали во двор, то увидели Алика. Он все это время сидел на лавочке и караулил, чтобы мы не сбежали. Вот чудак! Узнав, что мы добровольно идем работать в сад, он вытаращил глаза и побежал следом за нами, щелкая на ходу фотоаппаратом. В саду нам сажать ничего не пришлось — все деревья были посажены. Тогда мы стали их поливать, а Алик опять все время тарачил на нас глаза и щелкал фотоаппаратом. Потом мы вернулись опять ко мне домой и занимались до тех пор, пока и Мишка и Костя не устали окончательно.

Когда Яковлев и Малинин разошлись по домам, я все еще продолжал сидеть над учебниками и заниматься самостоятельно. Самостоятельно я занимался до тех пор, пока не заснул за столом. Как я очутился в постели, я не помню, наверное, в постель меня перенес отец. Зато проснулся я на следующее утро сам, и так рано, что все еще спали. Я с-а-м застелил аккуратно постель, тихо позавтракал, собрал учебники, на цыпочках вышел из дома и побежал в школу. Сегодня я должен был, я был о-б-я-з-а-н прийти с-е-г-о-д-н-я в школу самым п-е-р-в-ы-м!

Так я и сделал. Я явился в школу тогда, когда все мои одноклассники еще крепко спали в постелях — и Зинка Фокина, и Миша Яковлев, и Алик Новиков и Костя Малинин, — ну, этот-то, наверное, спит без задних ног! Один я из всего класса не спал. И не только не спал, а уже был в школе часа за два до начала занятий. Так рано, вероятно, еще ни один ученик в жизни не приходил в школу. Каково же было мое удивление, когда я увидел, что по противоположной дорожке к школьному крыльцу за кустами сирени тоже крадется чья-то фигура. Я остановился. Фигура тоже

остановилась. Я сделал три шага к школе, и фигура тоже сделала три шага. Я стал подкрадываться к входной лестнице, и фигура стала подкрадываться. Я высунулся из-за куста, фигура тоже высунула свою физиономию. Мы долго молча смотрели друг на друга, наконец мне надоело молчать.

— Малинин! — сказал я.

— Ну?

— Ты чего это так рано появился в школу?

— А ты?

— Я т-а-к п-р-о-с-т-о... А ты?

— И я т-а-к п-р-о-с-т-о...

— Понятно! — сказали мы вместе.

Тихо, стараясь не шуметь, мы с Костей поднялись одновременно по каменной лестнице и припикли лицами к холодному и мокрому от росы дверному стеклу и стали молча ждать, когда нас пустят в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

Мы стояли молча, не глядя друг на друга, стояли и просто ждали, даже не подозревая, что ровно через два часа начнутся такие удивительные события, события, которые потрясут не только весь наш класс, но и всю школу.

Во-первых. Ровно через два часа и десять минут меня вызовет к доске Нина Николаевна, и я буду ей рассказывать все, что я знаю о жизни бабочек. И Нина Николаевна мне скажет: «Юра Баранкин! Жизнь бабочек ты знаешь очень хорошо. Садись! Молодец! Когда ты отвечал, мне даже показалось, что у тебя за спиной выросли крылья!..» После этих слов весь класс так и покатится от смеха, и только мы с Костей не улыбнемся и будем сидеть за партой серьезные-пресерьезные.

Во-вторых. Через два дня мы с Малининым Костей исправим по геометрии двойки на четверки.

В-третьих. Через три дня Зинка Фокина заявит во всеуслышание, что будто бы мы с Костей, по ее мнению, заболели какой-то загадочной болезнью и что это у нас, вероятно, скоро пройдет.

В-четвертых. Еще через несколько дней Зинка Фокина вдруг почему-то перестанет при каждом удобном случае говорить мне: «Баранкин, будь человеком!»

В-пятых. Дней через пятнадцать мой отец будет, как всегда, проверять мой дневник, и первый раз за всю жизнь он при этом ничего мне не скажет и только удивленно пожмет плечами и молча переглянется с мамой.

В-шестых. Ровно через месяц директор нашей школы Василий Васильевич Туркин...

Впрочем, об этом, пожалуй, говорить еще рано, ведь это случится через месяц, а сейчас еще прошло только десять минут, всего десять минут, как мы стоим с Костей на школьном крыльце, просто стоим и ждем, когда же наконец-то откроется дверь и нас пустят в школу, в н-а-ш-у ш-к-о-л-у.

Непохожие близнецы

1

2

3

4

5

ЧАСТЬ I

СРОЧНО ТРЕБУЕТСЯ СООБЩНИК ДЛЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Рассказ первый

ПИСЬМО, НАПИСАННОЕ ЛЕВОЙ РУКОЙ

«Ваш сын похищен, но находится в бизоопасном месте. Если вы внесете за него выкуп в размере...» Писать левой рукой было непривычно, поэтому я отложил ручку и размял пальцы, думая о том, сколько же денег запросить мне за меня у моих родителей. Развернув «Неделю», я посмотрел на фотографию Кеннета Янга, которого похитили гангстеры и за большую сумму денег денег вернули счастливым родителям. За большую сумму?.. Интересно, сколько это на наши деньги?.. Я думаю, что мне тоже надо за себя запросить не меньшую сумму. Чем я хуже?.. И здесь мне пришла очень простая мысль в голову. Мой папа должен на днях выкупить в магазине «Москвича». «Москвич» стоит четыре тысячи пятьсот рублей. Я тоже москвич. И к тому же человек. И уж наверняка стою дороже машины. Запрошу за себя тысяч шесть. Будет в самый раз.

Я снова взял в левую руку вечное перо и стал дописывать письмо: «...и если вы внесете за него выкуп — шесть тысяч рублей, то он снова будит дома. Деньги палажите в печь сторошки на старом кладбеще. И невздумайте фпутывать в это дело милицию, а то вашему сыну будит...» Я хотел написать «очень плохо», но раздумал. «Очень плохо» звучит как-то нехорошо. Напишу просто «плохо». Просто «плохо» звучит лучше.

Я дописал письмо и вложил его в самодельный конверт и на конверте хотел было уже накорябать «товарищу Завитайкину П. С.», но не написал, потому что я подумал: «Какой же папа мой товарищ похитителям, то есть вообще-то не похитителям, а мне, мне папа хоть и родной папа, но

в таком деле он мне, пожалуй, не товарищ, он мне в таком деле, пожалуй, этот... как его?.. гражданин!..» Вот так я и накорябал на конверте: «Гражданину Завитайкину П. С.».

Никогда не думал, что писать письмо левой рукой с ошибками такое же утомительное занятие, как писать в классе сочинение по русскому (правой рукой и без ошибок!). Я уже в середине письма весь вспотел, а когда поставил точку после буквы «С», то уже не мог двигать ни рукой, ни ногой, у меня только и хватало сил что подумать: «Ну, Алексей, теперь у тебя будет все в порядке! Теперь твой портрет появится у нас в «Неделе». («Сенсационное похищение под Москвой! Мальчик выкуплен за шесть тысяч рублей, но похитители до сих пор не обнаружены!») А главное, что это почище того, что ты проделал с этим несчастным попугаем Коко или с курточкой Сергея Мешкова. А самое главное — это то, что уж теперь-то Таня Кузовлева обратит на тебя внимание. Еще и сама знакомиться придет! И извиняться еще будет перед тобой: «...Простите, — скажет, — что я на вас, Леша, раньше внимания не обращала!.. Просто я раньше не знала, что вы такой знаменитый!..» А мой брат пожалеет, что закричал на меня после этой проделки с попугаем Коко: «Еще одна такая шкода, и я не знаю, что я с собой сделаю!»

Я думал, что он пригрозит сделать что-нибудь со мной, а он с собой.

— Ну и что же ты, интересно, с собой сделаешь? — спросил я ехидно своего брата.

— А вот что! — И мой брат протянул мне книжку под названием «Исправление дефектов лица с помощью хирургических операций».

— У тебя же никаких нет дефектов в лице? — спросил я, ничего не понимая.

— А я попрошу хирурга сделать мне какой-нибудь дефект... нос себе переделаю!.. Чтобы больше не иметь с тобой ничего общего!.. Ты нам всю жизнь портишь!..

Интересно, кому это «нам»?.. Ему, значит, папе еще и маме... Но все равно раньше он таких безответственных заявлений не делал. Раньше он меня даже любил и я его тоже любил. Я его как сорок тысяч братьев любил, и он меня тоже. Хотя в этом нет ничего особенного: все близнецы любят друг друга гораздо сильнее, чем обыкновенные братья. Тем более что мы с Сашей близнецы необыкновенные. Нас мама знаете как различает? Заходит, скажем, в комнату,

видит, кто-то из нас лежит на кровати, кто — неизвестно, говорит: «Сыночек, сбегай в магазин!» Если «сыночек» поднимается и бежит без слов в магазин — это Александр, если «сыночек» говорит, что он занят, или что у него нога болит, или что-то с животом неладно — это значит, на кровати лежит Алексей, то есть я! И раньше Саша на меня никогда не сердился, и как бы я ни нашкодничал, он не обижался, а теперь я ему, то есть всем им, видите ли, жизнь порчу! Они, видите ли, то есть он, дефект какой-нибудь себе сделает, в случае чего... Ну и пусть делает. Я ради Тани Кузовлевой на все готов. Раз Александру стыдно походить на меня, пусть переделывает свое лицо без дефектов в лицо с дефектами. Я не заплачу.

А мне лично осталось только найти сообщника, который подбросит это письмо моим родителям. Я осмотрел из чердачного окна дачную улицу — улица была пуста.

Нет, как вам нравится мой брат?!

Раньше же он терпел наше сходство, а теперь больше, видите ли, не может! Главное, он этим своим решением не походить на меня мне все планы на будущее мог испортить. Я ведь что собирался в будущем сделать — окончить вместе с Сашей, к примеру, один и тот же институт, поступить вместе на одну и ту же работу, на одну должность вдвоем, а потом полдня работает Саша, а полдня работаю я. В итоге: два выходных дня по закону и еще два с половиной дополнительных, основанных на нашем не разбери поймешь кто из нас кто. Раз уж нам с Александром суждено было родиться близнецами, надо же на этом сделать какую-нибудь выгоду для себя... С таким братом сделаешь! Как же! А может быть, Саша прав? Может, мне действительно пора остепениться?.. Все-таки годы идут. И возраст уже не тот.

Прославлюсь, и все! И хватит! Остепенюсь. Подружусь с Таней. И сразу стану серьезным-пресерьезным. А то от меня уже и так все устали — и мама... и папа... и брат... Да и сам от себя я тоже устал. Смертельно устал. Это я точно установил. Осталось установить... Что же мне осталось установить?.. Да!.. Кто же мне... кто же поможет подбросить это письмо моим родителям?

Я еще раз осмотрел улицу и увидел, как возле дачи Кузовлевых стоит Танечка и о чем-то разговаривает с Сутоловым. То есть это, конечно, не она с ним разговаривает, а он с ней. Будет она разговаривать с таким стариком! Он же уже бороду носит, правда, не настоящую, а такую

привязную... он ее в театральном магазине купил. У Сутулова старший брат настоящую бороду носит, а этот Сутулов не настоящую, чтоб от брата не отставать.

Интересно, о чем это он разговаривает с Таней? А вдруг она в него влюблена? Отсюда, конечно, не видать, но, по моему, она на него смотрит, как я на нее. При этой мысли у меня так заколотилось сердце, что его стук можно было услышать километров, наверно, за сто. Я схватился руками за сердце и спрятался, а когда снова выглянул на улицу, то старика Сутулова и Тани Кузовлевой уже не было, зато я увидел, как во дворе из дома напротив на крыльцо вышел Сергей Мешков. Вот кто мне может оказать самую скорую помощь, как джентльмен джентльмену. Правда, я его недавно втянул в одну неприятную историю, связанную с его замшевой курточкой. Но я же это тоже из-за Танечки Кузовлевой сделал. Я думал, что Мешков при случае расскажет ей, какой я интересный парень — и статистикой интересуюсь... и вообще... он, может, прямо так ей и скажет: «А этот Завитайкин Алексей, оказывается, большой исследователь!..»

«А вообще-то с курточкой получилось нехорошо, но не может же какая-то курточка встать между двумя почти что настоящими мужчинами», — подумал я, быстро пряча письмо за рубашку и еще быстрее спускаясь с чердака на землю, где я совершенно неожиданно наткнулся на маму и на нашего пса Трезора.

— Что это был за стук на чердаке? — спросила меня строго моя мама.

От такого вопроса я прямо растерялся. Недаром же я сразу схватился там за сердце, чтобы оно не билось так громко.

— Не знаю, — сказал я. — Наверно, это не на нашем чердаке!..

— А что ты там делал? — спросила мама, глядя на меня подозрительным взглядом. — И почему у тебя расстегнута рубашка?

— Нипочему... — сказал я, делая самое невинное выражение лица и глядя Трезора по спине одной рукой, а другой поспешно застегивая пуговицы на рубаше.

— Не уходи далеко, скоро ужин, — сказала мама. — Скоро придет папа, и будем ужинать.

— Мама, а тут какие-то двое мужчин возле дачи ходили, — сказал я.

— А что им надо было?

— Не знаю, — сказал я. — Спросили: здесь живут За-
витайкины?..

— Ну и что?

— Ничего, — сказал я.

Мама пожала плечами, направилась в огород, а я в сопровождении Трезора выбежал на улицу и стал осторожно приближаться к Мешкову, пытаюсь по выражению его лица угадать, продолжает он на меня сердиться за историю с курточкой или нет.

Главное в этой истории, я уже говорил, что виноват совсем не я, а какой-то журнал, из которого я вычитал, что по статистике у нас еще то ли каждый шестой мальчишка или двенадцатый — точно не помню — не очень-то уж хороший, в общем, как говорит моя мама, не сахар. Я как про это прочитал, так сразу и предложил Мешкову проверить, врет статистика или нет. Но, конечно, не только для этого. Для проверки я предложил Мешкову повесить его замшевую куртку в парке ЦПКиО на дерево и из кустов наблюдать, какой по счету мальчишка позарится на курточку. Всё так и сделали. Сначала шестеро прошли — ничего. Потом двенадцать — тоже никакого результата. В общем, человек сто прошло мимо, и никакого внимания на курточку Мешкова. Я-то бы, конечно, еще бы подождал, а Мешкову уже через полчаса все надоело. «Ну тебя, говорит, с твоей статистикой». И пошел за своей курточкой к дереву. А я остался лежать в кустах. Смотрю: только Мешков руку к куртке протянул — и тут же раздался милицейский свисток и с дорожки к дереву старшина подходит, а Мешков, растяпа, растерялся, что ли, схватил свою куртку — и дёру. Милиционер за Мешковым. Я за милиционером. В общем, мы с милиционером поймали Мешкова и в отделение повели — Мешкова как похитителя, а меня как свидетеля.

Я не хотел, чтоб об этом Мешков рассказывал Кузовле-
вой, но, по-моему, он все-таки очернил меня в ее глазах за эту историю...

— Здорово, Мешкоф-ф, — сказал я, приближаясь к Сергею и делая вид, что это не по моей вине его таскали в отделение милиции. — Ты не можешь мне сделать небольшо-
шее одолжение?

— Какое еще одолжение? — подозрительно спросил Мешков, почему-то застегивая свою замшевую куртку на все пуговицы.

— Да вот, — сказал я, — письмо... надо подбросить к нам на кухню.

— Какое еще письмо? — еще подозрительней спросил Мешков.

— Да вот это. — И я достал из-за пазухи письмо, написанное красными как кровь чернилами...

Рассказ второй

СООБЩНИК МЕШКОФФ

Сережа Мешков (или как он сам называл себя сэр Мешкоф) внимательно прочитал письмо, накорябанное моей левой рукой, подумал и спросил:

— Значит, киднэппинг хочешь сообразить?

При этом в слово «киднэппинг» Мешков вложил такое количество изумительного английского произношения, что если бы я всерьез изучал английский язык, я бы мог просто умереть от зависти, но я и русский (письменный, конечно!) и то знаю не очень, поэтому я подтвердил без всякого произношения:

— Киднаппинг!.. — и этим чуть не погубил все дело. Совсем забыл, что Мешков учится в английской школе и для него мое произношение — это все равно что отсутствие всякого произношения.

— Как ты произносишь! Какой-то кошмар! — зашипел на меня оскорбленный Мешков. — Идешь на такое дело, а... Ну-ка произноси за мной... К-и-и-д... Длинное «и»...

— К-и-и-д!.. — стал я повторять за Мешковым. А что мне оставалось делать?

— Нэппинг...

— Наппинг...

— Не наппинг, а н-э-ппинг... Лягушку делай ртом... и еще как будто у тебя горячая картошка во рту, и ты в это время горло полощешь...

Я сделал ртом «лягушку», и еще как будто у меня горячая картошка во рту, и я в это время горло полощу.

— А как киднаппинг расшифровывается? — спросил я, чтобы сбить Мешкова с учительского тона.

— «Кид» — козленок, «нэппинг» — похищение, — разъяснил мне шепотом Мешков. — А ради кого ты станешь кидом?

— Ради Кузовлевой.

— Ты, значит, влюблен! Ты ин лавд? По-английски это будет — ин лавд! — объяснил мне Мешков.

— Я ин лавд, — поспешно согласился я с Мешковым, — очень ин лавд! Я просто безумно ин лавд! Потому что я ее больше всех на свете люблю, — сказал я. — Даже больше родителей...

— Раз на такое дело идешь, конечно, — согласился Се-режа. — А ты на ней женишься?

— Конечно, женюсь! — сказал я. — Со временем, конечно. Если она, конечно, не будет иметь ничего против... Ну, подбросишь письмо?

— «Подбросишь»! Тут не подбросишь... Тут надо... ту пут ит стилзели... секретно положить...

— Вот-вот, — обрадовался я. — Именно ту пут и именно стилзели!..

— Да не стилзели! — возмутился Мешков. — А ст-и-и-л... длинное «и» и язык между зубов. Ну, повтори.

Мне вообще почему-то уже давно хотелось дать Мешкову по морде, но я подумал, что это может вдруг испортить наши с ним отношения, и поэтому все время сдерживался. Сдержался я и на этот раз, но уже из последних сил.

— А мазер свою тебе не жалко? — продолжал допрашивать меня Мешков. — Она ведь расстроится, когда узнает, что тебя... украли, да еще за такие деньги... за такие мани...

— Конечно, мазер расстроится, — согласился я. — Если бы я был в семье один, я бы себя ни за что и ни за какие мани не украл... А потом, из-за меня мазер не будет очень уж переживать, все равно я... грубый... и учусь плохо... и никого не слушаюсь. Если бы Сашу украли, тогда бы она, конечно, больше переживала. Ну как, будешь... пут стилзели?

— А чего ты так торопишься? Чего ты ту би ин э хар-ри? — спросил Мешков. — Успеешь еще украсть себя... Ты же еще не старый... Тем более что эта Кузовлева, по моим наблюдениям, пока здесь у нас ни на кого не обращает внимания.

— Вот именно, что пока не обращает, а вдруг как возьмет да как обратит... Их, девчонок, разве поймешь. Мне, Мешкоф, знаешь, что один мой приятель рассказывал, что он в одну девчонку с первого класса был влюблен. А она ни на кого не обращала внимания. В первом не обращала,

во втором не обращала, в третьем не обращала, в четвертом не обращала, а в пятом взяла и обратила внимание.

— На твоего приятеля?

— Как бы не так! На приятеля моего приятеля! А мой приятель знаешь как мучился? «Что, — говорит, — она не могла еще в первом классе дать понять, что ей нравится другой? Пять лет, говорит, ждал, надеялся, и на тебе!..» Ну как, подбросишь письмо?

— Слушай, — сказал Мешков, — а у тебя вкус неплохой... В какую девочку влюбился!.. Настоящая бьютифул гёрл!..

— Ну так ведь, — сказал я, мобилизуя все свои знания английского языка и его произношения, — влюбляться, так уж в настоящую... мар фа лэйди!..

— В кого, в кого? — насторожился Мешков.

— В мар фа лэйди, — повторил я уже не так уверенно.

— В марфа лэйди? — повторил за мной Мешков. — А что это такое?

— Ну что ты, не знаешь, что ли? — удивился я и тут же поспешно и неуверенно объяснил: — Мар — моя! Фа — прекрасная! А лэйди — это лэйди!

И здесь Мешков с хохотом свалился с ног, как будто его кто-то скосил вместе с травой.

— Марфа — лэйди! — мычал он, катаясь взад-вперед. — Марфа — лэйди!.. Ой! Умереть! Уснуть!.. Ту дай! Ту слип!.. Май фер лэйди, а не Марфа — лэйди!.. Повторяй за мной... Ну... Май... фер... лейди!..

Но я не стал ничего больше повторять за Мешковым.

— Ладно, — сказал я, — тут, Мешков, тебе не урок английского языка, отвечай прямо и по-русски: подбросишь письмо или нет?

— Нет, — сказал Мешков, — не подброшу. Ноу, нэвермор.

— Почему нэвермор? — спросил я грозно.

— Нехорошо воровать... Вери бед! И сообщникам за это знаешь что бывает?

— Но я же ворую себя, у своих родителей и за свои же деньги!

— Но все равно — ворует же? — сказал Мешков, возвращая мне письмо.

— Ворую, — тихо прошептал я. — Так ведь из-за любви же... из-за... ай лав ю!

— Ай лав ю должна вдохновлять человека, — сказал

Мешков, — на благородные дела и поступки, а не на воровство!.. И вообще тут что-то не то. Ты влюбиться не можешь, не такой ты человек! Тебе только с курточками эксперименты устраивать. Шалопут ты! Вот ты кто!

Сказал и скрылся в кустах. И еще шалопутом обозвал!.. Сам шалопут! Целый час задавал мне всякие вопросы на английском языке, а когда дело дошло до дела, так сразу в кусты.

— Брату бы твоему помог! — крикнул из кустов Сергей.

— Курточку мне простить не можешь!.. — крикнул я вдогонку Мешкову. — Я что, виноват, что столько честных ребят развелось!..

Рассказ третий

СООБЩИК ДЕРЯБИН

Антон Дерыбина я обнаружил в соседнем переулке. Он сидел на бревнах и, закрыв глаза, играл на рояле, то есть не на рояле, а на клавишах рояля, нарисованных на фанерной доске. Он с этой доской никогда почти не расставался. Везде ее с собой таскал. Пальчики свои тренировал. Я его за эту музыкальную доску даже уважать стал. А что, здорово придумал. Сидит музицирует и никому своей музыкой на нервы не действует. Я бы на его месте с этой доской выступал в концертах. Вон у него как по клавишам пальцы бегают. Сразу видно, что человек хорошо играет на рояле. И совсем не обязательно, чтоб было слышно.

Услышав легкий шорох, Дерябин приоткрыл один глаз и посмотрел подозрительно на меня, но я сделал на этот раз вид, что я на самом деле — это совсем не я, а мой брат и, кашлянув, вежливо присел на самый краешек бревна. Мешков же сказал, что моему брату он бы помог, а мне ни за что. И как это я сам не догадался выдать себя в разговоре с Мешковым за своего брата. И вообще перед разговором с Мешковым мне надо было выучить английский язык. На английском я бы его наверняка уговорил, как джентльмен джентльмена.

Приоткрыв один глаз, Дерябин продолжал смотреть на меня, легко касаясь нарисованных клавишей своими нервными пальчиками.

Мешков, — на благородные дела и поступки, а не на воровство!.. И вообще тут что-то не то. Ты влюбиться не можешь, не такой ты человек! Тебе только с курточками эксперименты устраивать. Шалопут ты! Вот ты кто!

Сказал и скрылся в кустах. И еще шалопутом обозвал!.. Сам шалопут! Целый час задавал мне всякие вопросы на английском языке, а когда дело дошло до дела, так сразу в кусты.

— Брату бы твоему помог! — крикнул из кустов Сергей.

— Курточку мне простить не можешь!.. — крикнул я вдогонку Мешкову. — Я что, виноват, что столько честных ребят развелось!..

Рассказ третий

СООБЩНИК ДЕРЯБИН

Антон Дерябина я обнаружил в соседнем переулке. Он сидел на бревнах и, закрыв глаза, играл на рояле, то есть не на рояле, а на клавишах рояля, нарисованных на фанерной доске. Он с этой доской никогда почти не расставался. Везде ее с собой таскал. Пальчики свои тренировал. Я его за эту музыкальную доску даже уважать стал. А что, здорово придумал. Сидит музицирует и никому своей музыкой на нервы не действует. Я бы на его месте с этой доской выступал в концертах. Вон у него как по клавишам пальцы бегают. Сразу видно, что человек хорошо играет на рояле. И совсем не обязательно, чтоб было слышно.

Услышав легкий шорох, Дерябин приоткрыл один глаз и посмотрел подозрительно на меня, но я сделал на этот раз вид, что я на самом деле — это совсем не я, а мой брат и, кашлянув, вежливо присел на самый краешек бревна. Мешков же сказал, что моему брату он бы помог, а мне ни за что. И как это я сам не догадался выдать себя в разговоре с Мешковым за своего брата. И вообще перед разговором с Мешковым мне надо было выучить английский язык. На английском я бы его наверняка уговорил, как джентльмен джентльмена.

Приоткрыв один глаз, Дерябин продолжал смотреть на меня, легко касаясь нарисованных клавиш своими нервными пальчиками.

дет ругаться, а он теперь все время ругается и не хочет отучиваться, его можно в Англию послать, я своими глазами читал, что англичанка Дороти Нил основала общество «Компания против обучения попугаев бранным выражениям». Общество насчитывает 220 членов и 180 попугаев. Правда, я это вычитал не для себя, в общем-то, и не для попугая Коко, и не для Антошкиной бабушки. Я это для Танечки Кузовлевой вычитал, чтобы она бы узнала об этом и сказала: «Какой этот Алексей Завитайкин любознательный парень! Всем-то он интересуется!..»

— Здравствуйте, Антоша. — Я это сказал точно так, как эту фразу мог бы произнести мой брат Саша.

— Здравствуйте... — ответил Антоша, не зная, как меня именовать, несмотря на все мои старания походить не на себя, а на брата.

— Саша, — подсказал я.

— Здравствуйте, Саша, — сказал Дерябин, успокаиваясь, но не совсем, и продолжая смотреть на меня с недоверием.

Тогда я решил его добить с помощью общества Дороти Нил.

— Вот, — сказал я, протягивая Антону вырезку из журнала, — мне, конечно, неприятно, что мой брат испортил вам попугая, но выход есть...

Антон внимательно прочитал заметку, покрылся от радости красными пятнами и сказал:

— Можно показать бабушке?

— Конечно, вырезал специально для вашей бабушки.

Спрятав заметку в карман, Антон расчувствовался и совсем потерял бдительность, и вообще я уже мог переходить к письму, но я решил окончательно расположить его к себе и сказал:

— Вы можете сыграть что-нибудь лирическое... из классики?.. Мой брат признает только джаз, а я его терпеть не могу.

Лучшей фразы, вероятно, нельзя было и придумать, потому что Антон снова покраснел от удовольствия.

— А что вам сыграть из классики? — спросил Антон, устраивая на коленях поудобнее свою доску.

«Начинается, — подумал я про себя. — С Мешковым меня подвело незнание английского языка, а сейчас меня подведет мое полное незнание классической музыки».

— Мне э... э... — замычал я. — Мне э... э...

— Эпиталаму хотите?

Я решил, что эпиталама — это что-то такое не очень длинное, и поэтому охотно согласился.

Пальцы Антона запрыгали по беззвучным клавишам довольно надолго. Потом вдруг остановились. Я зааплодировал и прошептал: ‘

— Прекрасно! Прекрасно!

— Нет, нет, — испугался Дерябин, — это еще не конец. Это просто пауза... в моей трактовке. Тут еще будет аллегро модерато... и тутти...

«Тутти-мутти», — чуть было не сказал я вслух, но удержался. Дерябин снова заиграл и снова остановился.

— Прекрасно! Прекрасно! — сказал я еще раз, надеясь на то, что это уже настоящий конец, а не очередная пауза в трактовке Дерябина.

— Вам правда понравилось? — спросил меня Антон. — А какое место больше всего?

Я хотел сказать, что больше всего мне понравилась пауза, но опять удержался.

— Правда, — сказал я с пафосом, — и особенно вот это место. — И здесь я показал сначала на середину, а потом на самый конец доски, где Антошины пальцы бегали быстрее всего.

— Я могу повторить, — сказал Антон.

— Спасибо, — сказал я, — хватит... А теперь услуга за услугу! У меня к вам небольшая просьба... о небольшой помощи в одном деле... — Мне показалось, что при слове «помощь» Дерябин вздрогнул.

— Какая помощь? — спросил он, стараясь почему-то не смотреть мне в лицо.

— Вы не можете подбросить одно письмо к нам на кухню?..

— Какое письмо? — спросил, краснея, Дерябин.

— Вот это, — сказал я, доставая второй раз из-за пазухи письмо, адресованное моему папе. — Конечно, мне проще всего было бы попросить брата Лешу, но вы же знаете, что это за человек... Разве ему можно сказать по секрету, что я влюбился в Таню Кузовлеву. Ведь он такое может выкинуть...

И я протянул Антону Дерябину письмо, написанное красными как кровь чернилами.

Прочитав письмо, Дерябин долго с подозрением смотрел на меня, потом вдруг спросил:

— Желание славы, значит?

— Точно, — ответил я.

— Как у Пушкина в стихах, значит?

— Как у Пушкина, — подтвердил я.

— Значит, «желаю славы я». — Дерябин поднял вверх руку, как Пушкин в кинокартине про Пушкина, и продолжал декламировать: — «...чтоб именем моим... все, все вокруг тебя звучало обо мне!..»

От этих слов у меня все внутри как на карусели поехало, я же сам все это чувствовал, только я так сказать не мог. А так-то я ведь всё и делал, чтобы, как это... именем моим... именем Алексея Завитайкина все... вокруг Тани Кузовлевой... все, значит, чтобы звучало обо мне...

— Я сейчас спешу, — сказал я, доставая из кармана авторучку и блокнот.

— Между прочим, — сказал Дерябин в то самое время, когда я записывал слова Пушкина, — когда Пушкин влюбился в Анну Керн, он не воровал себя у своих родителей!..

Я перестал записывать слова Пушкина, медленно поднял голову и грозно спросил:

— А что он делал?

— Он написал стихотворение «Я помню чудное мгновенье», — в рифму ответил Дерябин. — Конечно, стихи могут писать не все, но вот, например, вчера какая-то девочка тринадцати лет поставила мировой рекорд по плаванию. И сразу же прославилась.

Это был какой-то такой намек, который я не мог простить Дерябину.

— А ты знаешь, — заорал я на Дерябина так, как этого никогда бы не сделал мой брат, — что Моцарт, когда ему было десять лет, он не сидел на бревнах и не играл на нарисованном рояле, а выступал в Европе с концертами!

Дерябин моего Моцарта проглотил почему-то без всякой обиды и как ни в чем не бывало снова принялся за свое «А вы знаете».

— Я все знаю, что ты меня спросишь, — сказал я, окончательно переходя на «ты». (А сколько можно «выкать» этому Дерябину-Скрябину.) — Я только не знаю, ты подбросишь письмо моим родителям или нет?

— Понимаете, Завитайкин, — вздохнул Дерябин, — мне, пожалуй, это будет трудно сделать.

— Чего ж тут трудного? Пробежать пятьдесят метров с конвертом в руках и опустить его незаметно в окно?

— Мне будет тяжело не физически, — пояснил Дерябин. — Мне будет морально тяжело.

— Это еще почему же?

— Потому что... я, видите ли... я тоже влюблен в Таню!.. Конечно, — продолжал тихо говорить Дерябин, — мешать вам было бы нечестно с моей стороны... но помогать вам мне... было бы нечестно с вашей стороны...

Вообще-то мне показалось, что насчет своей любви к Тане Кузовлевой Дерябин все выдумал сейчас же. Выдумал, чтобы не участвовать в этой, чего скрывать, рискованной операции. Но уж больно у Дерябина был очень расстроенный вид. А может, и не выдумал? Просто скрывал, и все. И все равно эта новость меня очень расстроила.

— И вообще, — тихо и растерянно добавил Дерябин, — как честный человек, я должен перед вами извиниться... Дело в том, что я вам играл вовсе не эпиталяму, а этюд Скрябина!..

Теперь пришлось растеряться и мне, потому что как же я мог отличить эпиталяму от этюда Скрябина, если я не слышал ни одного звука, а только видел, как прыгали по фанере пальцы Дерябина.

— Попугая мне простить не можешь! Роялист проклятый!.. — сказал я противным голосом. — Подожди, я его еще научу приемам самбо, он весь ваш дом расшвыряет!

Я не знаю, может, мне почудилось, но Дерябин-Скрябин вдруг как будто бы приподнялся с испуга в воздух и перелетел в одну секунду во двор своей дачи.

Затем он пискнул «детективный ребенок!» и, как мне показалось, влетел вместе со своей музыкальной доской в окно своей комнаты. А я опустился на бревно и стал постепенно успокаиваться. Когда я немного успокоился, я стал пересчитывать в уме своих врагов: Сергей Мешков, Антон Дерябин, Васька Сусанин, Юрий Корняков, Вадим Лютатовский, Бондаренко, Чучилин, Зотов... Кругом одни враги... Кого же мне попросить подбросить письмо?.. Может, какого-нибудь мальчишку из соседнего дачного поселка?

— Завитай, скажи, как папину бритву тупишь? — спросил меня кто-то за моей спиной.

Я оглянулся и увидел еще одного своего врага — Николая Тулькина.

— Ты, может, по ночам меня гипнотизируешь? — спро-

сил еще раз Тулькин. — Ну скажи... а то отец меня уже третий раз выпорол...

Я стал смотреть на Тулькина так, как будто я его действительно гипнотизировал, думая о том, что, с одной стороны, лучшего кандидата для сообщника, чем Тулькин, не придумаешь: Тулькин любит читать книги про шпионов, вон и сейчас у него из-под мышки торчит какая-то зачитанная лапша. Но, с другой стороны, он почему-то ненавидел всех девчонок подряд, может, потому, что у него пять сестер в семье и ни одного брата, и поэтому он вряд ли согласится помогать мне даже в обмен на тайну про папину бритву, которую я, по словам Тулькина, каждую ночь туплю. Я еще немного погипнотизировал Тулькина глазами и сказал:

— Хорошо, — сказал я, — тайну бритвы я тебе открою, так и быть. — С этими словами я достал из кармана коробочку из-под чего-то американского, из-под чего, я не разобрал, может быть, из-под грима или пудры, потому что внизу написано «Голливуд» (это я разобрал!) и «мэйд ин юса» — «сделано в Америке». В этой коробке я хранил на всякий случай таблетки питьевой соды. Высыпав таблетки на ладонь, я стал их пересчитывать.

— А это у тебя что такое? — спросил Тулькин.

Я знал, что он обязательно задаст мне этот вопрос.

— Таблетки, — сказал я.

— От чего? — спросил Тулькин.

— Не от чего, а для чего! — объяснил я.

— А для чего? — спросил Тулькин, изгибая свою длинную шею, как страус.

— Таблетки... чтобы видеть сны...

— Какие сны? — насторожился Тулькин.

— Интересные, конечно, — сказал я и, чтобы окончательно добить Тулькина, добавил: — Детективные, широкоформатные и цветные... Одна таблетка на одну серию... Сделано в Америке... — Я ткнул пальцем в «мэйд ин юса». — В Голливуде... — Я ткнул пальцем в слово «Голливуд».

— А сны короткие или длинные? — спросил Тулькин, облизываясь, как голодная кошка.

— Полнометражные, — отрезал я, пряча коробочку с содовыми таблетками в карман. — Значит, тебя интересует, как я туплю бритву твоего отца?

Тулькин облизнулся и молча кивнул головой.

— Только услуга за услугу... — Я оглянулся по сторонам и прошептал: — Письмо подбросишь?

— Какое письмо?

Я приложил пальцы к губам, схватил Тулькина за руку и потащил в кусты. Там я в третий раз достал из-за рубашки письмо, написанное красными чернилами, и сказал:

— Вот это... Детективное...

Тулькин посмотрел с уважением на письмо, вытащил из кармана кожаные перчатки и надел их.

— Чтобы отпечатки пальцев не оставлять, — пояснил он, впиваясь глазами в мои каракули.

Рассказ четвертый

СООБЩНИК ТУЛЬКИН

Пока Тулькин, впившись глазами в бумагу, читал мое письмо так, как будто он учил его наизусть, я все смотрел на Тулькина и все думал: откуда у него появилась висящая на груди медаль и за что он ее получил? Тем более что эта медаль мне была очень знакома, я ее где-то уже видел... И тут я вдруг сразу же вспомнил, где и у кого я видел эту медаль... У собаки Тулькина — на ее ошейнике. У Гальды... Она получила эту медаль на какой-то собачьей выставке... Ну Тулькин! Я от него этого не ожидал. Если я так переживаю из-за этой медали, то я представляю, как из-за нее мучается собака. Ведь она же бессловесное животное. Ей, может быть, хотелось бы пойти на выставку в комитет и пожаловаться на Тулькина, а как она может пожаловаться: только разве что полает на членов комитета, но они разве поймут, в чем дело. Я уже стал фантазировать, как можно помочь Гальде, но в это время Тулькин посмотрел на меня.

— Кровью писал? — спросил Тулькин не своим голосом, прочитав мое письмо, написанное красными чернилами.

— Спрашиваешь, — ответил я.

— Сразу набело?

— Как же тебе — сразу! — возмутился я. — Попробуй напиши сразу такое письмо... Сто черновиков исписал!..

— И черновики кровью писал? — спросил Тулькин опять не своим голосом.

— Конечно, — сказал я.

— Так ты, значит, всю кровь исписал?

— Всю, — сказал я.

Тульский взял мою руку и стал внимательно рассматривать мои кровеносные сосуды.

— А что же тогда у тебя течет?

Я пожал плечами.

— Не знаю, — сказал я. — Что-то течет...

— Интересно... — прошептал Тульский, снова впиваясь глазами в письмо. — А когда похищаться думаешь?

— Сегодня вечером. После ужина. Часов в восемь.

Тульский уже размахнулся, чтобы скрепить рукопожатием свое согласие, но так и застыл с поднятой рукой.

— В восемь не могу, — сказал он. — Сегодня в восемь интересная передача по телевизору. Шпионский фильм. Давай в девять.

Для меня не могло быть никакой речи об отсрочке, поэтому я разозлился и сказал:

— Да ты знаешь, что здесь после ужина будет твориться?

— Что будет твориться? — спросил Тульский.

— Папа с мамой сразу же панику поднимут! Все соседи выскочат на улицу! Забегает милиция. Из угрозыска привезут штук десять ищеек! Корреспонденты понаедут из Москвы с фотоаппаратами! Собаки бегают! Милиция в свистки свистит! Корреспонденты своими аппаратами щелкают! Папа с мамой несут за меня выкуп! Ищейка нюхает мой пиджак и бежит в сторожку на кладбище! Меня находят связанного и с кляпом во рту! Все кричат «Урра!», обнимаются и плачут от радости! Все меня спрашивают: кто меня украл? Я говорю: «Я не знаю. Все были в масках!» Меня фотографируют! Мой портрет появляется в «Неделе»! А ты в это время будешь сидеть дома и смотреть свой телевизор!

— Пожалуй, ты прав, Завитай, — сказал Тульский с горящими глазами. — Такое по телевизору не увидишь!

— Конечно, не увидишь! А бросишь письмо, беги к себе домой, выноси на улицу стул и сиди и смотри себе!..

Тульский размахнулся и уже хотел скрепить рукопожатием наш союз, но почему-то не скрепил, а задал следующий вопрос:

— А ты почему так мало за себя просишь?

— Как — мало?.. Шесть тысяч! Сколько машина «Москвич» стоит.

— А ты все-таки человек...

— Да я же это не из-за денег делаю! — еще больше возмутился я. — Я же это все из-за любви! Я же просто хочу прославиться! А деньги все обратно папе верну.

— Это еще из-за какой любви? — возмутился Тулькин еще больше меня.

— Из-за любви... к Тане Кузовлевой, — прошептал я. — Чтоб она на меня внимание обратила. Девчонки знаешь как на знаменитых внимание обращают!

— Ах, из-за любви?.. — разочарованно протянул Тулькин. — Ну, если из-за любви, — еще раз повторил он, — то я тебе не помощник... Ненавижу этих девчонок! — Тулькин прямо затрясся от ненависти. — Да я лучше пораньше спать лягу... — сказал Тулькин, продолжая весь трястись, как отбойный молоток.

Это был намек со стороны Тулькина, и я решил этим намеком воспользоваться.

Я еще раз достал из кармана коробочку с таблетками и стал их снова пересчитывать.

— Значит, так... Открываю тайну про бритву и даю две таблетки на два шпионских, цветных, детективных сна...

Тулькин с такой неохотой отвернулся от содовых таблеток, что, как мне показалось, у него даже шея закрипела.

— Я и без твоих таблеток могу во сне увидеть что захочу. — Но никакой правды в его голосе не было. — И можешь мне не рассказывать, — продолжал он, — как ты бритву моего отца тупишь. Пусть он меня хоть еще раз выпорот, а я тебя все равно подкараулю. Узнаешь еще, какой я сыщик. А из любви к девчонкам я помогать ни за что не буду. Если б из ненависти, я бы тебе еще помог, а из-за любви ни за какие... — он, конечно, хотел сказать «таблетки», но пересилил себя и сказал, — ни за какие... коврижки, даже если бы меня не ты, а твой брат попросил — все равно бы не стал помогать.

Если бы Тулькин не сказал, что из-за любви он мне не поможет, а из ненависти с удовольствием, может, мне пришлось бы искать четвертого сообщника, но когда он сказал, что из ненависти он бы еще помог, тогда я высыпал на ладонь еще две таблетки пищевой соды (всего, значит, на четыре серии детективных шпионских цветных снов) и сказал:

— Ты мне будешь помогать из ненависти к ней!

— Это как же? — не понял Тулькин. — Помогать из ненависти?

— А вот так же, — начал я свое, может быть, самое сложное и унижительное объяснение в своей жизни. — Я кто такой? — спросил я Тулькина.

— А кто ты такой? — спросил меня Тулькин.

— Я шалопут! — сказал я твердо. — Шалопут!

— Ты шалопут, — с удовольствием подтвердил Тулькин и как-то уж чересчур поспешно.

— Кто шалопут? — переспросил я грозно Тулькина, сдерживая желание дать за такое оскорбление Тулькину в зубы.

Но потом я подумал, что это он говорит так для дела и только поддакивает мне, я успокоился и сказал:

— Я еще и лентяй!

— Ты еще и лентяй! — подтвердил снова с удовольствием Тулькин.

— Кто лентяй?..

Мы помолчали. Я боялся, что я все-таки дам Тулькину в зубы за оскорбление личности, — в конце концов, можно же подтверждать и молча, кивком головы, но пересилил себя и, скрипнув зубами, продолжал:

— Но Кузовлева об этом ничего не знает? Так? — спросил я.

— Так, — подтвердил Тулькин, — не знает.

— Значит, если бы Кузовлева дружила с Мешковым или Дерябиным, а не со мной, то это было бы совсем другое дело? Так? — спросил я Тулькина.

— Совсем другое дело! — сказал Тулькин и еще кивнул головой. — Значит, так ей и надо! — обрадовался настоящему Тулькину. — Все равно с тобой все мучаются: и родители, и школа, и весь наш дачный поселок, а она что, исключение, что ли... А таблеток серии на три дашь? — спросил разбушевавшийся Тулькин.

Я снова вытащил из кармана коробочку и отсыпал на ладонь Тулькина три таблетки.

— И про то, как папину бритву тупишь, расскажешь! — предупредил меня Тулькин.

— После похищения, — ответил я. — Значит, после ужина я похищаю себя в сторожку на кладбище. В восемь ноль-ноль. На твоих сколько?

Тулькин посмотрел на свои часы с одной секундной стрелкой и сказал:

— Зачем после ужина? Сейчас тебя похитим! Вербку только возьму и еще кое-что!

— Как же, — сказал я. — На голодный желудок, что ли?

— Именно на голодный... Чтобы неожиданной. Только у меня к тебе просьба: дай еще на две серии таблеток...

— После, после, — сказал я. — После похищения все отдам.

Тулькин немного попереживал и сказал:

— Тогда спрячься сейчас за сарай, чтобы нас вместе никто не видел, и жди... Я к тебе незаметно сам подойду...

Уже из-за сарая я увидел, как на крыльце собака Гальда встретила Тулькина и стала на него лаять (наверно, медаль просила вернуть обратно), а я подумал, что молодец Тулькин, не злопамятный! Не держит на меня злобы за папину бритву. Правда, я ничего такого с бритвой его папы не делал и не тупил, конечно, никогда и тупить-то не собирался. Я просто проверял одну заметку из журнала «Техника — молодежи». Там было написано, что если в лунную ночь положить опасную бритву на свет, то к утру она затупится. А когда бритва затупится, то, я думал, что Тулькин распространит слух среди ребят, что я одной силой воли могу тупить бритвы на расстоянии. И кто-нибудь из ребят расскажет об этом Танечке Кузовлевой, и тогда она скажет: «А я давно замечала, что у Леша во взгляде есть что-то гипнотически магнетическое!»

Между прочим, у нас дома опасной бритвы нет — мой папа бреется электрической, — поэтому я и решил с помощью бритвы отца Тулькина проверить это явление, а Тулькин, видно, не читает журналов, поэтому он и решил, что это я туплю бритву, а не лунный свет. Я однажды наблюдал за ним, как он всю ночь не спал, все меня караулил. Я, конечно, и не думал подходить к дому Тулькиных, я-то знал, что бритва и так затупится...

Тем временем в доме Тулькиных собака Гальда все продолжала лаять, а Тулькин все не выходил, а я подумал, что Гальда зря требует отдать ей медаль обратно: Тулькин, в конце концов, тоже имеет право носить ее — он ведь Гальду учил всяким штукам, а не она его. Я подождал еще немного, но Тулькин все не выходил, сестра вышла на крыльцо, а Тулькина все не было. Тогда я оглянулся: может, он уже подошел ко мне? Тулькин сказал, что подойдет незаметно, но рядом со мной никого не было. С другой стороны

сарая тоже не было Тулькина. Я ждать больше не мог, в конце концов ничего не случится такого, если не Тулькин незаметно подойдет ко мне, а я к нему. Я перелез через забор и уже хотел перебежать улицу быстро, как солдаты в кинокартинах про войну, но в это время меня кто-то грубо (непозволительно грубо) схватил за плечо.

Не было на земле такой силы, которая в такую минуту могла меня удержать на месте, но через секунду я убедился, что такая сила есть на земле и зовут эту силу Николай Сутулов. Вообще-то Сутулова в списке моих врагов у меня не было, но, вероятно, я был у него в списке его врагов, потому что вот уже с первого дня, как он приехал на дачу, он при каждой встрече дает мне какой-то незаметный, но очень больный подзатыльник, приговаривая при этом: «Первый просит посадки!..» или «Второй просит посадки!..» Вместе с сегодняшним подзатыльником он мне их на шею уже двадцать восемь штук посадил. Потом он еще всегда проводит на мне один прием борьбы самбо и удаляется. Вот и сейчас он сказал:

— Двадцать восьмой просит посадки!.. — потом дал по шее, продолжая держать меня за плечо. — Из положения удержания, — сказал Сутулов, — захватываю правой рукой запястье правой руки противника, ставлю локоть правой руки к его шее, поднимаю предплечье своей правой руки и... провожу прием!.. За секунду...

Он вот так на мне провел уже двадцать восемь приемов борьбы самбо. На словах, правда, но все равно противно. А за что? Я ему абсолютно ничего такого не сделал, только один раз подошел к нему и спросил его, задрал голову. (Сутулов у нас на четыре головы выше всех ребят!)

— Слушай Сутулов, — сказал я ему, — при твоём росте у тебя твои мозги там... (я показал рукой вверх) должны быть в состоянии невесомости... Я правильно говорю?..

А Сутулов вместо ответа дал мне тогда по шее и сказал:

— Первый просит посадки!.. — Потом первый раз показал мне хронометр, который он носил на руке, и пояснил: — Резко поднимаю сомкнутые руки, быстро отбрасываю руки противника и, нагнувшись, захватываю его ноги в подколенных изгибах... И... прием провожу в три секунды.

Наверно, ему Тулькин, Мешков и Дерябин что-нибудь на меня наговорили. Я, конечно, мог Сутулову давно дать сдачи, и вообще, но это было бы ужасно примитивно, просто подраться... в духе каких-то питекантропов. А вообще-

то у меня есть, уже есть, уже приготовлен для Сутулова один химический состав, желтый-желтый, как «желтая лихорадка». Если им мазнуть по лицу, несколько дней не будешь от умывальника отходить... А дальше все должно происходить так: Сутулов мне, значит, делает на шею посадку двадцать девятого подзатыльника (двадцать восьмой я только что получил!), а я ему — «желтую лихорадку»... и тридцатого подзатыльника уже не будет...А может, мне прямо сейчас дать Сутулову по роже, чтоб не было посадки и двадцать девятого?

Я сжал в кармане пластмассовый мешочек с губкой, пропитанной «желтой лихорадкой», но тут же подумал, что с Сутуловым я расправиться всегда успею! И как еще расправиться! Я, кроме «желтой лихорадки», такое для Сутулова приготовил — весь век меня помнить будет, а сейчас самое главное — поскорее отвязаться от него и терпеливо дослушать до конца прием самбо, который проводил на мне этот гнусный Сутулов.

— Представляешь, — сказал Сутулов, покончив с приемом самбо, — проходит, как у Дюма — «Десять лет спустя», ты сидишь на веранде...

Я хотел спросить: «С кем?» — но удержался. Я-то знал, что на веранде через десять лет я буду сидеть с Танечкой, я знал, а Сутулов в этом убедится, когда подойдет ко мне через десять лет.

— Я, значит, подхожу, — сказал Сутулов, — и... две тысячи двести двадцать восьмой... просит посадки...

— Ну что ты, Сутулов, — сказал я, — какой две тысячи двести двадцать восьмой... двести тысяч двести двадцать восьмой просит посадки...

Сутулов, видно, не ожидал от меня такой фразы (я сам не ожидал ее от себя! Но ведь Тулькин ждет! Скорей! Скорей!), поэтому Сутулов разинул рот, подумал, поправил бороду и сказал:

— Молодец!.. Заходи в гости... — и удалился, а я в несколько прыжков подбежал к крыльцу Тулькина и стал заглядывать в его дом.

— Вам кого? — спросила сестра Тулькина.

— Вашего брата, — ответил я.

— Он спит! — сказала сестра Тулькина.

— Как — спит? — заорал я. — Как — спит? Как — спит?! — повторял я, как попугай Кокошка, одну и ту же фразу.

Мало того, что этот Сутулов подверг меня этой унижительной задержке, теперь этот Тулькин взял у меня таблетки для детективных снов, наверное, принял их и... улегся спать. С ума сойти!..

— Разбудить! — закричал я на сестру Тулькина так, как будто она была моей сестрой. — Разбудить немедленно!

— А он закрылся на крючок и сказал, чтобы его не будили!

Повернувшись вокруг себя на каблучке, сестра Тулькина прыгнула с крыльца и побежала на улицу, а на крыльцо вышла мать Тулькина и подозрительно посмотрела на меня. На меня все всегда смотрят почему-то подозрительно.

«Все пропало, — подумал я, бесшумно отступая спиной за угол дома. — Тулькин действительно принял мои таблетки и лег смотреть многосерийный широкоэкранный, цветной, детективный сон. И главное, что мое письмо у него осталось!»

Ну, я ему покажу! Я... я обогнул дачу Тулькиных. Окно предателя было закрыто и даже задернуто шторой. А другое окно рядом было открыто, и из другого окна вдруг показалась спина Тулькина, а потом он сам с чемоданом в руке.

— А сестра сказала, что ты спишь, — прошептал я, — не выходил столько времени...

— Так это же для алиби, — сказал Тулькин.

— А я уж думал, что с похищением все пропало, — прошептал я.

— Считай, что ты уже похищен. — Тулькин достал из кармана пять пакетов с молотым перцем. — Ползи на кладбище, — сказал он.

— А ты?

— Я сзади. Я буду посыпать перцем траву... Чтоб собаки след не взяли...

И я пополз... к славе, к известности, ко всему тому, что меня ждало впереди! Да, но если бы я знал, что меня ждет впереди, я бы, конечно, давно повернул обратно, но я не знал и поэтому все полз, полз, полз... до тех пор, пока не уткнулся макушкой в дверь сторожки. Не поднимаясь на ноги, я подцепил дверь рукой и потянул ее. Дверь со скрипом отворилась, я подполз на животе к лестнице. Тулькин пыхтел и чихал (от перца, наверно!) где-то сзади.

Взобравшись по лестнице на чердак заброшенной сторожки кладбища, я сел на пол, привалился спиной к стро-

пилу, а Тулькин, достав из чемодана веревку, стал с удовольствием опутывать меня по рукам и по ногам. Потом он с наслаждением стал заталкивать мне в рот кляп.

Да не весь толкай! С ума сошел, что ли! — промычал я. — Думаешь, это большое удовольствие?

Тулькин оставил в покое платок и, вынув из кармана пакет с молотым перцем, начал посыпать вокруг себя, освещая пол электрическим фонарем, хотя было еще светло. От его перца у меня сразу же засвербило в носу, и я с трудом удержался, чтобы не чихнуть.

— Осторожней сыпь! — промычал я сквозь платок. В носу защекотало сильнее, поэтому я не удержался и все же чихнул.

Тулькин осветил меня фонарем, полюбовался немного моим видом (связан по рукам и ногам, во рту кляп!) и сказал:

— Ювелирная работа!

А я сказал с кляпом во рту:

— Му-у-ум-эуа-э-э, — что без кляпа бы означало: Тулькин, не теряй время, скорей подбрасывай письмо!

Тулькин меня прекрасно понял, он подмигнул мне, спрятав мое письмо за подкладку кепки и, пятясь, стал слезать с лестницы, посыпая ступеньки молотым перцем.

ЧАСТЬ II

ПОЗОВИТЕ К ТЕЛЕФОНУ ВАШУ СОБАКУ

Рассказ пятый

ТУЛЬКИН ТОРГУЕТСЯ

Мой брат Саша как-то показывал мне заметку об одном интересном случае, о котором было напечатано в одном журнале. Значит, в Испании жила одна женщина — испанка, которая всю жизнь разговаривала на испанском языке. Однажды, когда она проходила мимо какого-то дома, ей вдруг на голову с балкона свалился какой-то предмет и сильно ударил ее по голове. Женщина-испанка потеряла сознание, а когда пришла в себя, то вдруг заговорила на чистом английском языке. Ученые, конечно, никак не могут найти объяснение этому удивительному событию. Я почему об этом думал, сидя на чердаке в сторожке, я об этом думал потому, что, если бы я попросил кого-нибудь ударить меня чем-нибудь по голове, может быть, я тоже бы вдруг заговорил по-английски.

Представляю, как скривился бы Мешков, услышав, как я, гуляя по улице, разговариваю с Таней Кузовлевой совершенно свободно на английском языке. Вопрос весь в том, как сильно меня надо треснуть чем-нибудь по голове, чтобы я заговорил по-английски. И кто согласится это сделать? Сообщника в этом деле мне будет найти, конечно, легче. В нашем дачном поселке, пожалуй, каждый из ребят треснет с удовольствием меня чем угодно по голове, только я боюсь, что меня треснут с большей силой, чем это необходимо для овладения английским языком...

— Снижай цену, Завитайкин! — услышал я голос Тулькина, неслышно появившегося на чердаке. — Не хотят тебя выкупать за шесть тысяч.

Я еще продолжал думать об изучении английского языка с помощью удара по голове, на что я решился пойти только из-за Танечки Кузовлевой, поэтому я не сразу сообразил, о чем мне, собственно говоря, говорит Тулькин.

— Цену, говорю, снижай, — повторил Тулькин. — Не хотят тебя выкупать за такие деньги.

— А кто тебе сказал, что меня не хотят выкупать? — сообразил наконец я, о чем идет речь.

— Тишина, — объяснил Тулькин.

— Какая тишина?

— Слышишь? — спросил Тулькин, приныкая к чердачному окну.

За окном было темно и действительно тихо. Не вообще тихо, а тихо в смысле того, что шума вокруг моего помещения не было никакого. Слышно было только, как Дерябин-Скрябин играл дома на рояле, а на даче у Мешкова орал магнитофон.

— Тишина еще ни о чем не говорит, — сказал я неуверенно.

— У вас не говорит, а у нас, детективов, все говорит: обрывок газеты, оставшийся на месте преступления, окурок, пуговица, трамвайный билет могут нам рассказать больше, чем сам преступник. Наобещал с три короба: паника будет! Милиция будет! Ищейки будут! Урра будет!.. Знал бы, что так получится, лучше сидел бы дома и смотрел бы детектив.

— Ты подожди, Тулькин, — сказал я, — ты про письмо скажи, ты подбросил письмо?

— Конечно, подбросил.

— На кухню?

— Как договорились.

— А на кухне кто-нибудь был?

— Сашка все время торчал. Потом он полез в шкаф, а я в это время — раз! И письмо на полу! Твой брат его поднял! Я дёру!

— Значит, началось... — сказал я.

— В том-то и дело, — ответил Тулькин, — что ничего почему-то не началось.

— Как не началось?

— Очень просто, — пояснил Тулькин. — Как только ваш Сашка поднял письмо, он сначала бросился к окошку, чтобы посмотреть, кто бросил письмо, но я уже к этому времени спрятался. Тогда он с этим письмом побежал в

комнату. А я тогда обогнул вашу дачу с другой стороны, побежал домой, вынес на улицу стул и стал ждать. Слышу, у вас в гостиной телик работает. Минут пять сидел ждал. Вот, думаю, Сашка письмо принес твоему отцу или матери. Вот они его прочитали! И вот в панике выскакивают на улицу, как ты обещал.

— Ну, а они что? — спросил я с нетерпением.

— Что они?.. Я сижу, а они не выскакивают!.. А телик работает... Детектив передает...

— А почему же они не выскакивают? — спросил я с каким-то чувством растерянности.

— Наверно, решили сначала досмотреть детектив, а потом уж выскочить?..

— Твое счастье, Тулькин, — сказал я, сжимая кулаки, — что у меня руки связаны, а то бы я тебе за такие слова... Это ты бы, может быть, не выскочил, все сидел бы у телевизора, если бы у тебя сына украли, а мои родители выскочат, вот увидишь, просто еще мало времени прошло.

— Мало времени? Пять минут бежал! Десять ждал! Пять минут обратно! И еще три минуты с тобой разговариваем! Да за это время весь наш дачный поселок можно было поднять на ноги!

Я промолчал. В словах Тулькина была какая-то неприятная для меня логика. За это время в дачном поселке, по моим расчетам, обязательно должен был подняться настоящий переполох. Но кругом было так же тихо, как и до моего похищения.

— Ничего не понимаю... — Я действительно ничего не понимал. — Почему же меня не выкупают?..

— А чего тут непонятного? Не стоишь ты шести тысяч. «Москвич» стоит, а ты нет.

— А при чем здесь «Москвич»?

— А при том, сам же говорил, что твой отец завтра должен выкупить в магазине свой «Москвич», — сказал горячо Тулькин. — Если твой отец выкупит тебя в первую очередь, то он останется без денег, и у него пропадет очередь на машину, а если он выкупит сначала машину, то ты не пропадешь, ты же сам написал, что находишься в безопасном месте.

— Значит, ты думаешь, что они сначала выкупят машину?

— Конечно, машину, а потом займут денег и выкупят тебя.

— Что же, я должен на этом кладбище неизвестно сколько торчать? (Тулькин продолжал сидеть где-то там, уже в темноте, и сопеть.) А ты знаешь, — сказал я, — как неприятно здесь сидеть?

— Тогда нечего заламывать за себя такую цену! Хочешь прославиться, сегодня же запроси рублей пятьдесят за себя, и хватит.

— То говорил, я мало запросил, теперь — много... А почему пятьдесят?

— Хватит с тебя, — объяснила мне темнота голосом Тулькина.

Я обдумал предложение Тулькина и сказал:

— Ни за что! Надо мной же будут все ребята смеяться, что меня только за пятьдесят рублей выкупили... Сына Кеннета Янга за большой выкуп, написано, выкупили. Я думаю, что большой выкуп — это тысяч шесть.

— Твой отец не Кеннет Янг, и ты не его сын, — сказал Тулькин. — У них свои цены, у нас свои...

— Неужели им жалко заплатить за меня шесть тысяч рублей? — простонал я вслух.

— Ну ладно, Завитайкин, не расстраивайся... Сейчас я напишу еще одно письмо, — сказал Тулькин. — Мы тебя в этом письме уценим, и твои родители тебя, может быть, выкупят. — Тулькин зажег фонарик, снял перчатки и вытащил из кармана куртки блокнот и вечное перо.

— Чтoб меня уценивать!.. — сказал я. — Да ни за что на свете!

— Пятьдесят! — предложил Тулькин.

— Шесть тысяч! — сказал я. — Я эту цену для Тани назначил. Чтoбы она знала, что я чего-то стою.

— Пятьдесят! — сказал Тулькин. — И ни копейки больше!

— Пять тысяч шестьсот! — сдался я.

— Пятьдесят! — повторил упрямо Тулькин. — Раз — пятьдесят! Два — пятьдесят! Три — пятьдесят! (Я не согласился.) Все, — сказал Тулькин. — Я выхожу из этого дела! Таскать по кладбищу доплатные письма! Еще ноги переломашь!

— И выходи! — сказал я. — Пожалуйста! Не заплачу! Выходи!

— Сам себя воровал! Сам письма писал! Сам их и подбрасывай! Знал бы, лучше телик бы смотрел.

— И подброшу! И без твоей помощи подброшу!.. Телевизирь несчастный.

— А ты!.. А ты... — заорал Тулькин. — Ты... уцененный Ромео и Джульетта! — И здесь Тулькина как будто прорвало — как он меня только не называл: и ливерной колбасой, и эскимо на палочке, и магазинным холодцом.

А я все время повторял спокойно только одну фразу:

— Если ты и вправду смелый человек, развяжи мне руки и повтори еще раз, что ты мне сказал!

Но Тулькин все-таки продолжал поносить меня изо всех сил. И тогда меня вдруг осенило, и я подумал: с похищением, конечно, все пропало, не бывать моему портрету в «Неделе», но появилась надежда прославиться по-другому... Это была прекрасная мысль, и мой портрет, кажется, может все-таки появиться в «Неделе».

— Хорошо, — оборвал я ругавшегося Тулькина. — Если ты меня действительно ненавидишь, — сказал я Тулькину, — надень на мой берет свою кепку и дай мне доской по голове. — Я подумал, что вдруг после этого удара я, как та женщина-испанка, вдруг заговорю на чистом английском языке, и обо мне, конечно, сразу же напечатают во всех газетах! И я прославлюсь! — Тулькин, будь другом, дай мне доской по голове! Я это заслужил, Тулькин!

Я думал, что Тулькин с удовольствием выполнит мою просьбу, но, к моему удивлению, Тулькин не только не ухватился за мое предложение, но категорически отверг его.

— Легко хочешь отделаться! — отозвался из темноты Тулькин, освещая меня электрическим фонариком. — Сейчас всех ребят соберу, и мы тебя, связанного, на базар отнесем и к прилавку тебя привяжем, где уцененными товарами торгуют. И еще сфотографируем тебя утром и подпись сделаем: «Бессердечный парень, который украл себя за деньги у своих родителей!» И родителей твоих тоже снимем на карточку: «Бессердечные родители, которые не захотели выкупить своего сына ни за какие деньги!» Всю вашу семейку на весь мир прославим! И Кузовлеву твою прославим — скажем, что она тебя подговорила. И брата твоего не пощадим. Скажем — все знал, но скрыл...

Сделав такое жуткое заявление, Тулькин скатился в темноте с чердака по лестнице, а я остался один, связанный по рукам и ногам, без похищения, без славы, и без

знаний английского языка, и теперь уже без какой-либо надежды на то, что Таня Кузовлева когда-нибудь обратит на меня свое внимание.

Я напрягся и изо всех сил задержал связанными руками.

Рассказ шестой

ВОТ ТАК НОВОСТЬ!

— Я буду водящим, — сказал я и сделал вид, что снимаю со своей руки часы.

— Ишь какой! — разозлился Сутулов. — Он будет водящим! Я буду водящим!

— Хорошо, — согласился охотно я, — снимай свой хронометр.

— А зачем тебе мой хронометр? — спросил меня Сутулов.

— Сейчас мы будем играть, — объяснил я Сутулову, снимая с его руки швейцарский хронометр и подмигивая Мешкову, Дерябину и Тулькину.

— Во что играть? — спросил Сутулов.

— В столб, — сказал я.

— А что это такое? — спросил Сутулов.

— Очень веселая игра... Связывайте его! — приказал я Тулькину, Мешкову и Дерябину.

Тулькин, Мешков и Дерябин стали с удовольствием связывать Сутулова по рукам и ногам. Сутулов не сопротивлялся.

— У тебя на даче никого нет? — спросил я Сутулова.

— До утра уехали, — радостно пояснил Сутулов.

— Вот и хорошо! — сказал я тоже радостно. — Значит, до утра можно играть?

— Конечно! — еще радостней сказал Сутулов.

— Ставьте его на стул! — приказал я Тулькину, Дерябину и Мешкову.

Мешков, Дерябин и Тулькин поставили Сутулова на стул. Я сам не стал о него и руки марать.

— Стоишь? — спросил я Сутулова.

— Стою, — подтвердил Сутулов.

— Прекрасно, — сказал я, влезая на соседний стул. — Хронометр твой ходит хорошо?

— Спрашиваешь! — засмеялся Сутулов. — Тик-так! Тик-так!

Я прижал к своему уху сутуловский хронометр, покачал головой и сказал:

— А по-моему, не очень-то хорошо... «Тик» есть, а «така» нет...

— Иди ты! — сказал грозно Сутулов.

— Можешь сам послушать, — сказал я и приложил хронометр к стене, а Сутулов приложил свое ухо к хронометру и расплылся в улыбке. — Слушаешь? — спросил я Сутулова.

— И «так» слушаю, — подтвердил Сутулов, — и «тик» слушаю.

— Тогда так и слушай, — сказал я, — до утра... Только прижимай хронометр крепче ухом к стене, а то уронишь...

Потом я помолчу и скажу: «Это тебе за Таню... за Кузовлеву, чтоб ты за ней не ухаживал!..»

А дальше Тулькин, Мешков и Дерябин, конечно, — все они повалятся от хохота на пол, а потом... но что будет потом, я не успел представить, так как к этому времени я уже почти подбежал к дому, осталось только продрасться через кусты акации и перелезть через забор, когда совсем рядом я услышал шум и голоса, из которых выделялся голос старика Сутулова:

— Не бойсь, ребята... Я этого Лешего беру на себя... Хватит с ним цацкаться.

— А ты, Дерябин, не расстраивайся, — подал свой голос Мешков. — Ты донт би ин э питти! — успокаивал Дерябина Мешков. — Мы все за то, чтобы Кузовлева с тобой дружила, а не с этим шалопутом. А раз мы все хотим, значит, так и будет. Ду ю андерстэнд?

— Оф корз, — ответил Дерябин. — Сэньк ю вери мач...

— Почему это с Дерябиным? — взъерепенился Сутулов. — Кузовлева будет дружить со мной! Все андерстэнд?

Все промолчали, а я подумал:

«Ну это мы еще посмотрим, кто будет андерстэнд, а кто будет не андерстэнд!» — подумал я, сжимая кулаки.

В это время со стороны кладбища показался бегущий по улице Тулькин с целой оравой мальчишек и крикнул на бегу, посвечивая фонариком:

— Нет его там! Весь чердак обшарили! А домой не приходил? — спросил Тулькин.

На всякий случай я бесшумно залег в кустах, нащупав в кармане пластмассовый мешочек с губкой, пропитанной «желтой лихорадкой». Кажется, сегодня придется пустить в ход. Кажется, сегодня Сутулов от самбо на словах перейдет к самбо на деле.

— Ноу, — сказал Мешков по-английски, — иф ай хэд син хим.

Фразу я не понял, но в голосе Мешкова была явная угроза.

— Куда же он мог запропасться? Из сторожки скрылся и домой не пришел? — пискнул Дерябин, держа доску с клавишами на плече, как винтовку.

Может быть, во время драки мне Дерябин все-таки даст этой доской по голове и я вдруг все-таки заговорю на английском языке?..

— Окружай дом, — скомандовал Сутулов.

Сутуловские прихвостни проползли рядом со мной. Я даже дыхание затаил.

— Ну ничего, — сказал Мешков, — я теперь с ним за пиджак рассчитаюсь. Я ему устрою торнейдоу...

— А я ему за попугая отомщу, — пригрозил Дерябин, перекладывая свою музыкальную доску с одного плеча на другое. — Это надо же, украсть себя за деньги!

— А сначала он сколько за себя запросил? — спросил Сутулов.

— Двести тысяч рублей! — сказал Тулькин, которому, видно, было все равно что врать в темноте.

Я еле удержался, чтоб не выскочить и не дать Тулькину в ухо. (Рано! Рано! Рано!)

— Главное, мы же с ним три раза цену на него снижали, — сказал Тулькин. — Я уж в последнем письме написал: «Вернем сына, дайте хоть на эскимо!»

— Ну и что? — спросил Сутулов.

— Ну и что... — сказал Тулькин. — Ничего, и за двадцать две копейки не стали выкупать.

Все мои враги засмеялись. И вместе со смехом стали поносить меня на все лады.

— Не идет! — сказал Тулькин. — Испугался.

— А дома у них кто-нибудь есть? — спросил Сутулов.

— Отец с матерью, наверно, слышите телевизор?

Все замолчали. Было слышно действительно, как у нас в доме работал телевизор.

Кто-то из ребят полез добровольно на дерево и вдруг закричал сверху:

— Братцы! Да он же дома! Он с какой-то девчонкой передачу смотрит!

— А где же родители? — спросил Сутулов.

— Родителей нет, одни сидят.

— Тем лучше, — сказал Сутулов, поправляя бороду и засучивая рукава.

Все полезли, кто на забор, кто на дерево. Я и сам в горячах тоже чуть было не полез на тополь, услышав сообщение, что в нашем доме появилась девчонка, с которой я сижу рядом и смотрю телевизор.

— Дерябин, да ведь это твоя Кузовлева с Лешкой сидит! — крикнул Мешков.

Вот тебе раз! Пока я устраивал себе свое собственное похищение, мой родной брат-тихоня и маменькин сыночек похитил у меня из-под самого носа Таню Кузовлеву! Мою первую любовь! А может быть, он тоже влюбился? Неужели близнецы не только в одно время рождаются, но и влюбляются тоже в одно время?

— Как же он успел и отвязаться и... — удивился Тулькин. — Я же его специальным неразвязывающимся узлом привязал?.. Вы от калитки не отходили? — спросил он Мешкова.

— Но, — ответил Мешков. — Ви ээр хир лайк э стонс... Как камни, как вкопанные стояли! — объяснил Мешков, потом он уставился на стоявшего с самым дурацким видом Тулькина и спросил: — Ну что ты?

— Проявляю...

— Что проявляешь?

— Вам этого не понять... Свободу пространственного воображения!.. — пояснил Тулькин. — Как же он успел все это сделать? И просить нас всех письмо подбросить, и похититься, и развязаться, и успеть с Танькой детектив по телику посмотреть?..

— Да это не он смотрит телевизор с Кузовлевой, — осенился вдруг Вадим Лютатовский.

— А кто же? — спросил Сутулов.

— Его брат Сашка!.. А Лешка с этим письмом делал отвлекающий маневр, брату создавал обстановку!

— Да что вы, — возмутился Мешков, — он же ко мне с этим письмом подошел... Подошел как Лешка, а потом я подумал, что это все-таки Сашка!

— Какой Сашка! — теперь взъерепенился Дерябин. — Это он ко мне подошел как Сашка, а потом я вижу, что это Лешка.

— Тогда кто же сидит сейчас дома? — спросил Сутулов.

— Лешка, — сказал Дерябин.

— Сашка, — сказал Мешков.

— А по-моему, они и сами не знают, кто из них сейчас сидит перед телевизором, — заявил Вадим Лютатовский. — У близнецов, говорят, это бывает.

— Сейчас, — сказал Сутулов, — погадаем. Если монета упадет на цифру, сидит Сашка. — С этими словами Сутулов подбросил в воздух монету, поймал, поглядел на разжатую ладонь и сказал: — Сашка! Это Сашка! Сейчас вызовем его на улицу и свернем нос налево, а придет Лешка, свернем ему нос направо, чтоб не путали нас... и чтоб наших девчонок у нас не отбивали!..

Но, несмотря на призыв Сутулова, никто не двинулся с места, даже влюбленный Дерябин и тот продолжал стоять, хотя Сутулов продолжал всех подбадривать.

«Молодец Сутулов, — подумал я. — Молодец! Так Сашке и надо! Своротят нос набок! И все! И операцию не надо будет делать! Пусть не отбивает девчонок у своего родного брата! Ну, ну, братцы, ну, вперед же, вперед!..»

— Сашке своротить нос, конечно, можно, — усомнился Тулькин. — А вдруг это сидит с Таней не Сашка, а Лешка, он мне как-то грозил, что у него такое секретное оружие есть, что, в случае чего, мы его до-о-олго помнить будем!

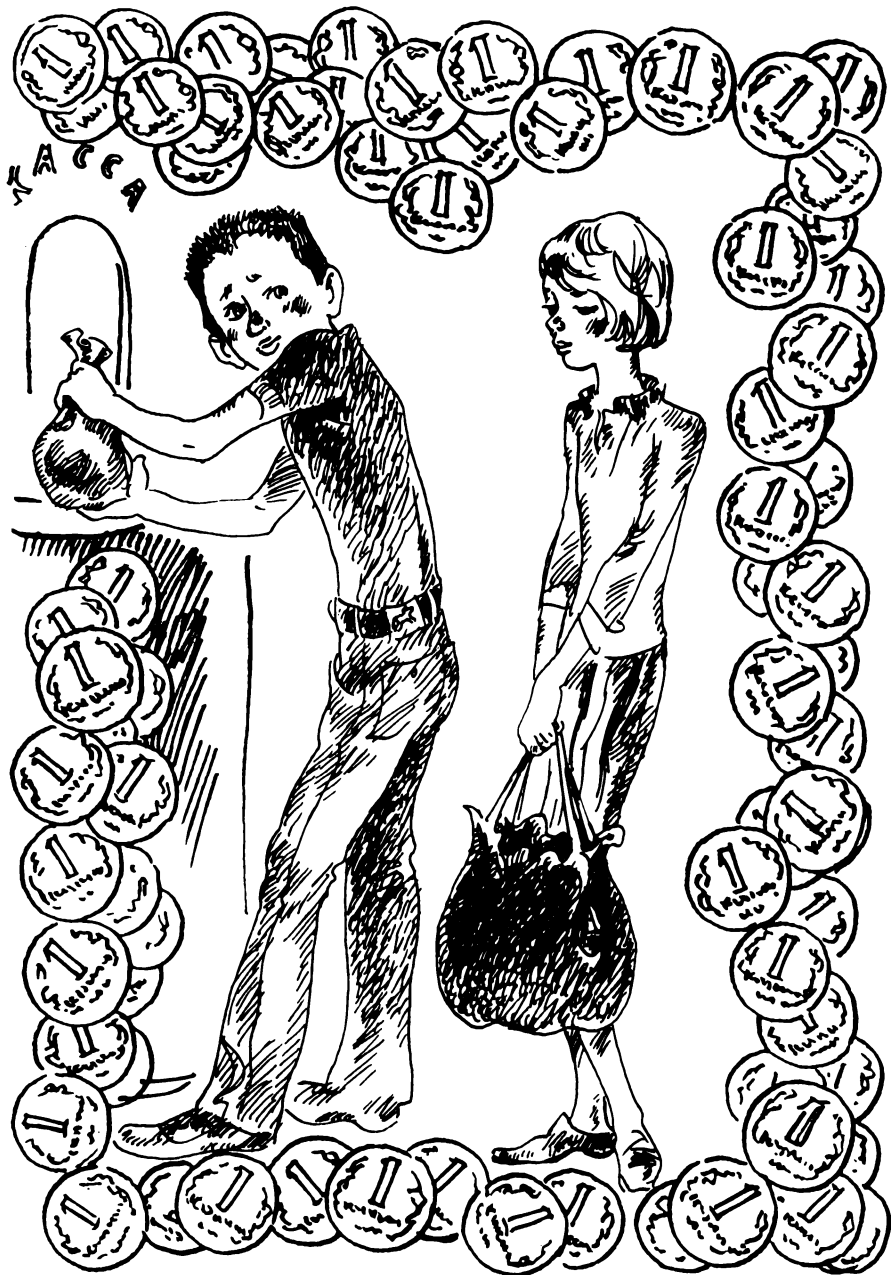
— Да это она не с Лешкой сидит, это она с Сашкой сидит... — загорячился Лютатовский.

— Обоснуй! — оборвал его Сутулов.

— Да не будет она с Лешкой сидеть! С Сашкой будет, а с Лешкой нет... — заявил Вадим Лютатовский.

— Докажи, — снова оборвал Сутулов Лютатовского.

— И докажу, — сказал Лютатовский. — Знаете, какой он ей фокус недавно показал. Я как раз в продовольственном магазине был, смотрю: у прилавка Завитай стоит с тяжелым мешочком в руке. Я сразу подумал, что он здесь неспроста стоит. Он стоит, и я стою. Он смотрит в окно, и я смотрю. Он чего-то ждет, и я тоже стою чего-то жду. Вдруг в магазин вбегает Кузовлева. Завитай задергался, как будто его в электросеть включили. Кузовлева — к прилавку,

Лешка — к прилавку. Кузовлева — к кассе, а он успел ее обогнать и встать перед ней. А я смотрю на Завитая и думаю: ну это все неспроста, тем более что у него какой-то тяжелый мешочек в руках. Доходит очередь до Лешки, он говорит кассирше: «Четыре пятьдесят в кондитерский!» — и протягивает кассирше свой мешочек. И что же вы думаете было у него в мешке?

— Обыкновенный песок, — отгадал Сутулов.

— Нет, — сказал Лютатовский.

— Сахарный... — предположил Дерябин.

— Нет, — сказал Лютатовский.

— Зи голден санд! Золотой песок! — предположил Мешков.

— Ничего подобного! — ответил Лютатовский. — В мешке у него были копейки! Одни копейки. Четыреста пятьдесят штук копеек! Представляете, что началось в очереди?.. Одна Кузовлева только молча ждала, когда кассирша пересчитывала четыреста пятьдесят копеек, а очередь просто вся изругалась на этого Завитая!..

— Нет, чтоб уступить место лэди, — сказал Мешков. — Марфа Джентльмен.

— Я бы уступил, — сказал Дерябин.

— Он за свои штучки отца родного не пожалеет! — добавил Тулькин.

— Не пожалеет?.. — возмутился Дерябин. — Уже не пожалел! Фокусник несчастный!

Все возмущенно загудели:

— Штучкин-Мучкин!

— Капитан Копейкин! — сказал Сутулов.

«Эх, вы! — крикнул я, неожиданно выскакивая из темноты на свет. — Да разве это был фокус или штучка? Да вы знаете, почему я с этими копейками впереди Кузовлевой встал? Да я разве для того, чтоб ее задержать, в очереди встал? Да я перед Кузовлевой встал со своим мешком, чтоб подольше возле нее постоять, пока кассирша мои несчастные копейки пересчитает. Да я бы ради Кузовлевой готов был мешок с целым миллионом копеек к кассирше притащить. Пусть бы она считала, а я бы все стоял возле Кузовлевой, а очередь бы ругалась, а кассирша бы все считала... а я бы все стоял... а Кузовлева бы все смотрела на меня спокойно и серьезно, как тогда, а я бы все стоял... А ты, Лютатовский, жалкий сплетник, гнусная скрытая камера...»

И все замолчали, как один... замолчали бы... если бы я

вышел и сказал бы так... но я не вышел... я продолжал таиться в кустах. Я подумал, что если я так скажу, то они опять не поверят, что я — это я, они опять подумают, что так говорить может только Саша, а что я сижу там с Таней и смотрю телевизор, и когда я... то есть не я, а Саша выйдет из дома с Таней, то они, конечно, набросятся главным образом на него и своротят ему нос направо. На меня тоже, конечно, набросятся, но не главным образом, а разве Саша может от них отбиться, как это смогу сделать я? Да никогда в жизни!

Поэтому я продолжал сидеть в кустах, сжимая в кармане свое секретное оружие, и, скрипя зубами, молча наблюдал, как будут события развиваться дальше. Мне вдруг почему-то не захотелось, чтобы Саше сворачивали нос, все-таки ему его нос ведь будут из-за меня сворачивать, а не из-за него...

— Ну что, будет после этого сидеть Кузовлева с Лешкой? — спросил Лютатовский.

— Не будет! — согласился Сутулов.

— Не будет! — сказали Мешков и Тулькин.

— Не будет, — подтвердил Дерябин.

— Не будет! Не будет! — зашумели остальные прихвостни.

— Вызываем? — спросил Сутулов.

— Вызываем! — сказали Мешков и Тулькин.

— Вызываем! — подтвердил Дерябин.

И они вчетвером подбежали к нашей даче и рывком открыли дверь. На траву упал параллелепипед света.

— Выходи, Леший! — крикнул Сутулов, грозя кулаком одной руки, а другой поглаживая свою фальшивую бороду.

— Эй ты, брат авантюриста! — крикнул Мешков. — Адвентчерс бразер! Герр аут! Выходи!

— Выходи! — сказал Тулькин. — Есть дело... Уголовное!..

— Выходи, выходи, — пискнул Дерябин, — брат капитана Копейкина!

Сутулов все продолжал засучивать рукава.

Я сунул руку в карман, развязал на ощупь пластмассовый кулек и, протолкнув в него руку, сжал лежавшую в кулке мокрую губку, пропитанную «желтой лихорадкой».

«Разделяй, Завитайкин, и властвуй!» — сказал я сам себе, и вышел на свет, и направился твердым шагом прямо по направлению к Сутулову.

НОС ИЗ ПЛАСТИЛИНА

Глаз здорово болел, и голова тоже. Во время драки Дерябин все-таки ухитрился и без моей просьбы дал мне своим «роялем» по голове. Голова болит до сих пор, но в смысле английского языка этот удар никаких знаний мне не прибавил, но это не имеет уже никакого значения. А Сутулов-то самбо только на словах знает, а на деле ничего подобного. Примитивно дрался, как питекантроп.

На веранде ворочался на раскладушке брат мой... враг мой... Не захотел спать со мной в одной комнате... Подумаешь...

Я взял забытую Сашей на столе книгу и раскрыл ее, чтобы узнать, на что он все-таки хотел пойти, чтобы только не походить на меня... Под цифрой один было написано: «Восстановительная хирургия». Восстановительная... это когда что-то восстанавливают в лице, а Саша хотел что-то изменить в лице, то есть разрушить, значит, разрушительная хирургия...

— «К пластическим операциям, — прочитал я вслух, — относятся все операции по устранению (читай по нанесению!) всевозможных изъянов лица... Метод Филатова заключается в следующем...» — Но здесь у меня перехватило дыхание, страшно как-то стало, операция все-таки... и я захлопнул книгу. Прилепил себе к носу горбинку из белого пластилина, потом прислушался. С веранды доносилось какое-то всхлипывание. Неужели Саша плачет?..

Я вышел на веранду. Саша лежал в кровати в своем выходном костюме, уткнувшись лицом в подушку, и плечи его как-то странно вздрагивали...

— Ты знаешь, Саша... — сказал я тихо-тихо.

— Она теперь не захочет меня видеть! — закричал на меня Саша, поворачивая ко мне лицо в самых настоящих слезах. — И все из-за тебя! А мы вчера еще договорились сегодня пойти с ней в кино! А она еще вчера сказала после драки: «Неужели это будет продолжаться всю жизнь?» А я еще когда говорил тебе, что я не хочу на тебя больше походить и не буду, вот увидишь!

— Саша, — перебил я Сашу, — я как раз к тебе и пришел сказать, что больше этого не будет...

— Я тебя и слушать не хочу... Ты уже сто раз говорил,

что этого больше не будет... Твое счастье, что папа с мамой сегодня у бабушки ночевали...

— Ты меня не понял, — сказал я, — э-то будет всегда, а э-т-о-го больше не будет...

— Чего — этого?

— Ну сходства нашего больше не будет. Я всю ночь не спал и твердо решил, что ты не должен делать себе никаких дефектов в лице, это будет справедливее, если я сделаю... эти дефекты... по методу Филатова, чтобы не ты не походил на меня, а чтобы я... не походил на тебя... а ты уж... ты еще несколько дней потерпи наше сходство... Понимаешь, я твердо решил...

— И правильно сделал, что решил! — сказал Саша, глухо так, сквозь подушку.

Мы оба замолчали. А что говорить, когда и так было все ясно.

— Только я бы хотел с тобой посоветоваться... Я вот хочу себе искусственную горбинку на носу сделать, — сказал я, — как ты считаешь... вот такая пойдет мне или нет?.. — Я прилепил к носу горбинку из пластилина.

Саша обернулся ко мне, и я увидел на его лице сразу и смех и слезы. Потом он почему-то рассердился и сказал:

— Что ты сделал? Что ты сделал?

— Как — что? — ответил я. — Нос.

— Ты же похож с этим носом на попугая, — сказал Саша. — Ты что хочешь, чтобы надо мной снова все смеялись, что у меня родной брат с таким носом? Попроси хирурга себе сделать нормальную горбинку. Вот такую, какую хотел сделать я... — Саша достал из кармана сложенный вчетверо листок и развернул его. На листке был изображен Сашин прямой нос и пунктиром небольшая индийская горбинка в духе Фенимора Купера.

— А я хотел, чтобы мне сделали нос, как у Сирано де Бержерака... Помнишь, мы смотрели по телевизору?.. — сказал я.

Если бы Саша меня спросил: «Почему как у Бержерака?» — я бы ему ответил со значением: «А потому, что ему тоже не везло в любви, как и мне!..» Но Саша меня спросил совсем о другом:

— А неужели не проще изменить свой характер? — Ты же раньше был вполне приличный брат. И какая тебя муха укусила?.. Ты можешь изменить свой характер?

— Как — изменить? — спросил я.

— Ну, перестать выкидывать свои дурацкие штучки-дрючки!.. Неужели ты не можешь придумать что-нибудь серьезное?.. Если уж тебя действительно муха укусила. Ты знаешь, например, кто придумал первую вязальную машину?

— Нет, — сказал я, — я не знаю, кто придумал первую вязальную машину.

— Уильям Ли из Кембриджа, чтобы помочь своей любимой девушке. Понимаешь, она была бедная и вязала чулки на спицах и продавала их, понимаешь?

— Понимаю, — ответил я.

— Металлы и то бывают благородные, а ты ведь человек, — сказал Саша грустно-грустно.

— Кстати, Саша, насчет мухи, — сказал я тоже не очень-то весело. — Дарю тебе свою идею насчет, правда, не мухи, а насчет комара...

— Какую еще идею? — насторожился Саша. — Насчет какого комара?

— самого обыкновенного комара, — сказал я. — У нас на дачном участке одну девочку... — я мужественно не называл Танино имя, я сказал просто: одну девочку, — все время кусают комары, а нужно сделать под микроскопом малюсенькую пипетку, потом поймать комара и залить ему нос расплавленным парафином и потом этого комара отпустить, и через несколько часов на нашем участке не останется ни одного комара...

Я думал, что Саша спросит меня: «А почему не останется ни одного комара?..» Но Саша меня не спросил, он вообще меня не слушал, он настолько высунулся из окна, что даже непонятно было, как он не падает на землю.

Я посмотрел туда, куда смотрел Саша, и увидел Таню Кузовлеву: она вышла на крыльцо своей дачи и тут же скрылась в доме. При виде Тани у меня внутри что-то заболело, но я сразу как-то не смог разобраться, что у меня болит и где, я просто сказал вслух:

— ...И через несколько часов на нашем участке не останется ни одного комара!..

А Саша рванулся в нашу комнату и, открыв шкаф, стал как девчонка, прикладывая к своему выходному костюму спортивные курточки и смотреться в зеркало.

— Ты на меня не сердись, — сказал он, в общем-то не обращая на меня внимания, — что я тебя не отговариваю от операции, я один мог терпеть твои штучки, может, и всю

жизнь... но я теперь не один... то есть не совсем один... — поправился Саша.

Я хотел сказать, что я все понимаю и что поэтому и решил на операцию, потому что Саша действительно теперь не один, то есть не совсем один, но вместо этого сказал:

— И на нашем участке не останется ни одного комара... потому что комар, которому зальют жало парафином, скажет остальным комарам: «Летим, братцы, откуда скорей, а то здесь носы парафином заливают!..» И тогда одну девочку... перестанут кусать комары... Ну, пока, Саша, прощай, — сказал я, стараясь не смотреть на своего брата. Когда я смотрел на Сашу, то казалось, что как будто это я в зеркале собираюсь на свидание. — Прощай, — сказал я еще раз.

— Почему прощай? — удивился Саша. — До свидания.

— Может, не увидимся, — сказал я.

— Как — не увидимся? — еще больше удивился Саша. — Почему не увидимся? Это же не сложная операция... не очень сложная...

— Нет, я говорю: не увидимся... как близнецы... а увидимся просто... как родные братья...

С этими словами я вышел из дому на крыльцо.

Когда мой брат Саша копает в огороде грядки или колет в сарае дрова, он говорит, что в это время он испытывает какую-то мышечную радость, которую открыл академик Павлов, про которого я видел кино по телевизору. В кино, правда, он про эту радость ничего не говорил, но Саша говорит, что он про нее писал в какой-то книге. А раз Саша говорит, что академик Павлов писал про эту радость, — значит, это правда. Мой брат не я, он врать не станет.

А вообще-то мыть крыльцо я стал не для того, чтоб узнать, существует мышечная радость или нет, я стал его мыть, потому что на улице снова показалась Таня Кузовлева, и мне так захотелось, чтобы она хоть на одну секунду приняла меня за Сашу, что я ничего не мог сделать с собой, хотя после всего, что произошло и вообще... и в частности... мне совсем не следовало этого делать. Размазав тряпкой воду по лестнице, я так не сводил все время глаз с Тани, что даже не заметил и не услышал, как возле крыльца с авоськами в руках появилась моя мама. Она ласково посмотрела на меня и спросила:

— А где наше наказание? (То есть где, значит, я.)

— Там, — сказал я.

Я ведь не врал, ведь в эту самую минуту не я, а Саша был моим наказанием. У меня опять где-то что-то сильно заболело. Это была совсем незнакомая и поэтому совсем непонятная мне боль, поэтому, когда за штaketником нашей дачи появилась Таня Кузовлева, я от неожиданности сел на мокрые доски крыльца, и мы долго пристально смотрели друг на друга.

— Я сейчас, — сказал я, вытирая руки о штаны. «Зачем?.. Ну зачем я это сказал?.. Это было просто подло с моей стороны».

— Мне... Сашу... — спокойно произнесла Таня.

— Я сейчас... — сказал я. — Я сейчас... его позову...

Рассказ восьмой

•ПОВОДИТЕ К ТЕЛЕФОНУ ВАШУ СОБАКУ.

Вот, например, я читал в одном журнале про птиц, как они узнают дорогу на юг в темноте, в тумане, ночью, пролетая над Великим или Тихим океаном? Никто, оказывается, не знает, как они ориентируются. Ни один ученый. А я думаю, что они узнают так, как Таня узнала, что я — это Леша, а не Саша. Мама не узнала, а Таня узнала. А как Таня это узнала? Может быть, она узнала, как птицы безошибочно узнают дорогу на юг, пролетая в темноте, в тумане, ночью над Великим или Тихим океаном...

Саша и Таня уже давно стояли под березой и все о чем-то разговаривали, а я все как-то машинально размазывал тряпкой воду по доскам лестницы и все старался не смотреть на них. Я все смотрел на врагов, появившихся в поле моего зрения, — Тулькина, Мешкова и Дерябина — и думал об академике Павлове, что придумал эту мышечную радость, которую человек испытывает, скажем, моя грязную лестницу. Никакой мышечной радости, по-моему, от этого в жизни нет и не может быть... И вообще в жизни нет никаких радостей: ни мышечных и никаких других... Тем более, если тебя ждет такая операция... А Тулькин там, по-моему, какой-

то плакат приготовил, думает, наверно, что они вчера со мной сполна рассчитались. Но я-то помню, как я вчера дал всей пятерней Сутулову по морде... Мешкову и Тулькину тоже, кажется, немного попало. Сейчас, как солнце начнет ярче светить, так у Сутулова на щеках проявится отпечаток моей ладони, у меня, правда, тоже пожелтеет ладонь правой руки, но руку в крайнем случае можно держать в кармане, а щеку в карман не засунешь. И Лютатовский вылез. Интересно, о чем это они с Тулькиным сговариваются?.. Ну, если они только заденут Сашу с Таней, я им покажу...

— Знаешь что, — сказал вдруг Саша, быстро подбегая ко мне. — Мы тут с Таней посоветовались... ты это — сказал Саша, почему-то краснея, — ты, пожалуй, не делай эту операцию... Ладно уж! Мы уж потерпим... твое сходство с нами... то есть со мной. Таня сказала, что уж раз родились мы близнецами, то... — Саша замолчал, продолжая стоять совсем рядом со мной и стараясь не смотреть почему-то мне в лицо.

Он сказал и стал чего-то ждать. Он думал, наверно, что я обрадуюсь, что мне не нужно приделывать к носу индийскую горбинку в духе Фенимора Купера и Сирано де Бержерака, но я почему-то не испытал от этого сообщения никакой радости. Мы помолчали еще немного, и потом я спросил:

— А еще она... говорила что-нибудь?

— Конечно, говорила, — сказал радостно Саша. — Она сказала, что это просто замечательно, что на свете есть такие мальчишки, как ты!

— Прямо так и сказала?

— Прямо так и сказала.

— А почему она так сказала? — спросил я.

— А потому что, если бы на свете все мальчишки были бы не такие, как ты, а такие, как я, — сказал Саша, — то Таня сказала, что тогда можно было бы просто умереть со скуки.

— Так и сказала?

— Честное слово!

— Так, может быть, она со мной пойдет в кино? — спросил я Сашу. — Ты сходи... спроси ее... раз она так сказала, — сказал я.

Когда я так сказал, то в Сашу как будто молния ударила, и он даже как-то немного, по-моему, почернел. Потом он

повернулся и, ничего не сказав, пошел к Тане. И они о чем-то снова стали разговаривать. Разговаривали они долго — за время их разговора Дерябин успел от своей дачи подойти к нашей, неся на плече свою музыкальную доску, которой он вчера дал мне по голове.

От Тани ко мне Саша снова подбежал бегом и сказал:

— Я ее спросил, — сказал Саша, — но она сказала, что в кино пойдет со мной...

Потом мы еще постояли немного молча. И Дерябин к

нам почему-то подошел, как будто он не дрался вчера с нами, и тоже постоял с нами молча.

— Извини, — сказал Саша, — а то мы опоздаем...

И он, не оглядываясь больше на меня, пошел к Тане Кузовлевой и, подойдя к ней, снова стал о чем-то разговаривать. Тогда я тоже стал разговаривать с Дерябиным.

— Понимаешь, Дерябин, — сказал я, — вот какое дело пропадает...

— Какое? — спросил меня Дерябин.

— Государственной важности... Понимаешь, скажем, я и Саша... против Скотланд-Ярда. Они там задумывают что-то против нашей страны... Мы с Сашей едем туда, чтобы разузнать, что они там задумывают. Саша едет как Саша, в своем виде, как будто у него вообще нет брата, тем более близнеца, я туда еду с бородой, в седом парике. Там я это все снимаю и превращаюсь в Сашиного близнеца. Мы живем в разных концах Лондона. Я сразу же начинаю разведывать, что они против нас задумали. Меня начинают подозревать в шпионаже. Однажды, когда я выхожу из дома, они идут за мной, чтобы не дать мне ничего разведать, но на самом деле из дома на этот раз вышел не я, а мой брат Саша, он просто идет гулять по Лондону, и весь Скотланд-Ярд идет за ним, а я в это время разведываю все, что мне надо разведать... А теперь Таня, конечно, не отпустит Сашу в Лондон, — сказал я.

— Так ведь она и тебя могла не отпустить, — сказал Дерябин.

Затем он понял, что это напоминание мне было неприятно, и добавил, чтобы обрадовать меня, наверно:

— А Сутулов уже два часа умывается... И бороду забыл нацепить!..

Но даже и эта новость меня несколько не обрадовала, я думал о том, что вообще-то Дерябин был прав: меня Таня тоже бы не отпустила, если бы... Но в это время Саша и Таня стали совсем удаляться от нашей дачи, и у меня сразу же пересохло во рту, и я перестал разговаривать. Я стал смотреть только на Таню и Сашу, а Дерябин, видно, все смотрел на меня, потому что он вдруг спросил меня:

— Что с тобой?

И видно, со мной что-то произошло, иначе Дерябин не задал бы мне такой вопрос.

— Болит, — сказал я.

— Что болит? — спросил Дерябин.

— Не знаю, — сказал я.

— А где болит? — спросил Дерябин.

— Не знаю, — сказал я.

— Сейчас они будут уходить все дальше, — сказал Дерябин. — И чем они будут дальше уходить, тем у тебя будет болеть все меньше и меньше...

Таня с Сашей как раз отошли уже на много шагов от березы, а мы с Дерябиным все смотрели им вслед. То есть это я смотрел вслед Тане и Саше, а Дерябин все смотрел то им вслед, то на меня.

— Все меньше болит? — спросил меня Дерябин.

— Нет, — сказал я Дерябину честно. — Чем они уходят все дальше, тем болит почему-то все больше...

— Что же делать? — спросил меня Дерябин. — Может, сказать им, чтоб они остановились?

А я сказал:

— Не надо! Пусть они идут!.. Пусть они идут, — сказал я. — И пусть болит... Хоть всю жизнь...

И больше я не сказал ничего, ни одного слова. Тем более что в это время Саша с Таней проходили уже мимо Сутуловской дачи и я, хоть чувствовал себя все хуже и больней, не спускал все-таки с них глаз, — как бы Сутулов чего-нибудь не выкинул, когда Саша с Таней поравняются с его дачей. Но Сутулов ничего такого выкидывать не стал, он высунул на секунду из окна свою физиономию с перевязанной щекой, как будто у него зубы болели, и тут же спрятался обратно. И Мешков тоже не стал ничего выкидывать, когда Саша с Таней поравнялись с его домом. Мешков неторопливо, с достоинством снял с своей головы шляпу-стетсон и вежливо приподнял над макушкой.

— Вери найс бой Мешкоф, — прошептал я одними губами по-английски, — гуд чап! — как говорится, хороший парень, — прошептал и сам испугался. Я никогда не говорил таких длинных фраз на английском языке. Краем глаза я покосился на музыкальную доску Дерябина, которой он вчера меня треснул по голове. Может, тот удар начал действовать все-таки?..

Но в это же время до меня донесся тихий, но противный голос Лютатовского Вадима.

— Марфа-леди и Марфа-джентльмен! — крикнул он поравнявшимся с ним Тане и Саше.

А Тулькин выставил за забор фанерную доску, на которой было написано: «Саша+Таня=семья!»

И я позабыл про свою боль и вообще про все на свете позабыл. Я помнил только об одном. Обидели Танечку Кузовлеву и Александра Завитайкина, которых я любил, как сорок тысяч братьев, то есть это я Александра любил, как сорок тысяч братьев, а Таню я любил... как я любил Таню Кузовлеву?.. тоже как сорок тысяч братьев... Нет, то есть как сорок тысяч сестер. То есть ее должен теперь любить, как сорок тысяч сестер... И я должен, должен отомстить за Танечку и Александра, как сорок тысяч братьев. И кто обидел? Кто посмел?.. Сутулов даже не посмел, не осмелился, а эти... осмелились, хоть негромко, но все-таки... обидели..

Сейчас у меня Тулькин об этом пожалеет, сначала пожалеет Тулькин, а потом и Лютатовский.

— А это что у тебя такое? — испуганно спросил меня Дерябин, указав на желтую ладонь моей правой руки.

Моя рука уже стала желтеть на солнце!

— Что это у тебя? — переспросил меня Дерябин, бледнея.

— «Желтая лихорадка»! — сказал я, вглядываясь в лица обидчиков Тулькина и Лютатовского. — «Желтая лихорадка» начала действовать, — громко сказал я, погрозив кулаком Тулькину и Лютатовскому. — Желтая... как у Сутулова... Прости, Дерябин! — сказал я решительно. — Меня зовет долг... долг сорока тысяч братьев!.. — И, увидев слоняющегося по двору Трезора, крикнул: — Трезор, за мной!..

— Позовите к телефону вашу собаку, — сказал я в телефонную трубку, когда Тулькин по моей просьбе подошел к телефону.

— А кто ее спрашивает? — спросил меня Тулькин испуганным голосом.

— Ее просит Джек из угрозыска! — сказал я грубым голосом и подмигнул Трезору и тихо прошептал: — Голос, Трезор!

«Гафф!» — сказал Трезор.

— А по какому делу? — спросил еще испуганный Тулькин.

— По уголовному, — сказал я.

— А кто ее просит?

— Я же сказал: Джек из угрозыска!

— Он ищейка?

— Он ищей.

— А по какому все-таки делу? — спросил совсем перепуганный Тулькин.

— По делу пропажи у вашей Гальды золотой медали, полученной ею на последней собачьей выставке!.. Она должна дать некоторые показания... Голос, Трезор! — тихо прошептал я, и Трезор оглушительно залаял снова.

Перепуганный Тулькин подозвал свою Гальду к телефону, и она начала так радостно давать в трубку свои показания нашему Трезору, что в комнату тут же вбежала моя мама...

Уже давно и я и Трезор были изгнаны из дома, уже замолчал Трезор, а я уже кончал ломать свою голову над тем, как отомстить моему врагу, а теперь и Таниному врагу, и Сашиному врагу, — Вадиму Лютатовскому, а тулькинская Гальда все еще продолжала во весь голос «давать показания», правда, не в телефонную трубку, а так просто, видно, она совсем ошалела от своего первого телефонного разговора.

А Лютатовский, ну что я ему сделал плохого... У них дома есть чудесное пианино. И на этом пианино Лютатовские родители насильно учили Вадима музыке. А Лютатовский ненавидел музыку, а Дерябин ее любил (но у Дерябина дома стоит очень плохое пианино). Вот я однажды и сказал Лютатовскому, я ему сказал, что:

— Не жмись! У Дерябина на днях день рождения, вот и подари свое пианино Антону.

— А как же я его перетащу к нему? — спросил меня Вадим.

— Поможем, — сказал я. — Чем можем. Грузчиков я беру на себя...

В общем, когда дома не было родителей ни у Дерябина, ни у Лютатовского, мы это прекрасное пианино перетаскивали запросто к Дерябину в дом... Танечка Кузовлева очень любила музыку, и я думал, что я тоже со временем полюблю музыку и мы будем с ней вместе слушать ее в исполнении Антона Дерябина. И ему было бы приятней играть для нас на хорошем пианино...

Главное, что и обратные «перетаски» я ведь тоже взял на себя... А в общем-то, конечно, зря я старался, все равно Танечка слушала бы музыку не со мной, а с моим братом Сашей...

— Ну что? — услышал я в окне голос Антона Дерябина. — Болит? — Он уже несколько раз прибежал ко мне с этим вопросом.

— Болит, — сказал я.

Дерябин помолчал и сказал нерешительно:

— А вдруг всю жизнь будет болеть?

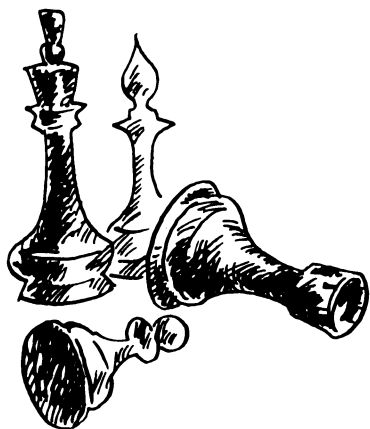
Я ничего не ответил.

— Да нет, — сам же успокоил меня Дерябин, — заживет... до этого-то обязательно заживет.

— До чего «до этого»? — спросил я.

-- Ну до свадьбы, — объяснил Дерябин. — Моя мама всегда так говорит, если со мной что-нибудь случится... У меня вот вчера знаешь как голова болела, а мама мне так и сказала: «Ничего, говорит, Антон, до свадьбы, говорит, все заживет!..» Так прямо и сказала.

Антон Дерябин после этих слов долго молча смотрел на меня, словно ждал, соглашусь я со словами его мамы или нет, но я ничего не сказал ему в ответ, потому что откуда я мог знать — заживет это до свадьбы или нет? Я только глубоко вздохнул и уткнулся носом в подушку. Может, конечно, и заживет... А может, и нет...

Капитан соври-голова *или* 36 и 9

Шесть рассказов
из жизни Дмитрия Колчанова

**КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ЧУТЬ НЕ ВЛЮБИЛСЯ,
ИЛИ
НЕКРАСИВАЯ ДЕВЧОНКА**

Дима Колчанов, он же капитан Соври-голова, он же (сокращенно!) капитан Сого, снял с гвоздя боксерские перчатки, которые он взял у одного начинающего боксера. Потом химическим карандашом нарисовал себе небольшой синяк под глазом и на совсем здоровый лоб крестом наклеил лейкопластырь. И в таком устрашающем виде он смело и почти что бесстрашно вышел на улицу и направился на поиски подавляющей компании. Обычно он избегал этих встреч, но сегодня он сам шел им навстречу. Всю их ораву он обнаружил возле кинотеатра. Борис Смирнов брякал на гитаре и пел, а Степан Комаров что-то подпевал ему. Колчанов приблизился к ним, ну, просто нахально и совсем вплотную. Боксерские перчатки грозно висели у него на плече... светился пластырь на лбу, синяк синел под глазом.

— Что это такое? В чем дело? Ой, мама, я боюсь, — сказал Комаров.

— Капитан Сого — чемпион мира в весе ни пуха ни пера, — засмеялся Смирнов.

Колчанов стоял прямо, хотя ноги от страха у него подламывались. Это так озадачило подавляющих, что они даже не сразу начали его подавлять, а сначала допели свою песенку.

— Ваше нам, — сказал Комаров, обращаясь к Колчанову, — а наше не вам...

Начиналось обычное подавление личности, от которого Колчанов чаще всего спасался бегством, но на этот раз он стоял, хотя ноги его сами по себе так и норовили сорваться с места.

— Что-то я тебя давно не вижу? — сказал Комаров. — Где ты пропадаешь?

— В боксерской школе пропадает! — сказал Смирнов.

— Там и пропадает! — поддержал его Молчунов Виктор.

— Уж начал пропадать, ишь сколько ему синяков поставили. — Комаров противно засмеялся. Колчанов смело промолчал.

— А как собак стригут, знаешь? — спросил его с издевкой Борис Смирнов.

Подавляющие всегда задавали Колчанову при встрече какие-то дурацкие вопросы.

— Ножницами! — нахально ответил Колчанов.

— Ножницами! — засмеялся Витька Молчунов. — Собак стригут так... За хвост и об забор. Жалко, что у тебя нет хвоста, а то... я бы тебе показал, как стригут собак.

Колчанов снова смело промолчал.

— Подпрыгни, — сказал Комаров, — что-то ты долго стоишь на одном месте? Застоялся, наверно?

Колчанов подпрыгнул. В карманах у него зазвенела мелочь.

— Выгружай, — приказал Комаров, как всегда. — Смирнов, помоги.

— Ты чего не выгружаешь? — удивился Комаров. — А вы чего не выгружаете? — спросил Комаров Смирнова и Молчунова Виктора.

— Так ведь ударит, — сказал Смирнов.

— Не ударю, — сказал Колчанов. — С меня расписку взяли, что я не буду бить не боксеров.

— Кто взял?

— Тренер по боксу. В «Крылышках». Там открытые соревнования были. Выходи и боксируй кто хочешь, с кем хочешь. Я вышел, нокаутировал чемпиона Москвы среди мальчиков. Мне сразу третий разряд. И с меня расписку, чтоб зря не дрался. Не сдержу слово — дисквалифицируют.

— Вот дает, — сказал Комаров.

Молчунов и Смирнов выгребли из карманов Колчанова всю мелочь.

— Рубль двадцать три копейки, — сказал Дима Колчанов и пояснил: — Это я для того, чтобы с вас лишнего не взять, когда будете долг возвращать... — А про себя подумал: «Не подействовали перчатки...»

А на следующий день к Колчановым на пироги приехал

папин сослуживец. Вместе с собой он привез двух сыновей, которых смешно звали Кешка и Гешка, и еще дочку с собой захватил, по имени Тошка. Дима сразу ее переделал в Картошку. Дима вообще о девчонках не привык думать и даже внимания на них не обращал. Даже на Наташу Рыбкину внимания не обращал. То есть был как-то случай, когда он на нее обратил внимание, как-то заметил, что она существует — такая вся застенчивая и светленькая. И он что-то такое маме сказал про Наташу — мол, она на подснежник похожа. Мама удивилась и сказала: «Это еще что такое! Рано тебе еще об этом думать, рано!»

«Ну, рано так рано!» Маме лучше знать, что рано или не рано, ну, конечно, только в этом смысле, а не в смысле путешествий. Она взрослая, и тут ей видней. Дима тогда подумал, что, наверное, в жизни каждого мальчишки наступает такой день, когда к нему подходит мама или папа и говорит: «Ну, давай думай о девчонках, думай! Пора!»

Тошку почему-то, между прочим, посадили за столом рядом с Димой. А папа похлопал Диму по плечу и сказал: «Ну, сын, будь мужчиной, ухаживай за своей соседкой!» — «Началось, — подумал Дима, — значит о девчонках уже можно думать! Он внимательно посмотрел на Тошку и ужаснулся. Действительно, нос как картошка! Глаза какие-то... совсем... не такие, а как у кошки. Зеленые. И зубы редкие... через раз... и уши тоже... Торчком уши! И голос такой... писклявый и противный! А главное, когда она стала есть пирожки, то у нее уши стали смешно двигаться. Вверх и вниз, то вверх, то вниз. Диме стало неприятно на нее смотреть. Лучше уж на ее братьев смотреть. Хотя, между прочим, не большое это было удовольствие. Кешка глотал пирожки как удав, совсем их не пережевывая, он, наверное, штук десять в минуту заглотил. А Гешка, наоборот, с таким аппетитом жевал пирожки, что у него все время за ушами что-то трещало. Трык да трык! И Диме тут стало так противно, он внутри себя так распахивался, что не выдержал. Встав без спроса из-за стола, он убежал в сад и стал читать книгу, которую папа оставил на поляне. В эту минуту он готов был убежать на край света.

Вдруг за его спиной раздался шорох, когда он совсем уже было успокоился. Дима оглянулся. И увидел эту противную Тошку-Картошку. Она, напевая себе что-то под нос, стала ходить вокруг Димы, сужая круги, и собирать цветочки в траве. Дима подозрительно смотрел на нее и ду-

мал: «Приперлась, тоска зеленая... Понравиться, наверное, хочет... Ишь, распелась! Ля-ля, ля-ля! Никто ее сюда не звал!»

— Вы что, книжку читаете? — спросила она, останавливаясь за Диминой спиной.

— Землю копаю... — ответил Дима грубым голосом.

— Про любовь? Или про дружбу? — спросила девчонка, не обращая внимания на грубый Димин голос.

— Про дружбу! — еще грубее ответил Дима. — Кошки с собакой...

— Вы грубый... — сказала Тошка, — потому что вы, наверное, не верите в дружбу! Не верите ведь? — спросила она Диму и тут же сама себе ответила. — Не верите, не верите, я по глазам вижу!

«Скажи-те, пожалуйста, она еще и по глазам чего-то там видит», — подумал про себя Дима, но вслух ничего не сказал.

Тошка немного попела еще писклявым своим голосом, а потом спросила:

— А вы, правда, в дружбу не верите?

Дима снова промолчал.

— Может, вы презираете девчонок? — не унималась Тошка. — Есть такие ребята, которые презирают...

— Ненавижу! — сказал Дима, трясаясь от злости. — Ненавижу всех девчонок на свете!

— А вот мой брат Кешка меня не ненавидит, — сказала Тошка. — Он со мной дружит. Он за меня всегда заступается!

В это время на поляне как раз появился Кешка. Он молотил по воздуху руками и при этом как-то смешно приплясывал. «Пирожки утряхивает, — подумал Дима. — Облопался!» А вслух спросил:

— А что это он делает?

— Упражняется, — объяснила Тошка. — Он у нас боксер. А это называется бой с тенью.

При слове «боксер» Дима посмотрел на Тошку повнимательней. Вообще-то девчонка как девчонка и не такая уж противная, как показалось. И глаза — зеленые, как трава, ничего глаза, нормальные. И нос не картошкой, а просто чуть курносый. Симпатичный такой нос. Во рту Тошка все время травинку держит...

Дима еще раз посмотрел на брата Тошки, продолжающего бой с тенью, и спросил:

— А можно... я буду вас звать не Тошкой... а Травкой?

— А почему Травкой? — заинтересовался Тошка.

— Знаете, Тошка как-то звучит смешно — Тошка-картошка...

— Можно, — сказала Тошка, — зовите Травкой... если вам так больше нравится...

— А если бы вы шли не одна, — спросил Дима Травку, а, скажем, со своим знакомым мальчиком, то ваш Кешка заступился бы за него, за мальчика? Ну, если бы на него напал какой-то подавляющий мальчишка?

— Каждый мальчик должен сам за себя заступаться, кто бы на него не напал. Сам...

— Сам... А если мальчик в переходном возрасте? — сказал Дима. — Знаете, возраст есть такой, человек с собой-то не может справиться, не только что с другими!

— Ну, конечно, — сказала Травка, — если бы мой знакомый мальчик был в переходном возрасте, то Кешка бы, конечно, за него заступился!

— А у вас есть знакомый мальчик? — спросил Дима Тошку. — Хороший знакомый?

— Нет, — сказала она, — знакомого мальчика у меня нет... А что?

— Да что-то... — сказал Дима, — что-то хочется быть... кому-то знакомым... — сказал Дима, покраснев, глядя, как Кешка продолжает колотить невидимого противника. Вот бы Комарову так надавать с Кешкиной помощью!

— Вам, наверное, с красивой девочкой хочется быть знакомым, — сказала с грустью Травка.

— Почему это с красивой, — соврал Димка. — Можно и с некрасивой, — а про себя подумал: «Лишь бы у нее брат был боксер!»

В это время на поляне появился второй брат Тошки — Гешка. Он тоже запрыгал по траве в каком-то диком танце.

— Танцор? — спросил Дима, кивая на Гешку.

— И совсем не танцор, а тоже боксер. Ноги отрабатывает!

Диме очень понравилось, что второй брат Тошки боксер. Братья-боксеры! Ясно, что они заступятся за Тошкиного знакомого. Ну, а если она будет с кем-нибудь дружить... тут уж, наверное, они жизни своей не пожалеют!

— А вы верите в дружбу? — спросил Дима, рисуя в своем воображении повергнутого Комарова.

— А что? — спросила Травка.

— Ничего, — сказал Дима. — Но вот... вот если бы с вами подружился один мальчик, а его жизни угрожала бы опасность, ваши братья за дружбу мальчика с вами могли бы отдать жизни? — Это Дима произнес словно стихи.

Травка подумала и сказала:

— За дружбу? Могли бы...

Это Диму вполне устроило, потому он сказал:

— Подружиться что-то хочется... Только вот не знаю, с кем... Все какие-то... — он не договорил.

— Какие «какие-то»? — тихо переспросила Травка.

— Все какие-то не такие...

— Какие «не такие»?

— Ну, не такие... Не такие, как вы...

— Значит, вы хотите со мной подружиться? — спросила Травка шепотом, при этом она так покраснела, что ее белые волосы стали рыжими.

— Хочу! — подтвердил Дима тоже шепотом и тоже покраснел — от ужаса, что он такое тут врет вслух. Папа бы услышал!

— Вот Прошка обрадуется! — сказала Травка.

— Какой Прошка?

Может быть, у Травки есть еще один брат? Боксер. Только взрослый. Дима решил: если это так, то он скажет Травке, что готов не только дружить с ней, но готов даже влюбиться в нее. Не сейчас, конечно, а когда станет взрослым. Выяснит, кто такой Прошка и... если тоже боксер, то влюбится.

— Значит, у вас еще есть брат-боксер? — с надеждой в голосе спросил Дима.

— Прошка тоже боксер, но он мне не брат, он собака, — сказала смеясь, Тошка.

Дима с сожалением вздохнул. Ну, раз он собака, то пока насчет того, что он со временем влюбится в Травку, можно ничего не говорить. Впрочем, собака-боксер Прошка лучше даже человека-боксера, потому что собаку даже взрослый человек боится больше любого боксера.

— А почему же он обрадуется? — спросил Дима.

— Потому, что с ним никто гулять не хочет, одна я гуляю, а теперь я буду с ним не одна гулять, а вместе с вами.

И Дима снова подумал, что здесь, пожалуй, можно подумать, чтобы влюбиться. Пусть Кешка, Гешка и Прошка знают, что он обязательно влюбится в Травку, и чтобы они

втроем, в случае чего, горло перегрызли этому подавляющему Комарову и его приятелям. Дима уже хотел сказать Травке, что он со временем в нее влюбится, но она вдруг рассмеялась:

— У вас совсем нет поперечно-полосатых мышц! — сказала она, посмотрев на его голую спину, и спросила: — А как вы разгибаетесь и сгибаетесь?

Дима быстро натянул ковбойку и промышчал что-то невнятное. И насчет мышц даже не знал что ответить. Не мог же он объяснить Травке, что потому и хочет с ней подружиться, а потом и влюбиться в нее, что у него нету этих самых поперечно-полосатых мышц.

— Я вам назначаю свидание, — сказал Дима, пуская петуха. Проклятый переходный возраст!

— А чего вы так визжите? — сказала Травка. — Свидание надо назначать тихо и таинственно. Вот так. Где и когда? — сказала она тихо и таинственно.

— Завтра в шесть часов у кинотеатра...

— Хорошо, — сказала Травка таинственно. — Я приду...

— Только у меня к вам просьба, — сказал Дима, на этот раз тоже тихо и таинственно. — Приходите не одна на свидание.

— Как не одна, а с кем же?

— Приходите, — Дима чуть было не сказал — со своими поперечно-полосатыми боксерами. — Приходите с братом Кешкой, с братом Гешкой и с собакой Прошкой. Билеты я всем куплю...

— Но послушайте... — сказала Травка, — может быть, лучше, если я приду одна? Ведь на свидание с братьями не ходят! И в книгах и в кино всегда приходят без братьев!

«Одна!» — передразнил Дима Тошку про себя. — А кто будет за меня заступаться, когда Степан Комаров начнет меня подавлять. Кто будет давать ему хук справа и нокдаун слева? А кто будет кусать за ноги убегающего Комарова?»

— Ну, пожалуйста... — проныл Дима. — Ну, приходите в первый раз втроем! То есть, вчетвером... Будем дружить все вместе!

— Ну, хорошо, — сказала Травка. — Мы придем втроем... то есть вчетвером... Я про Прошку совсем забыла.

Итак, надо было достать четыре билета в кино: для Травки, Гешки и Кешки. И для себя. И купить четыре эскимо, нет, три, на этот раз Дима сам решил обойтись без мороженого. И для собаки Прошки — вареную кость с мясом.

Деньги на билеты и эскимо Дима одолжил у Туркина, копившего себе на какие-то особые лыжные крепления. Кость взял без спроса у мамы из супа. И, нарядившись почти как жених, пришел к кинотеатру за полчаса до начала сеанса с билетами в кармане, со свертком подмышкой (кость для Прошки) и с коробкой эскимо для своих защитников, для поперечно-полосатых боксеров. Как только Дима вышел в таком виде из дачи, за ним сразу же увязался один из подавляющих — Генка Смирнов с собакой. Ясно, что караулил, как будто ему делать больше нечего. Смирнов свистнул, и тут же из кустов к нему подбежал рыжий Печенкин. Они пошептались о чем-то между собой и проводили Диму до кинотеатра. По дороге к ним присоединились еще двое. Дима остановился возле входа в кинотеатр, поближе к контролерше. Оглянулся. Травки еще не было. Степан Комаров тоже еще не появился. Осмелевший в четыре раза, Смирнов бросил в сторону Димы счетверенный взгляд, в котором крутилось что-то вроде таких невидимых слов: «Подозрительно! Подозрительно! Вырядился, плюс букет цветов, плюс коробка в руках, плюс сверток, плюс независимое выражение лица. — На лице Смирнова было написано: — А что, если мы сейчас устроим минус коробка, минус сверток, минус... что у тебя там в карманах? Плюс десять шалобанов по лбу!»

Тогда Дима небрежно приблизился к подавляющим и сказал, обращаясь к Витьке Молчунову:

— Сбегай за Комаровым!

— Как это сбегай? — возмутился Витька Молчунов. — Зачем?

— Затем... — сказал Дима. — Затем, что через некоторое время ваша подавляющая машина будет сломана!

— Ка-ка-кая ма-ма-шина? — заикался Печенкин. Он всегда заикался, когда злился.

Подавляющие переглянулись. Витька Молчунов бросился за Комаровым.

— Смирнов, пока не поздно, учись у Печенкина заикаться со страха, — сказал Дима. — А так же учись пока у этой своей дворняжки высовывать языки!

— Па-па-па-че-му? — спросил Печенкин.

— Па-па-па-та-му, — передразнил его Дима, — что скоро вам всем будет сначала жарко, а потом холодно... Сейчас за меня придут заступаться сразу три боксера.

Дима взглянул на часы. Травка и три ее боксера должны были появиться с секунды на секунду. Не опоздали бы, а то эскимо уже начало таять.

Комаров, между прочим, тоже вот-вот появится.

Травка и Комаров появились за деревьями с разных сторон одновременно. Комаров шагал в сопровождении Витьки Молчунова прямо по направлению к Диме. Дима спокойно повернулся спиной к ним и двинулся к спасительной Травке, к Гешке, к Кешке и Прошке. И чем ближе он подходил к Травке, тем все тяжелее переставлял свои ноги. Ни Гешки, ни Кешки, ни Прошки, никого из них, кого он больше всего хотел видеть, за Травкой не было. Они не пришли на свидание. Дима еще смотрел с надеждой сквозь Травку: может, они отстали, может, они за деревьями? Но радостный Тошкин голос сообщил:

— Здравствуйте! Я пришла одна! У Гешки и Кешки тренировка, а у Прошки что-то с желудком!

Пришла одна, да еще радуется, да еще расфуфырилась. «Все, — решил Дима, — я сейчас ей скажу, что я ее ненавижу. Обманщица! Так подвести своего...» Кем он ей приходится? И еще эта дурацкая кость под мышкой, и мороженое начинает таять в коробке. Тошку и Диму тут же окружила компания подавляющих.

— Заикаться, говорит, учитесь у Печенкина, — сказал Смирнов.

— И язык, говорит, высовывать у Шарика, а то, говорит, вам всем жарко будет! — добавил Молчунов Виктор.

— Так, — сказал Комаров, глядя на букет. — Это все цветочки, а ягодки у него в коробке и вот в этом свертке.

В это время Печенкин рассмотрел сквозь целлофан кость в пакете.

— Мя-мя-со... — удивленно заикнулся Печенкин.

— И мороженое, — сказал Витька Молчунов, приоткрывая коробку у Димы в руках.

— Цветы, мясо и мороженое? Непонятно... непонятно...

— А чего тут непонятного? — сказал Комаров. — Цветы для меня, мясо для собаки, а мороженое для всех!

Подавляющие прямо из коробки стали есть мороженое, черпая его руками, а потом Комаров вдруг сделал такое

движение, как будто хотел вытереть руки о Димино лицо. И тут Тошка схватила Комарова за руку.

— Не трогайте его! — сказала она грозно.

— Это почему не трогайте? — каким-то писклявым голосом сказал Комаров и протянул руки, чтобы все-таки вытереть их о Димино лицо. Но Травка вдруг так ловко его мотнула за руку, что он чуть не упал было, и тогда Комаров замахнулся на Травку.

И здесь случилось что-то для Димы совсем непонятное. Он сам, без всяких там поперечно-полосатых мышц треснул костью в целлофане Комарова по голове, ударил снизу коробку с эскимо, которую держал Печенкин, и мороженое залепило Печенкину всю физиономию. А Молчунова он ткнул букетом в нос... А Смирнов от него сам попятился... Комаров успел только заорать, что он вот сейчас даст, — Травка подсекла ему ногу, рукой толкнула в грудь, и Комаров шлепнулся. Все оцепенели сначала, а потом бросились на Травку с разных сторон.

— Не трогайте ее, — шипел, как картошка на сковороде, Смирнов, — не трогайте, у нее братья-разрядники, боксеры... Разрядники они! Разрядники! — вопил Смирнов, придерживая за ошейник лающего Шарика.

— Я тоже разрядник, — проговорила Тошка, разбрасывая подавляющих по траве. — По самбо разрядник... и еще каратэ знаю...

Подавляющие вскакивали и один за другим отступали за угол кинотеатра. Тошка и Дима остались одни. Запылавшаяся Травка отряхивала с джинсов пыль и хвойные иголки. А Дима молча смотрел в землю. Когда Тошка привела себя в порядок и торжествующе поглядела в ту сторону, куда подавляющие скрылись, Дима сказал виновато:

— Вот... Травка... Я должен извиниться перед вами, я вам вчера все про знакомство с вами врал.

— Врали? — донесся до него удивленный голосок Тошки.

— И про дружбу тоже вчера врал... То есть не то, чтобы врал...

— Врал? — горестным эхом откликнулась Тошка.

— Я вообще врун... жуткий врун... У меня и прозвище такое Соври-голова... Капитан Соври-голова, может слышали?..

Тошка повернулась и медленно пошла от Димы. Тогда он тоже пошел за ней.

— А сегодня я не вру, — сказал Дима, — ни про дружбу, ни про знакомство.

— Не провожайте меня, — сказала Тошка.

— Я не провожаю... — сказал Дима, — я просто так...

Тошка удивленно и грустно смотрела на Диму.

— Конечно, я некрасивая... — сказала Тошка, хотя она была по мнению Димы такая красивая в эту минуту.

— Мне, конечно, можно врать... не врут только красивым... — прошептала она со слезами на глазах, как показала Диме.

Они стояли друг против друга. И Травка почему-то неожиданно засмеялась, безо всяких слез. Радостно так засмеялась и сказала:

— Они вам синяк поставили. — Тошка достала зеркальце, и Дима увидел в нем действительно синяк. Настоящий синяк, синий не от чернил, а совсем от другого. Это его еще больше обрадовало.

— А вы знаете, — сказала Тошка, — хотя у вас и нет поперечно-полосатых мышц, вы настоящий смельчак!

— Это почему же? — не поверил Дима.

— А потому, что только смельчак без всяких мышц может броситься первым защищать девочку, вы же не знали, что я самбо знаю... Вы ведь не знали?

— Не знал, — сказал Дима. — Честно, не знал.

— Вот! — снова счастливо засмеялась Тошка. — И вы вообще мне не врете? Ну, теперь не врете?

— Не вру, — обрадовался Дима, — честно, не вру!

Травка что-то еще хотела сказать, но махнула рукой и побежала. А Дима остался стоять на месте. Потом она обернулась и крикнула:

— И вы вообще никакой не врун! Вы фантазер! Жуткий фантазер!

Она уходила все дальше и дальше, и чем дальше она уходила, тем больше Диме казалось, что он соврал Тошке только в том, что он не знает, что такое дружба между мальчиком и девочкой... Ему казалось, что с этой минуты он что-то об этом уже знает... Это когда у тебя нет поперечно-полосатых мышц, а ты заступаешься смело за девочку.

— До свиданья, капитан, — доносилось до Димы издали.

— До свиданья! — крикнул он вдаль каким-то новым, совсем незнакомым для себя голосом.

**КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ЧУТЬ НЕ НАШЕЛ КЛАД,
ИЛИ
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА**

Перед ужином Дими́на мама сказала ему:

— Если ты не выкопаешь ямы под кусты черемухи, которые ты обещал выкопать еще неделю тому назад, то завтра не проси денег ни на кино, ни на мороженое.

Вообще-то выкопать несколько ям для кустов — не задача для такого мужчины, каким себя показал Дима там, возле кинотеатра, где он назначил свидание симпатичной Тошке. Здорово он там разделался с подавляющими. Точнее не он один, а они с Травкой. Но одно дело заступаться за кого-то, другое — за себя. За себя заступаться не так интересно, подумал он, прислушиваясь за столом к разговорам взрослых.

— А вот еще какой был случай, — сказал папе сосед по даче. — Ремонтировали старый дом. Представляете? Печь разворотили — представляете? А там золото и бриллианты — представляете?

— Представляю, — сказал папа.

— Или вот еще... С этими словами сосед достал из кармана вырезанную, вероятно, из газеты заметку и стал читать ее вслух. — «...Восемь кирпичей золота». Представляете? «По телефону от собственного корреспондента из Ленинграда... Строители заменяли пол в универмаге «Гостиный двор». Лом ударился о твердый предмет». Представляете? «Это оказался слиток металла величиной с небольшой кирпич. На слитке номера и русские буквы. Тут же нашли еще семь таких кирпичей». Представляете?

И здесь Диме вдруг стало ясно, что он вполне может выкопать ямы для черемух, не опасаясь насмешек со стороны подавляющих. Скажет: «Ищу клад!» И романтично и вообще похоже на правду. Доев котлету и допив чай, Дима встал из-за стола и почти бегом пересек двор и скрылся за акациями. Кусты поглотили голос соседа, что-то еще рассказывающего про какой-то клад.

Войдя в круг, очерченный известкой, с цифрой девять посередине, он крепко ухватился за черенок лопаты и, раскачав ее, вытащил из земли. Поплевав на руки, Дима вонзил было лопату в землю, как услышал за спиной какой-то шорох. Он оглянулся и увидел Комарова.

— Бригада кому нести чего куда... — сказал Комаров.

«Начинается», — подумал уныло Дима.

— Чего это он? — спросил Молчунов.

— В Америку хочет прокопать ход, чтобы сбежать от нас, — пояснил Печенкин.

— Эй, капитан! — крикнул он, но Дима продолжал копать, не обращая на подавляющих никакого внимания.

— Да это он могилу себе роет... — захохотал Молчунов. Дима, сжав зубы, молча продолжал рыть землю.

Тогда вмешался Комаров. Он очень ехидно спросил:

— Эй, капитан, а что это вы там роете?

— Да так... Клад ищу... — негромко сказал Дима.

Комаровцы о чем-то посоветовались за забором.

— А кто тебе сказал, что здесь зарыт клад? — спросил насторожившийся Комаров.

— Дед один, — сказал Дима. — Купец здесь жил до нас. Жутко богатый... Перед революцией он сам дачу поджег, а золото закопал на этой поляне.

— А карта есть? — спросил Комаров.

— Карта у деда, — сказал Дима, орудуя лопатой, как заправский кладоискатель.

На этот раз подавляющие шептались так долго, что Дима не выдержал, достал из кармана сантиметр и стал измерять расстояние от ямы до куста и от куста до ямы.

— Может, помочь? — спросил, наконец, Комаров, перепрыгивая через заборчик.

— Что помочь? — спросил Дима, настораживаясь.

— Клад искать... — сказал Комаров, доставая из кармана пятак. — Только, конечно, не так просто, а за деньги. — С этими словами он вставил пятак в глаз, словно стекло от очков.

— Конъюнктивит будет, — сказал Дима, которого просто в жар бросило от такого неожиданного предложения. В лучшем случае он рассчитывал на то, что они не будут дразниться.

— Да что вы, ребята, — сказал он, — я же пошутил... Я для черемухи ямы рою...

— Темнишь? — прошептал Комаров. — Один хочешь все золото грабастать?

— А знаешь, что такое амеба? — спросил Витька Молчунов, подступая к Диме с другой стороны. — Амеба сказала, что бог велел делиться. И разделилась пополам. Потом еще раз пополам. Проходил в школе?

Вообще-то Дима очень удивился. Сначала он сказал неправду, и ему поверили. Потом сказал правду, тогда ему не поверили. Что же говорить теперь?

— А с «кустами черемухи» ты это хорошо придумал, — сказал Комаров. — Еще в доме кто-нибудь про клад знает?

— Нет, — сказал Дима. — В доме все знают только про «кусты черемухи».

— Очень хорошо, — сказал Комаров. — Значит, так и будем темнить. Кто что спросит: ты копаешь ямы под черемухи, а мы тебе помогаем.

Дима поставил ногу на лопату и еще раз внимательно взгляделся в лицо Комарова — может, он его все-таки разыгрывает? Но Комаров был серьезен. И глаза у него были умные. Умные глаза умного мальчика. Круглые глаза круглого отличника. Только изредка, когда он шнырял взглядом по саду, в глазах у него поблескивало что-то красное, как у кролика.

— Как делить будем? — спросил Комаров.

Дима пожал плечами. Такая задача была не под силу даже самому распрекрасному учителю математики — разделить несуществующий клад.

— Давай пополам! — сказал Комаров.

— Как это пополам? — удивился неожиданно для себя Дима — вот ведь какое нахальство! Хотя и нету клада, но как это вдруг пополам.

— Секрет, конечно, твой, — пояснил Комаров. — Но зато нас трое, а ты один. Поэтому делим так: пятьдесят процентов клада тебе, пятьдесят процентов — нам. Из них — тридцать мне, а по десять — Молчунову и Печенкину.

— Справедливо! — воскликнули Молчунов и Печенкин, подступая к Диме и одновременно хватаясь за черенок его лопаты.

— Вы вот что, вы не хапайте! — заявил Дима после небольшой паузы всем троим, чтобы они сразу не поняли, что он имеет в виду: не хапайте лопату или проценты. — Дело миллионное! Надо все взвесить и обдумать.

Подавляющие сняли руки с черенка лопаты, а Дима напустил на себя такой вид, как будто бы он и вправду производил в уме какие-то вычисления. (Он решил, что чем больше он будет торговаться, тем правдоподобнее будет выглядеть все, что за этим последует.) И здесь в его голове произошла вдруг какая-то необъяснимая вещь — ему показалось, что в разделении несуществующего клада есть какая-то несправедливость... И вообще почему — несуществующего? Вот сосед говорил — находят же! То тут, то там! А вдруг...

— Значит, пополам! — прошептал Молчунов.

— Ишь вы какие! Пополам! Двадцать процентов я уже обещал деду! Мне самому нужны деньги. А остается от деда только восемьдесят! Из этих восьмидесяти процентов я могу обещать вам только двадцать!

— Не жмись, — сказал Комаров. — Давай весь угол!

— Какой еще угол? — удивился Дима.

— Угол — это двадцать пять процентов, — объяснил Молчунов.

Для вида Дима еще немного «пожался». Потом махнул рукой и проговорил:

— Ладно, только сначала принесите извинения...

— Это еще за что? — начал было Комаров.

— Возле кинотеатра вы посмели оскорбить одну мою знакомую... хорошо знакомую, — добавил Дима.

— Извиняемся, — сказал Комаров.

— И деньги надо вернуть, — сказал Дима, — те, что вы у меня в долг брали.

— Нет денег, — сказал Комаров.

— Подпрыгни, — сказал Дима.

Комаров подпрыгнул, и в кармане у него зазвенела мелочь. Пришлось вернуть долг.

«Жалко, Тошка не видит», — подумал Дима и громко сказал:

— Ладно, грабьте!

Итак, из ста процентов, может быть, существующего клада Диме принадлежало, может быть, целых семьдесят пять. Диму это здорово обрадовало, хотя какая разница сколько процентов из ничего тебе принадлежат. Девяносто девять или один?

— Учтите, — сказал Комаров своим помощникам. — Угол делим так: мне пятнадцать, вам — десять на двоих. Чтобы потом не было разговоров.

Молчунов и Печенкин сбежали за лопатами, а Дима с Комаровым уселись рядом на гранитном камне с загадочными знаками. Дима скрестил руки на груди.

— Десять кругов? С какого начинать? — спросили Диму Молчунов и Печенкин.

— Неужели не понятно? — с преувеличенным удивлением сказал Дима. — Простейший шифр. Вероятно, клад спрятан в круге под цифрой один. Если там клада не будет, вероятно, он закопан в круге под номером два. И так далее.

Молчунов и Печенкин вонзили лопаты в первый круг. Дима с Комаровым стали наблюдать за их работой.

— Димка! — раздался за спиной голос сестры Зинаиды. — Вот я сейчас папе скажу! Ты помнишь, что тебе папа приказал?

Дима прижал палец к губам, поясняя мимикой следующее: я все помню, что я сам, в педагогических целях, во что бы то ни стало, все ямы своими руками!

— Сейчас приду и приведу папу! — сказала Зинаида.

Если Зинаида приведет папу (а она приведет, это уж точно!), то Дима знал — ему придется, без всяких отговорок, своими руками.

— Зин, — сказал Дима. — Хочешь, я тебе открою одну тайну! Так и быть... Дело в том, что мы копаем... не ямы для кустов... а мы... это... мы ищем...

— Что вы еще тут ищете? — спросила Зинаида с таким выражением, как будто она все еще находилась на пути к папе.

— Только дай слово, что могила!

— Ну, могила! — сказала Зинаида.

Дима оглянулся. Комаров смотрел на него, угрожающе сжав кулаки.

— Клад мы ищем, вот что!

— Какой клад? — удивилась Зинаида. — Глупости еще! — И, мотнув головой, она скрылась в кустах.

— Мне кажется, ты ей зря про клад трепанул, — процедил сквозь зубы Комаров.

— А по-твоему, было бы лучше, если бы сюда пришел мой отец и взял это дело в свои руки? И потом, она все-таки мне родная сестра!

— А претендовать она не будет? — спросил Комаров.

— На что претендовать?

— На долю от клада...

— С чего это она будет претендовать? — возмутился Дима. — У нас в стране такой закон — кто не работает, тот не ест!

— Ну, как? — спросил Комаров Молчунова, когда тот, скрывшийся в первой яме по пояс, перестал махать лопатой.

— Пока ноль-ноль, — сказал Молчунов.

Дима подошел к первой яме, заглянул внутрь, посветив фонариком, и решил, что в такой глубокой яме можно сажать уже не черемуху, а целый дуб, и сказал:

— Попробуйте во втором круге.... Дед говорил, что клад зарыт не шибко-то глубоко.

Витька Молчунов уже хотел вылезать из ямы, как вдруг, копнув последний раз, сдавленным голосом крикнул:

— Есть!

— Что есть?

Комаров поднялся с травы и в два прыжка оказался возле ямы. С фонариком в руках он упал на колени. Дима тоже суетливо вытащил из кармана электрический фонарик. Три луча света, направленные с разных сторон, скрестились у ног окоченевшего от неожиданности Виктора. На дне ямы лежали две тусклые золотые монетки.

— Золото, — тихо прошептал Комаров и хотел нагнуться, чтобы поднять их, но Печенкин вдруг схватил его за шиворот.

— Я сам! — сказал Комаров, слезая в яму.

Тогда Дима тоже схватил Комарова за воротник.

— Это почему же ты сам? На моем участке работаете, а не своем. Здесь я хозяин. Тут я сам — сам!

Толкнув Диму в грудь кулаком, так что он и на ногах не удержался, Комаров схватил монетки вместе с землей и зажал их в кулаке.

Диму охватила дрожь. Ну, надо же! Теперь не нужно будет унижаться перед родителями, выпрашивать у них каждый день деньги на мороженое, в кино и вообще!

— Да это не золото! — неуверенно, вдруг упавшим голосом проговорил Комаров, разжимая пальцы и разглядывая монетки при свете фонарика. — Это наши одна и две копейки! Это кто же их тут зарыл?!

Комаров молча схватил Печенкина за пиджак и сунул руку ему в карман. Вывернул подкладку. Указательный палец Комарова вылез через дырку в кармане пиджака.

— Ах ты, карманная дырка! — сказал он, ударяя Печенкина по лбу кулаком. — Не носи деньги в дырявых карманах, не носи!!

— Деньги к деньгам, — сказал Печенкин, не обращая внимания на комаровский кулак. — Хорошая примета!

Сказав это, Печенкин молча схватил лопату и побежал к третьему кругу. То же самое сделал и Молчунов.

Дима с Комаровым уселись рядышком, освещая фонариками землю. Диму било в лихорадке какое-то предчувствие. В конце концов, многие же клады были найдены со-

вершенно случайно! И эти подавляющие могут найти. Случайно! На территории дачи Колчановых, как написали бы в газете.

— Слушай! — зло сказал Комаров Диме. — Ты, капитан Сого! Если ты хочешь получить свои с дедом проценты, так чего сидишь, как вкопанный, сложа руки? Ты что — клад?

А Диме только этого совета и надо было. Поэтому он вскочил и, все время оглядываясь назад — как бы этот клад не нашли без него, — помчался в сарай еще за одной лопатой.

— Между прочим, — сказал он Комарову, вернувшись рысью, с лопатой на плече. — На твоём месте я тоже взял бы в руки какую-нибудь мотыгу.

— Это еще зачем?

— Когда деньги появятся на свет, еще неизвестно, как твои парни поделятся с тобой!

— Это еще почему? — започемукал Комаров.

— Потому что потому! Потом увидишь — почему. Ты что — фильмы про клады не смотрел?

Когда Дима выбросил из четвертого круга десять или двенадцать лопат земли, из темноты вдруг возникла Зинаида. От нервного напряжения и непривычной работы с Димой пот лил в три ручья. Сердце колотилось не в груди, а где-то в голове. Зинаида предстала перед кладоискателями в джемпере и брюках, а в руках у нее тоже была лопата.

— Ты это чего? — спросил Дима.

— Как чего? Я тоже клад искать буду!

Из темноты сада доносился лязг лопат и приглушенные голоса подавляющих.

— Ишь ты какая, — зашипел Дима на Зинаиду. — Как сажать черемуху, так, ах, мне нельзя лопату в руки брать, ах, мне нельзя на лопату ногу ставить! А как клад искать, так, ах, мне все можно!

— А сколько ты им обещал? — не обращая внимания на все это, спросила Зинаида.

— Угол, — сказал Дима.

— Какой еще угол?

— Ну, двадцать пять процентов.

При этих словах Зинаида схватила за голову.

— Расточитель! Растяпа! Если бы мама узнала, что ты этим бродягам отвалил столько денег!

— Не хватает, — сказал Дима, — чтобы ты еще и ма-

му посвятила в этот клад! И папу... Хотел бы я знать тогда, что мы увидим от этого клада!

— Да ты знаешь, что такое клад! — зашипела Зинаида. — Да если мы найдем этот клад, это все равно что мы откопали свой детский стадион возле нашего района!

— При чем тут детский стадион?

— Как при чем? Найдем клад и сдадим его государству. С условием, чтоб нам детский стадион построили. А то приходится на фигурное катание куда кататься? За тридцать земель?

— При чем тут фигурное катание?! — завопил Дима.

— А при том! — Зинаида полезла в карман и достала какую-то бумажку. — Вот я уже такое заявление написала! И еще заметку составила: вчера на территории дачи Колчановых был выкопан клад. Местные жители сообщают, что бежавший за границу купец... ну, и так далее...

— Да ты с ума сошла! — лихорадочным шепотом сказал Дима. — Меня же эти подавляющие убьют! Мы же договорились все разделить между собой! И потом, я тоже протестую! Я этот клад ищу для себя, а не для твоего дурацкого стадиона! Я сколько еще буду зависеть от папиных подачек? Я протестую! В конце концов, я первый узнал про клад! — Когда Дима говорил эти слова, он уже совершенно верил в то, что он и правда что-то про клад знает.

— Поздно протестовать, — прошипела Зинаида. — Поздно!

— Золото! — раздался вдруг приглушенный крик Печенкина.

Дима выбрался из ямы и следом за Зинаидой побежал к Печенкину. Все собрались вокруг его ямы. Под светом луны и фонарей на дне ямы блестел золотой бок самородка.

— Как будем делить? — спросил Молчунов.

— Что значит — как делить? — сквозь зубы спросил Комаров. — Делить будем, как договорились — пятнадцать процентов мне, а десять вам.

— Держи карман шире! — сказали в один голос Печенкин и Молчунов.

— Мы вкалывали, а ты это дело перекуривал! — заорал Печенкин.

— Делить, так всем поровну! — сказал Комаров. — Так? Бунт гарнира?

— Подумаешь, какой бифштекс нашелся! — крикнул Молчунов.

Схватив Молчунова за воротник рубашки, Комаров вытащил его из ямы и бросил в кусты. Тогда, стоя в яме, Печенкин схватил Комарова за брюки и дернул на себя. Комаров упал в яму. Прямо на ее дно. И тут они стали, ругаясь, дубасить друг друга.

Воспользовавшись дракой, Дима сунул Зинаиде в руки фонарик, прыгнул в яму и стал осторожно освобождать из земли брусок золота. Действуя то лопатой, то рукой, он отрыл брусок почти наполовину и вдруг увидел — какая-то ручка появилась! Да и брусок какой-то круглый! Покопавшись еще немного, Дима осторожно потянул за ручку клад на себя и вытащил на свет... самовар. Старинный пузатый самовар.

— Самовар... — сказала Зинаида разочарованно.

Подавляющие перестали драться.

— Самовар... — прошептали вместе Печенкин и Молчунов.

— Самовар, — проямлил Дима.

— А дед твой, кажется, не наврал про дачу купца, — сказал Комаров. Он поскреб над краном самовар, и все увидели на боку несколько тисненых медалей. — Самовар-то купеческий! Теперь таких не делают! Поиски продолжаются! — сказал Комаров. — Дайте и мне лопату.

— А клад делим поровну? — опять заныл Печенкин.

— Как это поровну! — возмутилась Зинаида.

— Деду шиш! — заявил Комаров. — А остальные на пять частей. И баста! Две части вам, остальные три — нам!

— Это почему же нам две части? — опять возмутилась Зинаида.

— Потому что вас всего двое работает!

— Я вообще больше не работаю, пираты! — заявил неожиданно Дима. — Глупости все это! Нет тут никакого клада. И деда никакого нет. И не было. И купца не было с его дачей. Я ямы для черемух рыл, а не клад искал, я только так сказал, что клад ищу, а вы, дураки, поверили!

— А самовар?

— А я его сам тут закопал... То есть я не закопал, я его просто так бросил, а когда дорогу делали мимо нашего сада, так его и засыпали, наверное, вот... Я его хотел в утиль сдать на цветные металлы, а его тут землей засыпали, я не успел! Вот...

Главное, Диме сейчас самому ужасно вдруг стало стыдно за то, что пережил тут с этой самой выдумкой какой-то

приступ, какой-то вроде болезни, что ли, золотой лихорадки с температурой, как при гриппе.

— Все, — повторил Дима громко, — я больше в этой золотой лихорадке не участвую!

Подавляющие переглянулись.

— Хочет, чтобы мы ушли, — сказал Комаров. — Хитер! Мы уйдем, а они тут вдвоем, без нас! Продолжать! — скомандовал Комаров. — Полдела сделано, я не из тех, кто отступает... и тем более — уступает!

— Прощайте, пираты... — устало сказал Дима и, еле переставляя ноги, двинулся к даче. А Зинаида осталась. Она вроде и поверила и не поверила. Наверное, больше не поверила, чем поверила, раз осталась.

Утром Дима с папой вышли на крыльцо. Вместо девяти ям было вырыто около восемнадцати. Папа даже присвистнул от удовольствия.

— Можно же при желании... — сказал он.

— При желании найти клад, — пояснил Дима.

— Какой клад?

И Дима рассказал папе про клад и про все остальное.

— Чтоб интересней копать было... — пояснил Дима.

— Ну, молодец! — пришел папа в восторг. — Какой сообразительный человек! Здорово про клад придумано! Теперь насажаем кусты и деревья, у нас тут настоящие джунгли будут! Молодец твой дед! Кстати, это что за дед?

— Какой дед? — изумился Дима. — Я все это сам придумал!

— К чужой славе хочешь примазаться? — спросил папа.

Дима хотел возмутиться еще больше, но в это время к ним подошел участковый милиционер.

— Тут поговаривают, что на вашей территории вчера клад нашли, — сказал участковый. — Закон знаете? Нашли — надо сдать. А премию, конечно, получите — тоже по закону.

— Какой клад? Какая премия? — вскипел папа. — Это дед какой-то про клад придумал, чтобы этим вот мальчишкам было интереснее ямы копать. Ямы под кусты мы рыли!

— Мое дело напомнить, — сказал участковый. — Сдать надо клад, — и он пошел к калитке.

— Так это ты придумал все-таки? — продолжал кипеть папа.

— Это не я, — сказал спокойно Дима. — Это дед. Он тут мимо нас в электричке проезжал!

— Ну, пусть только еще раз проедет! — сказал папа.

КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ЧУТЬ НЕ СТАЛ ЧЕМПИОНОМ, ИЛИ ФОСФОРИЧЕСКИЙ МАЛЬЧИК

Солнце лежало на полу большими квадратами. В каждый квадрат упирался как бы слоновой ногой широкий луг. Громадный солнечный слон стоял между классной доской и партами и весь сверкал мерцающими, летающими, плавающими пылинками. Что-то тропическое было в классе еще и от теней старого плюща в углу.

— Так вот, — сказал капитан Соври-голова, сокращенно капитан Сого, он же Дима Колчанов, — в африканской пустыне эти самые арараты...

— Какие арараты? — поправил очки химик Шура Гусев, любивший точность. — Какие еще арараты? Арарат — это гора на Кавказе. Вечнозаснеженная гора с вечнозеленой растительностью.

— Ха! — сказал Дима Колчанов. — Гора! Крестьян так зовут африканских — арараты!

— Их зовут ораторы, кажется, — робко вставила застенчивая Наташа Рыбкина, — или, как их, оратории... то есть нет...

— Арабы... — зевнул Костя Стрельников, которого никто ничем не мог удивить, даже сам капитан Сого.

— Арабы — это вообще... это нация... — сказал Дима Колчанов, — а арараты — это крестьяне... они копают землю кайлой и едят сушеных кузнечиков.

— От сушеных кузнечиков араратом не станешь, — возразил Шура Гусев. — А-а, вспомнил! Их зовут аратами!

— Какая разница? — сказал Дима, разглядывая прищуренными глазами солнечного слона, слегка переместившегося к дверям. — Араты или арараты? Важно, что они едят! Так вот, я насушил кузнечиков и...

Но никто так и не успел узнать, что сделал Дима Колчанов с сушеными кузнечиками. В пятый «А» влетела Света Брунова с криком ужаса:

— Ребята! Этот новенький, который Сорокин, обыграл всех в шахматы! Весь наш пятый «В»! Он обыграл еще и весь свой пятый «В»!

Даже солнечный слон от такого известия вздрогнул — золотые пылинки так и запрыгали в нем. Дима Колчанов спросил с ехидцей:

— В поддавки, что ли, играли?

— Ты что? — вскричала Света. — Шутить?! А он сюда, между прочим, движется! С шахматной доской, между прочим! И с сопровождающими лицами!

В классе стало тихо. Голос Светы звенел уже в коридоре. Новость о потрясающих победах новенького неслась по школе со скоростью Светы.

— Так вот, — сказал Дима Колчанов, поудобнее устраивая ноги под партой и возвращаясь к африканской теме, — когда мне было четыре года и мы жили в одном из глухих районов Конго...

— Ну, даешь! — зевнул снова Костя Стрельников. — Так я и поверил!

— Кто не верит, может выйти, — сказал Дима, — я не держу... Значит, в Конго...

Раздался грохот, как будто кто-то ударил в боевой африканский барабан. Саня Петушков, староста пятого «В», гремя шахматами в коробке, появился в дверях. За ним встал некий мальчик, худенький и строгий, и с любопытством исследователя посмотрел, как всем показалось, на капитана Соври-голову.

— Вызываем! — сказал Саня Петушков, ликуя. — Бросаем, то есть, вызов!

— Куда? — спросил Дима.

— Чего — куда? — удивился Саня Петушков. В коробке над его головой шахматы тихонько рычали, перекачиваясь из угла в угол.

— Куда бросаете? — холодно спросил Дима.

— Как — куда? Вам бросаем! Вызов!

— Пробросаетесь... — сказал Дима. — И вообще мы заняты! Прошу закрыть дверь! Так вот, в этом Конго...

— Струсили! — охотно сказал Саня Петушков, оглядываясь на всепобеждающего Сорокина.

Шура Гусев возмутился:

— Да он, этот твой новенький, знает, кому вы тут... вызов бросили? В прошлом году кто у нас был чемпионом? Дмитрий Николаевич Колчанов был чемпионом!

— А теперь будет Семен Иванович Сорокин! — сказал Петушков.

— Ай, пешка, знать она сильна, коль лает на слона! — засмеялся веселый и находчивый Туркин, поднимаясь во весь свой высокий рост.

Он посмотрел на Сорокина сверху вниз и сказал, как Суворов о Наполеоне:

— Далеко шагает, пора и унять молодца!

— И уйму! — сказал Дима, тоже поднимаясь из-за парты. — Я его прямо сейчас уйму! Для начала я дам ему фору! И впридачу королевский гамбит! А потом фишками закидаю!

В класс уже стекались все, кого победил и еще не победил Сорокин.

— Правильно, капитан! — кричал пятый «А». — Дай этому Сорокину гамбитом по организму!

— Сорокин! Не трусь! — кричал пятый «В». — За одного гамбитого двух негамбитых дают!

— Зачем по организму? — сказал Дима. Он вырвал шахматную доску из рук Саши Петушкова и потряс ею сам. — Я его по самому слабому месту! Я его по мозгам!

— Начнем, — спокойно сказал Сорокин.

Веселый Туркин пропел:

— Начне-ем, пожа-алуй!

Сорокин, видно, не хотел терять ни минуты, потому он тут же достал из портфеля книжку Симагина «Атака на короля» и разложил на подоконнике доску.

— Заглядывать в книжку будем? — спросил Дима.

Сорокин молча расставлял фигуры. Дима Колчанов долго и задумчиво смотрел на него. Сорокин, ероша жиденькие волосы, просмотрел несколько этюдов на разных страницах.

— Хорошо..., — проговорил Дима, вздохнул и отправился... в буфет.

Солнце зашло за тучу, солнечный слон исчез, тропические тени погасли.

— Ну вот... — вздохнула Наташа Рыбкина, грустно глядя вслед капитану, — ей очень было жаль, что так она ничего и не узнала о Конго.

Шура Гусев догнал Диму Колчанова уже в буфете.

— Ты что? — спросил он его. — Раздумал?

Дима купил три бутерброда со шпротами.

— Ты почему сейчас занимаешься тем, что ничем не занимаешься? — горячо прошептал Шура в ухо Диме.

— Как это ничем? — проглотив кусок бутерброда, сказал Дима. — Как это ничем?! Я заправляю фосфором свои мысли!

— А почему ты не готовишь их к бою? — спросил прямодушный Коля Николюкин.

— Потому, что самое главное в мысли — фосфор! Школьный календарь читать надо! — сказал Дима, доставая из кармана листок. — Вот — «Фосфор — элемент жизни и мысли», — прочитал он вслух название заметки. — Элемент мысли! Улавливаете? Своей, а не вычитанной у Симагина!

Все вопросительно посмотрели на химика Шуру. Шура подумал и сказал:

— Вообще-то фосфор — сила! Это точно!

— Значит, чем больше его ешь, тем больше готовишься? — спросил Николюкин.

— Точно! Без фосфора — никуда!

— Факт! — согласился простодушный Николюкин. — Ведь у нас в голове тоже есть фосфор!

— Фосфор — он тоже разный бывает! — сказал тогда Дима. — Первого сорта. — Он погладил себя по голове. — И третьего. — И он погладил по голове Николюкина.

Сорокин вместе со своей доской переместился в свой класс и там теперь листал книжку Симагина «Атака на короля». А Дима Колчанов всю вторую перемену жевал бутерброды, и третью, а на четвертую он жевать почему-то перестал, он просто сидел за партой и выворачивал карманы.

Пятый «А» почти в полном составе сходил к дверям пятого «В» — Сорокин все еще читал Симагина.

— Капитан, — сказал пятый «А» Диме Колчанову, — он читает, а ты почему-то не ешь! Ты что, перестал готовиться?

Дима развел руками:

— Деньги кончились!

— Так можно и проиграть... — сказал Туркин, перестав быть веселым. Но он был еще и находчивым и потому сказал: — Давайте денежки! Организуем фосфор вскладчину!

Всем классом побежали в буфет и купили шесть последних бутербродов со шпротами, а еще один выпросили у Кольки-футболиста (ему фосфор все равно не нужен). Дима принял бутерброды с мужеством борца, готового на жертвы, и стал усиленно готовиться к матчу не только на перемене

нах, но и на уроках. Сорокин не выпускал из рук книжку Симагина. Матч перенесли на завтра.

— А дома ты тоже будешь готовиться? — спросил Диму пятый «А» после занятий.

— Не знаю... — неуверенно сказал Дима. — У нас мясной обед...

— Тогда идем готовиться к нам, — предложил Коля Николюкин. — У нас уха, папа вчера был на рыбалке.

— А вечером можешь готовиться у нас, — сказал Туркин. — У нас жареная рыба.

Дима Колчанов охотно согласился. У Коли Николюкина за обедом он «проработал» уху из ершей, а вечером у Туркина «усвоил» за ужином жареную рыбу...

Утром следующего дня Диму в классе ожидал сюрприз. Под страшным секретным воззванием «Все силы на фосфоризацию капитана Сого!» пятый «А» притащил в портфелях всякую всячину: и рыбные пироги, и бутерброды, и даже несколько банок консервов. Сорокин жадно доглатывал

последние страницы «Атаки на короля». Дима сложил приношения в парту и стал поглощать по очереди бутерброды, пироги и консервы. Он чувствовал прилив сил. Сорокину уже казалось, что книгу «Атака на короля» написал не Симагин, а он сам. Он мог пересчитать наизусть количество запятых на каждой странице.

На последней перемене в пятый «А» вошел «хор мальчиков» из пятого «В» и так свистнул, что в классе задрожали стекла. Хоровой свист означал, что Сорокин к бою готов. Но Дима неожиданно заявил:

— Я не живу за счет чужого фосфора, я накапливаю свой. Я пока не в форме!

От неожиданности пятый «А» просто охнул, а всегда спокойный Костя Стрельников неожиданно горячо удивился.

— Что значит не в форме! — закричал он, взвываясь чуть не под самый потолок. — Столько слопа! всякой вся-я...

Если бы пятый «А» не охнул еще раз, фосфорическая тайна выплыла бы наружу. Тем более что «хор мальчиков» из пятого «В» сразу же спросил вразнобой:

— Чего, чего он у вас слопа?

— Я хоч-чу ск-к-казать, — заикаясь, проговорил опомнившийся Костя. — Он столько проглотил всяких учебных пособий...

— Ладно, — сказал староста пятого «В» Саня Петушков. — Будешь готов — свисти!

Когда «хор мальчиков» закрыл за собой дверь, химик Гусев подошел к капитану и сказал:

— Слушай, Димыч, по моим подсчетам ты накопил в своей башке столько фосфора, что можешь стать чемпионом мира среди пятиклассников!

— А если я чувствую, что у меня в голове еще немного не хватает, тогда что?!

Шура Гусев внимательно присмотрелся к Диме и сказал:

— Ладно, если не хватает... Так и быть, после уроков поведем тебя в рыбное кафе!

— А почему в рыбное? — спросил Дима. — Фосфор есть и в пирожках, и в шоколаде, и в какао!

— Ладно! — сказал Гусев. — Будет тебе какао!

И, забравшись на парту, бросил клич, как Минин и Пожарский:

— Ребята, еще раз все деньги на разгром врага!

На площади Моссовета в кафе «Отдых» официантка принесла Диме Колчанову, Шуру Гусеву и всем остальным членам фосфорной комиссии вазу с пирожными, шоколад и какао. Веселый и находчивый Туркин сказал:

— Что перед нами? Перед нами «плоды просвещения»! Отвернемся?

Наташа Рыбкина проглотила слюну и повернулась к Диме боком. Комиссия мужественно уставилась в окно, стараясь не принимать к волшебным запахам, струящимся из вазы и из чашек с какао.

— Готов? — сурово спросил Шура Гусев Диму, когда ваза осталась пустой.

— Почти, — заверил комиссию Дима, — почти готов... остались самые пустяки... — В глазах у него все заметили какой-то странный, очень легкий блеск.

— Пойдешь к Наташке, — решительно сказал Шура Гусев. — У них сегодня именины...

Через час Дима сидел за столом у Наташи Рыбкиной, счастливой и сияющей, и праздновал с родственниками Наташи день рождения ее бабушки. В это время фосфорная комиссия в полном составе стояла на лестничной площадке и в наступающих сумерках ждала, когда Дима, по словам Туркина, окончит заниматься тортотеработками. И конец, который бывает всему в жизни, в том числе и самым большим тортам на свете, наступил.

Дима появился на лестничной площадке и огласил ее громким иканием. Комиссия радостно и торжественно ахнула. В крошечной тьме круглое лицо капитана Сого излучало мягкий фосфорический свет! Оно светилось, как циферблат от часов! Над головой Димы стояло сияние синего медицинского света!

Спускавшаяся сверху старушка оглянулась и сказала:

— Свят! Свят! Свят! — перекрестилась и отвесила Диме низкий поклон.

— Завтра матч! — вынесла приговор вполне удовлетворенная комиссия.

Но капитану Соври-голова, очевидно, больше нравилась уже сама подготовка к матчу, и потому он спросил:

— А почему, собственно, завтра?

Наташа Рыбкина не поверила своим ушам, а Костя Стрельников, вдруг научившийся удивляться, закричал:

— Какого тебе еще торта надо?! — и стал грозно приближаться к Диме.

— Фигу тебе! — сказал Шура Гусев.

— А в фигах разве есть фосфор? — благодушно спросил Дима, оглушенный, наверное, количеством съеденных «плодов просвещения».

— В этих нет! — ответил Гусев, поднося два кукиша к светящемуся носу капитана. — Завтра будешь играть, как миленький!

— И смотри, — сказал помрачневший веселый Туркин. — Не подгадь! Ваше сиятельство... то есть... наше сиятельство!

— На маленьком шахматном поле большое искусство живет! — пели девчонки пятого «А», сопровождая капитана Соври-голову на бой в пятый «В».

Рванув дверь в крепость противника, тихо шелестящего разными шахматными пособиями, Дима шагнул за порог. Как тихий ветер шелестели приглушенные предбоевым напряжением голоса:

— Ж-6... Нет, нет... Е-2... Ж-6 же! Ах, ты куда тянешь пешку...

Дима после небольшой, но эффектной паузы свистнул. Это был художественный свист, в котором жажда боя и уверенность в победе сочетались с презрением к несветящемуся противнику. После этого Дима потряс над головой шахматной доской, расставил фигуры.

Сорокин, слегка бледный, с губами, сложенными жестко, сел против Димы. Он был тускл, как запыленное стекло. Первую партию Дима Колчанов проиграл Сорокину на десятом ходу.

Ошеломленный пятый «А» вывел Диму в коридор и спросил:

— В чем дело?

Под гнетущее молчание своих и под ликующие крики пятого «В» Дима долго анализировал что-то в своей голове. Потом шмыгнул носом и произнес одно-единственное загадочное слово:

— Стены!

— При чем тут стены? — спросил Костя Стрельников.

— А при том, — сказал Дима. — Мы играем в пятом «В», он для Сорокина — дом родной, а дома, как известно, и стены помогают.

— Ты не про стены говори, а говори про что предлагаешь!

— Что я предлагаю, я предлагаю играть следующую партию в нашем классе!

— А в нашем классе ты выиграешь? — спросил пятый «А».

— Ха! Если к фосфору прибавить стены — ни один Сорокин не устоит!

С криками разного характера шахматную доску перенесли в пятый «А».

Вторую партию Дима проиграл на шестнадцатом ходу...

Сорокин поднялся из-за стола бледный, если не сказать — серый. От волнения. Даже мало понимающему в шахматах было видно, какую превосходную комбинацию он провел сейчас! Даже мало понимающий в шахматах сообщил, что это стоило ему труда! Все-таки Дмитрий Николаевич Колчанов был чемпионом в прошлом году не за здорово живешь! Значит, чего-то стоил Сорокин! На этот раз Сорокина бросились обнимать и враги, и друзья. Потом его подбросили несколько раз под потолок и всей орущей компанией вынесли на руках из класса.

И только химик Гусев никак не мог успокоиться. ФОС-ФОР — сила или не сила?! Уже одетый, с портфелем в руках и вполне уверенный, что ФОСФОР — все-таки сила, Шура заглянул в свой класс. Там опять во всю светило солнце, тропические тени от плюща трепетали на стене и солнечный слон стоял между классной доской и партами. Дима Колчанов сидел над шахматной доской, обхватив руками свою фосфорическую голову.

— Да, — сказал задумчиво химик Шура. — Видно, кроме фосфора надо что-то еще иметь в голове...

Он тихо закрыл дверь.

На последней парте сидела никем не замеченная до сих пор Наташа Рыбкина. Она сказала:

— Димыч, а что там дальше было... в Конго?

— Конго... — ответил, не оборачиваясь, капитан. — Конго — это тебе не шахматы... там такое было... такое...

Блisterающие, сверкающие пылинки дрогнули — как будто бы солнечный слон тихо вздохнул вместе с Наташей Рыбкиной.

— Интересно, кто это вам рассказал? — спросил меня капитан Соври-голова, прочитав рассказ.

— Ребята, — сказал я.

— Наврали, — сказал капитан. — Ни в какие шахматы я не играл. Это Сазонов играл, а я ему только листок из календаря подарил.

— Какой листок?

— Ну, с заметкой «Фосфор — элемент жизни». Листок дарил это правда, а все остальное нет.

— Значит, про тебя уже легенды сочиняют.

— Сочиняют, но это для меня ничего не значит.

— Впрочем, если ты про фосфор придумал, ты тоже принимал в этой затее участие.

— Да не принимал я, не принимал, — рассердился капитан. — У меня в это время дело поважнее было.

Я насторожился:

— А какое это дело?

— В космос я летал, — спокойно ответил капитан. — Только вы меня об этом пока не расспрашивайте. Тайна это... Важная тайна.

— Может быть, все-таки... — заикнулся я.

— Может быть, — ответил капитан, поняв меня с полуслова, — может быть, но только со временем... расскажу вам и про полет, так и быть...

— Слушай, капитан, — сказал я Диме, — а правда, что у тебя нормальная температура тридцать шесть и девять?

— Правда, — ответил Дима.

— А отчего она у тебя такая... — я поискал слово и сказал, — такая повышенная?

— А у вас какая температура? — ответил Дима вопросом на вопрос.

— Как у всех, — сказал я, — тридцать шесть и шесть.

— А может быть, это не у меня повышенная, — Колчанов говорил, глядя на меня весело прищуренными глазами и щеки его при этом пылали, — может быть, это у всех пониженная, а у меня как раз нормальная?..

КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ГОТОВИЛСЯ К ПУТЕШЕСТВИЮ, ИЛИ «КАЛОРИЙНЫЕ» ВОТИНКИ

Однажды вечером Диму Колчанова и его сестру Зинаиду пригласила к себе в гости двоюродная сестра их мамы, а утром он уже стоял с ее сыном Женькой на берегу Москвы-реки и рыбачил. Женька развел костер и приготовил для ухи всякую приправу, но оказалось, что есть рыбу придется без соли, без хлеба и тем более без каких-то там приправ, просто так. В сыром виде.

— А почему в сыром? — растерянно спросил Женька.

— Для подготовки моего второго кругосветного путешествия... — спокойно сказал Дима.

— Какого второго? — заволновался Женька. — Разве у тебя уже было первое?

— Конечно, было... Наполовину было.

— Как наполовину?

— Да понимаешь, подплываем это мы к Африке с одной стороны...

— Кто это мы? — спросил Женька.

— Ну, я и команда, на катамаране... Знаешь, что такое катамаран?

— Знаю, — сказал Женька, — лодка такая с двумя корпусами.

— Правильно, — сказал Дима. — Так, значит, подплываем и видим: стоит на берегу негр. А рядом с ним на хвосте стоит такая здоровая анаконда. Знаешь, что такое анаконда?

— Конечно, знаю. Змея такая, метров пять-шесть...

— Пять-шесть! А восемнадцать не хочешь? Вот они и стоят. Мы с командой совсем уже чуть было не пришвартовались, а негр вдруг спрашивает: «А удав у вас с собой есть? Если нет, так не швартуйтесь, тут по джунглям без удава не пройдешь...» У нас, понимаешь, с собаками по лесу ходят, а у них с удавами. Пришлось отшвартоваться... Подплываем мы это к Африке с другой стороны, а там на берегу сидит целое племя Нанкасе, и все курят трубки. Тут мы пришвартовались. А тут километров за тридцать дым повалил. Мы с командой подумали — пожар. А негр говорит: «Это не пожар, это охотники сообщают, что убили двух газелей и одну антилопу». Оказывается, они по дыму друг у друга мысли на расстоянии читают, а мы их мысли читать не можем. Представляешь?

— Представляю, — сказал Женька.

— А мало ли какие у них мысли! Может, они наш катамаран задумают отнять, а он у нас реактивный! Пришлось отшвартовываться. А в это время девятый вал как даст, как смоем за борт всю провизию. А я говорю команде: «Поплывем вокруг света без провианта, рыбы полно, а на крайний случай, съедим паруса». Они у меня кожаные были. А он мне отвечает: давай назад возвращаться...

— Кто это он?

— Команда, — сказал Дима. — Мишка-салажонок, трус, предатель! Представляешь, свежую рыбу отказался есть, я, говорит, только жареную дома ел. А про паруса и слушать не стал. Представляешь?

— Представляю... — слабым голосом сказал Женька, соображая, к чему все эти разговоры клонит Дима.

— Я хотел распилить катамаран, чтобы он на «ката» плыл домой, а я на «маране» вокруг света, он, понимаешь, расплакался.

— Кто расплакался? Катамаран?

— Какой катамаран! Мишка-салажонок. Я, говорит, один обратно дорогу не найду, я, говорит, заблужусь в океане. Ну, и пришлось вместе с ним домой возвращаться. — Дима замолчал, а потом сказал решительно: — Так что ты будь готов.

— А я и так... — сказал Женька, понимая, что он и есть теперь та команда, с которой Дима решил второй раз проплыть вокруг света.

— Что скажешь? — сурово спросил Дима.

Женька долго думал и совсем убито сказал:

— Благодарю... — и замолчал.

— За что? — спросил Дима.

— Благодарю за внимание... то есть за доверие.

— Ничего не поделаешь, — сказал Дима. — Это все называется испытание на флаг. Ты, конечно, знаешь, что морские флаги делаются из материала особой прочности... Так что в интересах всего человечества... Понимаешь?

— Конечно, понимаю, — сказал Женька.

Поплавки тихо лежали на воде. Женька сидел и думал, как бы это рыба вовсе не стала клевать. Уж если Димыч выловит пару плотвичек — пусть он их и ест. Вот у Димы пусть и клюет. А у него, Женьки, лучше не надо.

Вдруг за поворотом реки, совсем рядом с дачами, затахтел земснаряд. Да так громко, что, вероятно, разогнал всю рыбу в реке. Женька сидел и с удовольствием слушал, как тарахтит земснаряд. Он очень обрадовался, что ему не придется есть сырую рыбу. А Дима ужасно расстроился. Даже разозлился и, скрипя зубами, стал сматывать удочки.

Женька решил, что Дима стал сматывать удочки в полном смысле этого слова и они больше не будут сегодня готовиться к путешествиям, а будут просто лежать на берегу, просто купаться, просто загорать, но не тут-то было! Смотав удочки, Дима произнес следующие загадочные слова:

— Ну, что ж, раз сырой рыбы нет под рукой, будем тренироваться на чем-нибудь другом.

С этими словами Дима перевел взгляд на Женькины но-

вые ботинки с ушками. Эти ботинки Женьке только вчера подарил папа.

Он знал, что Женька давно мечтал о спортивных ботинках с ушками и белым верхом, на толстой кожаной подошве. Поэтому папа и подарил Женьке именно такие ботинки.

— Сырая рыба — это что! — сказал Дима, глядя на ботинки. — Самое главное, надо уметь есть кожаные паруса. По методу итальянца Пигафетти.

Дима смотрел на Женьку, как укротитель смотрит на зверя, когда он, например, не хочет прыгать через горящий обруч, а Женька смотрел на Диму, как на укротителя.

Так они сидели на песке и смотрели друг на друга, пока Дима не произнес наконец:

— Ну что ты?

— Что я? — спросил Женька.

— Давай! — сказал Дима.

— Что — давай? — спросил Женька с дрожью в голосе.

— Давай разувайся!

— Зачем? — спросил Женька.

— Тренироваться будем!

— На чем? — спросил Женька, понимая и делая вид, что не понимает.

— На твоих ботинках!

Женька решил скорчить из себя круглого дурака и спросил:

— А как мы будем на них... тренироваться?

— Как?! Съедем их, и все! — ответил Дима просто, так просто, как будто всю жизнь только и делал, что ел кожаные ботинки.

Как пожалел Женька в ту минуту, что земснаряд разогнал на реке всю рыбу, ведь если бы был у них в ведерке хоть какой-нибудь улов, то они бы сейчас уплетали его за обе щеки и, конечно, Диме бы не пришлось в голову предлагать есть кожаные ботинки!

Нет! Нет! Надо было что-то делать! Надо было каким-то образом немедленно спасти жизнь новеньких кожаных ботинок. Надо было немедленно заманить Димины мысли в какую-то новую ловушку! Может быть, тоже предложить съесть, но только что-нибудь другое! Скажем, небольшой куст сирени с корой, листьями, с ветвями и даже с корнями, и даже с землей.

Но разве Диму простой корой соблазнишь, если он решил съесть ботинки? «Ну, хорошо, — думал Женька, — если

уж надо обязательно есть кожаные ботинки, то почему же мои?! Почему не Димины?! Прекрасная идея!»

— Давай есть ботинки! — бодро сказал Женька. — Только, чур, начнем с твоих!

— Пожалуйста! — сказал Дима. — Только где это ты читал, чтобы умирающие от голода путешественники употребляли в пищу резиновые кеды?!

Для иллюстрации Дима вытянул из песка свои ноги в кедах, в старых резиновых, совершенно несъедобных кедах! Какая неудача! Ведь у Женьки дома тоже были кеды! Зачем же он, дурак такой, потащился в теплую погоду в жестких, новых, совершенно неудобных ботинках! Фасонщик несчастный!

— Тряпки и резина, — пояснил Дима, — совершенно никаких витаминов и калорий! А у тебя ботиночки очень даже калорийные! Питательные! На них неделю вполне можно продержаться!

И все же Женька не сразу сдался. Он сделал еще одну попытку спасти жизнь своих «калорийных» ботинок. Он сказал:

— Хорошо, Дима! Если нам для тренировки нужно обязательно съесть ботинки, я согласен! Только я думаю, нам лучше начать не с ботинок...

— А с чего же?

— С полуботинок, — сказал Женька грубым шепотом. — У меня есть старые полуботинки, я сейчас их принесу, и мы их съедим!

— Ну что ты! — возразил Дима. — Полуботинками мы не наедемся! Я думаю, что и твоих ботинок будет мало...

— Хорошо, — согласился Женька. — Тогда я сейчас принесу старые папины сапоги, и мы наедемся ими до отвала!

— Ну что ты! — сказал опять Дима. — Разве можно сравнивать старые сапоги с новыми ботинками. Неужели ты не понимаешь, что в старой коже гораздо меньше калорий и витаминов!

— Хорошо, — сказал Женька, делая еще одну попытку спасти свои новые ботинки. — Хорошо! Мы съедим мои новые кожаные ботинки, но только не сегодня!

— Это почему не сегодня?

— Потому, что мы с тобой недавно завтракали! Как же мы на сытый желудок будем есть обыкновенные ботинки? У меня и аппетита-то никакого нету!

— Что же ты предлагаешь? — гневно спросил Женьку Дима.

— Съесть мои ботинки натошак!

— Ишь какой хитрый! — сказал Дима. — Да натошак такие ботинки всякий дурак съест, а на сытый желудок — только настоящие путешественники.

— Тогда вот что... — начал было Женька.

Но Дима не стал слушать никаких его отговорок.

— Конечно, — сказал он. — Конечно... Есть такие жады путешественники, вроде Мишки-салажонка, которым легче придумать миллион отговорок или даже умереть с голоду, чем съесть без всяких рассуждений свои кожаные ботинки... в интересах всего человечества!

С этими словами Дима рухнул на песок и стал как бы совершенно умирать с голоду у Женьки на глазах.

А Женька! Да разве мог он перенести, чтобы капитан Соври-голова, он же капитан Сого и его троюродный брат, принял его за жадюгу путешественника! Нет, он не мог этого перенести! Ему легче было принести в жертву его новые кожаные ботинки, чем потерять уважение такого человека! Только бы Дима считал, что он уже вполне готов к любым путешествиям.

— Хорошо, — сказал Женька. — Давай съедим мои ботинки, но только вместе с твоими кедами.

Не говоря ни слова больше, Женька снял свои ботинки и стал мыть их в реке.

— Ботинки сырые будем есть или вареные? — спросил он Диму прерывающимся голосом.

Дима подумал и сказал:

— Раз огонь не кончился, можно и вареные...

Все-таки Дима хороший человек и добрый. Другой бы на его месте вполне мог заставить есть ботинки сырыми. Женька подошел к котлу, в котором он собирался варить уху, зажмурился и, затаив дыхание, опустил ботинки в кипящую воду. Потом незаметно от Димы подбросил в котел еще пять картошек, три морковки и две луковицы, но умирающий от голода Дима каким-то образом это заметил и заставил вытащить всю приправу обратно: и пять картошек, и три морковки, и две луковицы...

— Что ты тут устраиваешь какой-то суп с ботинками... — сказал он. — Ишь какой кулинар нашелся...

— Это я-то кулинар!

Но Дима, видно, и сам пожалел, что так незаслуженно

обидел Женьку, потому что он вдруг сжалился и сказал:

— Если уж тебе хочется, чтобы ботинки были повкуснее, пожалуйста, для первого раза можешь посолить воду. Соль у нас еще осталась... И перец остался, и лавровый лист...

«Нет, все-таки Дима — великодушный человек», — подумал Женька, подбрасывая вместе с солью в кипяток черный перец и несколько лавровых листьев.

Вода в котле бурлила ключом. Ботинки крутились в кипятке, как белки в колесе. То правый наверх выплывет, то левый...

А Женька мешал ложкой воду, стараясь не глядеть на ботинки, и все время думал о том, что его маме, наверное, будет очень неприятно, когда она узнает, что он съел свои ботинки уже на второй день... Если бы Женька хоть немного поносил их и съел, скажем, через месяц или через два, тогда бы это, конечно, ее не расстроило.

Женька так глубоко задумался, что даже не успел заметить, как его ботинки сварились. Лишь когда Дима заорал «готово» и подцепил на вилку вареный ботинок, он отвлекся от своих грустных мыслей.

— Готово, — сказал Димка, кладя дымящиеся ботинки на лист лопуха.

Сначала на холодное они стали жевать разорванные на куски кеды, а потом перешли к ботинкам.

— В самый раз, — сказал Дима, глотая с аппетитом ушко.

Затем он разрезал на куски кожаный верх... Хотя Женька мысленно тоже умирал от голода, есть с таким аппетитом, как Дима, свои ботинки он не мог.

Вероятно, Дима расправился бы со всем ботинком, который ему достался, включая подметку и даже каблук, но в разгар пира в дальних кустах раздался треск, и среди зелени появилась голова Диминой сестры Зинаиды.

— Димка! Женька! — закричала она, подозрительно глядя. — Вот вы где! А вас Валентина Николаевна зовет!

— Зачем? — спросил Женька, вслед за Димой пряча под миску недоеденный ботинок.

— Как зачем? — закричала Зинаида. — Обедать пора!

Худшего известия Зинаида никак не могла принести. При всем ее желании. Женька так был сыт своим ботинком, что ему казалось, что он больше никогда ничего не захочет есть, а тут надо идти и поглощать обед из трех блюд!

— Ладно! Иди! Мы сейчас!

— А не наврешь? — издала спросила Зинаида.

— Да ты что! — завопил Дима. — Можешь проверить! Через три минуты...

— Ну, смотри... — сказала Зинаида.

Женька и Дима поднялись, залили костер бульоном из-под ботинок и зашагали домой.

Как Женька ел обед, он не помнил. Дима и второй обед в интересах человечества уплетал за обе щеки — вот это Женька хорошо помнил. Еще он помнил, что мама все поглядывала на его босые ноги и все время улыбалась. Пока вдруг не спросила:

— Евгений! А где твои ботинки? Почему ты вдруг босиком?

— М-м-м... — промычал Женька, размазывая кашу по тарелке.

— Почему ты без ботинок, я спрашиваю!

И тут вошла сама не своя сестра Димы, Зинаида. Она молча посмотрела под стол на босые Женькины ноги и на босые Димины ноги и вынула руку из-за спины. В руке был сваренный и недоеденный ботинок.

— Они их съели... — сказала ужасным голосом Зинаида.

Женькин папа, молчавший все это время, вдруг побледнел, приложил руку к сердцу и стал медленно подниматься со стула, а Женькина мама, пока папа поднимался, приложила к сердцу обе руки и стала медленно опускаться на стул.

Что после этого началось в доме! Как вызывали на дачу неотложку! Как прибежали папа с мамой к Диме! И как себя чувствовали все время мальчишки — этого не перескажешь, потому что какому путешественнику промывают желудок, если он спасается от голода, съев свои ботинки! Никакому и никогда! Об этом орал Дима на всю дачу.

— Во-первых, — говорил Диме Женькин папа, — ты съел не свои ботинки, а ботинки своего родственника! А вторых, где ты читал, чтобы путешественник начинал свою подготовку к путешествиям с того, что ел кожаную обувь?

А потом, а потом Женьку с Димкой напичкали какими-то лекарствами, уложили в постели под родительским конвоем и заставили заснуть.

Когда Женька проснулся на следующее утро, Димы уже не было — очевидно, его увезли на его дачу. Очевидно, его мама уже решила, что ему можно сделать несколько шагов до машины и проехать полкилометра до своей кровати. Под подушкой Женька нашел записку: «Все в порядке!!! — писал Димка. — Подготовка к путешествию продолжается!!! Жди!!! Указаний!!!»

Это означало, что, возможно, сегодня же вечером или, в крайнем случае, завтра утром Дима снова появится на даче своего троюродного брата.

**КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ЧУТЬ НЕ СТАЛ УКРОТИТЕЛЕМ ЗМЕЙ,
ИЛИ
УЖИН С УДАВОМ**

Дня через два Женькины мама и папа вдруг стали лихорадочно прятать в доме всякие кожаные предметы и вещи. Все это складывалось на веранде в окованный железом бабушкин сундук.

Женька сидел безучастно на лестнице и все еще переживал гибель своих любимых ботинок. Его грустные мысли сами собой складывались в сообщение, которое обычно печатают на последней странице газеты в черной рамочке. Эти сообщения называются, кажется, некрологами.

«4 июля сего года, — сочинялось в Женькиной голове, — скоропостижно скончались ботинки Евгения Семенова (правый и левый). Они родились на обувной фабрике «Восход» и должны были прошагать по туристским тропам... не один десяток километров... но глупая и преждевременная смерть вырвала их из наших рядов».

— Отец! — закричала мама, выходя из сарая. — А мы с тобой охотничьи сапоги забыли! Они ведь тоже кожаные!

— Неси их сюда! — крикнул папа.

Мама демонстративно поволокла по лестнице папины сапоги и даже на секунду задержала их перед Женькиным носом. Назло, наверное. Наверное, она уже знала, что он, после того как съел свои ботинки, не мог переносить даже запаха кожи. Женька и так сидел не дыша, когда мимо него пронесли что-то кожаное.

— Вот, — сказала мама, — вот! До чего дожили!

«Какая жестокость, — подумал Женька. — И без того

тошно, так нет — сыплют соль на его незаживающие раны все утро!»

В это время звякнула калитка, и во дворе в сопровождении своей мамы появился Дима. При виде его Женька вдруг испытал два совершенно противоречивых чувства — чувство ужаса и чувство радости. Поодиночке эти чувства, конечно, приходили к нему не один раз, но одновременно он испытывал их впервые.

Папа побледнел и, приложив одну руку к сердцу, опустился в плетеное кресло. Мама застыла на пороге веранды. А Женька как сидел, так и закрыл глаза, чтобы не видеть своего троюродного брата, который пришел почему-то с каким-то чемоданчиком. В темноте перед Женькой закрутились в кипящей воде ботинки. Поэтому он тут же открыл глаза — лучше видеть Диму, чем...

— А, Димочка пришел! — сказала очень добрая мама Женьки как бы радостным, но в то же время тревожным голосом.

— Я сегодня дежурю, — сказала Димина мама. — Пусть он у вас побудет до завтрашнего утра.

Папа улыбнулся кисло-прекисло, почему-то вздрогнул, осмотрел Женьку с ног до головы и вытянул у него из брюк кожаный ремень. Потом подошел к Диме и, указав пальцем на его ноги, обутые в кожаные сандалии, сказал:

— Снимай!

Дима разулся.

После обыска Дима как ни в чем не бывало уже направился на берег Москвы-реки, и Женька уже сделал за ним три шага, как вдруг папа как закричит:

— А ну-ка голубчики, постойте-ка!

Женька и Дима остановились.

— Вы куда?

— Туда... — сказал Женька, указывая рукой в сторону злополучного берега реки.

— Никаких туда! — сказал папа. — Только сюда!.. Или сюда!.. Или сюда!.. — Он указал рукой сначала на гамак, потом на веранду, потом на поляну перед самой дачей. — И чтобы быть все время у меня на глазах!

Димина мама сказала:

— Сейчас придет Зинаида, она за ними посмотрит! Ты не беспокойся, пожалуйста!

— Вот это хорошо, — сказал папа.

Дима все это спокойно выслушал и спокойно направил-

ся к гамаку. «Кажется, сегодня подготовка к отважным путешествиям не грозит», — подумал Женька одновременно и с радостью и с разочарованием. И стал устраиваться в гамаке рядом с Димой. «Ну, и хорошо, что не грозит! — думал он. — Ну, очень хорошо!.. Но и плохо, конечно! Очень плохо!» Женька уж как-то привык, чтобы с Диминым появлением на даче ему обязательно что-нибудь грозило.

Гамак тихо качался. Свесив одну ногу за борт, Женька тихонько толкался ею об землю, поглядывая на Диму. Димино лицо горело, как в огне, но было, как всегда, непроницаемым. Только губы его все время что-то колдовали беззвучно. Пришла Зинаида и стала рядом с ними делать вид, что с интересом читает какую-то книгу. Папа изредка из-за газеты бросал на них довольные взгляды. Заметив, что папа был ими очень доволен, мама тоже стала очень довольна. И Зинаида это тоже, видимо, все почувствовала и тоже была довольна тем, что мама была довольна тем, что папа был очень Женькой и Димой доволен.

Женька вдруг тоже стал доволен. Но вдруг Дима перестал беззвучно колдовать своими губами и сказал тихо:

— Я продумал, как тебе защищаться и как мне защищаться от подавляющих... Мы так защитимся, что они с ума сойдут...

— Правда! — ужасно обрадовался Женька не столько за себя, сколько за Диму. — А как?

— Как? — сказал Дима. — По методу Субанга! Помнишь, я тебе рассказывал про негра с анакондой?

Услышав имя какого-то Субанга, Женька вздрогнул. Он уже знал, что любое непонятное слово или имя, произнесенное Димой, ни к чему хорошему еще не приводило и, вероятно, не приведет. Из-за итальянца Пигафетти, который тоже, наверное, съел парус, они чуть не отравились ботинками. А теперь еще этот Субанга... Ну и пусть Субанга! А чего бояться?

Папа с них глаз не сводит и мама рядышком — стол накрывает на веранде. И Зинаида сидит невдалеке и читает книжку, то есть не читает, а подслушивает, о чем они разговаривают. Значит, в худшем случае Дима может рассказать про метод этого самого Субанга только теоретически.

— Так я тебе просто так, что ли, все рассказывал. Вот я тебе сейчас в доказательство почитаю, — сказал Дима. Затем достал из кармана кусочек бумаги, вырезанный то ли из газеты, то ли из журнала, и начал шепотом чи-

тать: — «...Субанга — житель Африки. Он нашел в лесу маленького питона и решил его выводить. Для этого он с ним вместе спал и ел»...

Когда Женька только представил, как этот Субанга обещал с этим питоном, а потом спал, может быть, даже в обнимку, ему стало уже нехорошо и волосы у него на голове стали торчком. Зинаида заметила в Женькиной прическе что-то неладное и подседа к ним поближе. Дима это заметил и понизил голос:

— «Питон вырос — теперь это восемнадцатиметровая змея весом сто сорок килограмм. Днем она забирается в джунглях на кокосовые пальмы и стряхивает с них орехи, — тихо читал Дима, — а ночью свертывается на земле вокруг спящего хозяина кольцом, охраняя его жизнь и сон». Теперь понял? — спросил Дима.

— Конечно! Свертывается! И оберегает! — ответил Женька.

— Значит, с помощью кого мы будем оберегать себя?

— С помощью... Субанги... — предположил Женька.

— Как это Субанги?

— Так, — сказал Женька, — возьмем у него питона...

— Как — возьмем?

— Так, — сказал Женька, — напрокат. Днем он будет свертываться вокруг... орехов... а ночью... трясти нас... — Женька все от ужаса перепутал, но Дима не обратил на это внимания.

— «Напрокат!» — сказал Дима. — Что тебе питон — «Москвич» или пылесос? Мы должны лично вырастить и воспитать! Так что ты на Субангу не очень-то надейся! Ты, в общем, это... давай... готовься...

— К чему? — спросил Женька.

— Как — к чему? — удивился Дима. — Какой бестолковый! К этому... чтобы воспитывать...

— Кого? — спросил Женька. — Питонов, что ли?

— Ну, — прошептал Дима, — питонов не питонов... но в общем, тоже из класса пресмыкающихся...

От этих зловещих слов в воздухе сразу запахло практикой. Женькин лоб стал покрываться не теоретическим, а вразумительным холодным потом. И тут впервые после прихода Димы Женька вспомнил о чемодане и о том, что на нем были какие-то странные пластилиновые пломбы. Раз в Диминой голове были мысли о том, как им защищаться от подавляющих, стало быть, в чемодане было то, на чем

они будут практиковаться! То есть в чемодане были питоны! Ну, питоны не питоны, но, в общем, тоже кто-то из класса пресмыкающихся. В таком маленьком чемодане, конечно, никакой питон не поместится. Так, может быть, там уместились их дети? Дети питонов! Питонцы! И этот чемодан с питонцами уже часов пять стоит у него под кроватью.

Женькино лицо побледнело от страха. Дима это заметил.

— Да ты не бойся, — стал он успокаивать Женьку. — В чемодане же ужи!

— Какие жеужи? — спросил Женька, слегка заикаясь.

— Не жеужи, а ужи, обыкновенные ужи! Четыре штуки. Два ужа основных и два ужа запасных. На всякий случай!

— Ах, ужи! — сказал Женька, вытирая со лба пот. — А они действительно ужи?

— Вот Фома неверующий! Я же их в живом уголке брал. В нашей школе. И расписку дал юннатам: «Взял ужей, в скобках четыре штуки, на месяц. Обязуюсь за ними ухаживать...» Ну, и так далее...

Женька пожалел, что Дима дал расписку, а не юннаты, так хоть можно было бы действительно убедиться, что это ужи, а не какие-нибудь другие... пресмыкающиеся...

— А как мы будем этих ужей воспитывать?

— Для начала поужинаем с ними за компанию, — объяснил Дима, — а потом завалимся вместе спать.

— А у нас сегодня на ужин блинчики с мясом, — сказал Женька. — Разве ужи блинчики едят?

— И у них, и у нас сегодня на ужин будет молоко, — заявил Дима. — А сейчас ты сделаешь вот что...

Выслушав Димину инструкцию, Женька вскочил с гамака и без всяких обычных отговорок в панике побежал на веранду, где мама уже накрывала стол к ужину. Расчет у него был простой. Ему показалось, что папа и мама в «молоке» и в их желании «пораньше лечь спать» обязательно заподозрят что-то недоброе.

— Это подозрительно, — скажет мама. — С чего это ты вдруг отказываешься от своих любимых блинчиков и просишь молока? Это подозрительно!

— Да-да, — поддержит папа маму. — То их в постель никак не уложишь, а то они в семь часов собираются спать, видно, они с Димой опять что-нибудь затеяли.

— Никакого молока! — скажет мама.

— А спать ляжете вместе со мной, на веранде, — скажет папа, — вот здесь.

Но на веранде, к ужасу Женьки, все произошло совсем не так, как он ожидал. Никто не насторожился. Ни у кого ничто не вызвало никаких подозрений. Даже наоборот. Мама, например, сказала:

— Два стакана молока? Почему вы мало так просите? Возьмите четыре!

А папа сказал:

— Хотите уже сейчас лечь спать? Ну, что ж... Тем лучше... Тем лучше... Чем раньше вы с Димой ляжете спать, тем лучше будет и для вас, и для нас!

«Боже мой, — подумал Женька, стоя, как дурак, на веранде с четырьмя стаканами молока на тарелке. — Если через десять минут выяснится, что Дима по ошибке принес в чемодане не ужей, а каких-нибудь ядовитых змей, так папа пожалеет о том, что он сейчас сказал!»

— Тогда, значит, спокойной ночи, мама, — сказал Женька дрогнувшим голосом, здесь он не выдержал (кто знает, может быть, они прощались навсегда!) Женька подошел к матери и поцеловал ее в щеку, держа в руках эти четыре предсмертных стакана с молоком. — И тебе спокойной ночи, папа, — сказал Женька, целуя папу в щеку.

А Диминой сестре Зинаиде он только кивнул на прощание головой. Сидела рядом и ничего не могла подслушать! Растяпа! А ведь если бы подслушала, могла бы, в интересах всего человечества, наябедничать папе с мамой и тем самым предотвратить гибель двух троюродных братьев!

Противившись со всеми, Женька решил еще немного постоять. А вдруг произойдет чудо и кого-нибудь в последнюю секунду осенит все-таки подозрение! Прошло пятьдесят, а может быть, даже шестьдесят самых последних секунд. А он все стоял со стаканами молока на тарелке.

— Ты чего? — спросил папа.

Женька где-то читал, что перед смертью люди обычно просят за что-то прощения. Ничего не поделаешь, придется на всякий случай попросить. И Женька сказал:

— Папа и мама, вы простите нас с Димой, что мы съели ботинки...

— Боже мой, — сказала мама, — я и забыла про это!

— Я не сержусь, — сказал папа, — какие пустяки!

«Пустяки? — подумал Женька. — Конечно, пустяки... по сравнению с нашей гибелью...»

Все... Больше ему ничего не оставалось делать, как грубо вздохнуть и нетвердой походкой направиться в свою комнату.

— Спокойной ночи! — сказал Дима всем.

Они подошли к дверям. Женька постоял в нерешительности, потом открыл дверь и вошел в свою комнату, как в могильный склеп.

Когда Женька вытащил из-под кровати чемоданчик, Дима сразу же захотел извлечь змей наружу. Но Женька наступил ногой на крышку.

— Подожди, Дима, — сказал он. — Ты пока не вытаскивай своих ужей.

— Почему моих? — удивился Дима. — Они теперь наши общие ужи...

«Общие! — подумал Женька про себя. — У меня со змеями никогда не было ничего общего». А вслух он сказал:

— Давай, Дима, сначала пройдем все, что у нас будет, только без ужей... Значит, мы пьем молоко из стаканов... А они из тарелки...

Дима вылил два стакана молока на тарелку и сказал:

— А потом все ложимся спать...

— А можно, — попросил Женька, — чтобы уж для начала спал под кроватью, а я на кровати?

— «Под кроватью»! Да разве тебя после этого уж будет оберегать, если ты его под кроватью держать будешь!

— Хорошо, — сказал Женька. — Тогда пусть я лежу под кроватью, а он на кровати...

— Вечно ты со своими отговорками! — зашипел Дима, сталкивая Женькину ногу с крышки чемодана.

Потом он поставил чемодан к себе на колени, оглянувшись вокруг и сказал:

— Вместе, так все вместе!

С этими словами он сорвал пломбы из пластилина, щелкнул замочками и стал медленно открывать крышку, а Женька стал так же медленно закрывать свои глаза.

Потом наступила такая пауза, что Женька подумал, что с Димой все кончено. Бесшумно, как это и принято у змей. Вот настает и его очередь...

— Странно... — услышал он голос Димы. — Куда же они могли деться?

Женька открыл глаза. Дима сидел на стуле с чемоданом на коленях. Чемодан был совершенно пуст. Никаких

ужей в чемодане не было. Дима перевернул чемодан и даже потряс его, потом оглянувшись по сторонам и тоскливо сказал:

— Интересно, куда же они могли задеваться? И пломбы целы... Неужели они выползли через это окошечко?

Дима перевернул чемодан, и Женька увидел, что сбоку у него был выпилен кусок фибры и заделан тонкой металлической сеткой. Один уголок сетки загнулся и образовал отверстие, через которое, вероятно, и выползли все ужи.

«А может быть, эти ужи уже поужинали и завалились спать, не дожидаясь нас с Димой?» — подумал Женька, осторожно откидывая одеяло со своей постели.

Кровать была пуста. Тогда Женька подумал, а потом высказал подозрение, что, может быть, ужом больше понравилась мамина постель (она мягче) и они устроились у нее под одеялом. Дима внимательно осмотрел комнату от пола до потолка и сказал:

— Нет, ужи где-то здесь... Видишь, как ваш кот Васька сидит на шкафу?

Васька сидел на шкафу действительно с самым очумелым видом. Ясно было, что он чего-то так боится, что даже шерсть на загривке у него встала дыбом от страха.

— Это он ужей чувствует... — сказал Дима.

«Вряд ли бы Васька напугался ужей, — подумал Женька. — Он, наверное, чувствует, что эти ужи — совсем не ужи!»

— Вась, Вась, Вась... — позвал он кота, но тот даже и не взглянул на Женьку.

— Вот что... — сказал Дима, забираясь на стол. — Сейчас мы их высмотрим сверху и сцапаем. Они нас на столе не заметят и выползут... Ты осматривай правую половину комнаты, а я — левую...

Женька тоже забрался с ногами на стол. Было тихо. Потом вдруг раздался тихий шорох. Дверь в комнату стала тихо-тихо открываться, и на пороге... тихо-тихо... появилась Зинаида.

— Чего это вы сидите на столе? — спросила она подозрительно. — Опять готовитесь?

— Зина, ты только не волнуйся, — сказал Женька. — Дело в том, что Дима принес ужей для тренировки, а они все куда-то расползлись.

Громко взвизгнув, Зинаида прыгнула прямо с порога на стол. Это был потрясающий рекордный прыжок. Никогда

потом Зинаида не могла повторить его на своем фигурном катании. Дрожа всем телом, Зинаида стучала зубами и повторяла громко одно какое-то непонятное слово:

— Ва-ва-ва-ва-ва-ва...

— Если ты будешь дрожать вслух, — сказал ей Дима, — то мы не поймаем ни одного ужа...

— Хорошо, — сказала Зинаида. — Я буду дрожать про себя!

— Она будет дрожать, а мы будем наблюдать! — возмущенно сказал Женька. — Ты тоже... как увидишь ужа... так сигнализируй!

— Хорошо! — сказала Зинаида. — Я буду наблюдать! — И закрыла от ужаса глаза.

Они сидели втроем на столе, как на острове. Зинаида все время старалась дрожать, и это у нее очень здорово получалось. Женька наоборот. Он все время старался не дрожать, и у него это не очень-то получалось. За дверью снова раздался тихий шорох. Дима прислушался и сказал:

— Кажется, ползут...

Дима приготовился к прыжку. Женька тоже... Больше так, конечно, для виду... Стал бы он еще прыгать на ужей! Дверь осторожно открылась, и на пороге комнаты появилась мама. Она некоторое время смотрела непонимающими глазами, а потом спросила:

— Чего это вы все уселись на столе?

Женька с Димой взглянули на Зинаиду, Зинаида посмотрела на маму и сказала:

— Вы только не волнуйтесь...

Не успела Зинаида договорить фразу, как мама стала прямо на глазах у всех волноваться. Она волновалась все больше и больше.

— Нет, тетя Валя, вы только не волнуйтесь... Мы должны сообщить одну неприятную новость...

— Подождите, — сказала мама, — подождите... сначала скажите мне: вы все живы?

— Живы... — ответили Женька с Димой нестройным шепотом.

— Вы все здоровы? — спросила мама.

— Здоровы... — ответили они.

— Так, — сказала мама, — это самое главное... А сейчас я пойду приму валерианку, а после этого вы сообщите мне неприятную новость...

Пока мама ходила за лекарством, Женька все время ду-

мал об одном: «Только бы она там где-нибудь не встрети-лась с ужом... Потому что если она встретится с ужом, то такой поднимется в доме шум!» Но шума не поднялось. Мама быстро вернулась обратно с пузырьком в руке, рас-пространяя вокруг себя запах валерианки.

— Теперь говорите, что за неприятная новость! — ска-зала она.

— Дело в том, — сообщила с радостью, даже с востор-гом Зинаида, — что Дима принес ужей для тренировки... какой-то... а они взяли и все куда-то расползлись!

— Как — расползлись? — спросила мама, делая боль-шие глаза.

— Вот так, расползлись, — с прежним восторгом ска-зала Зинаида и показала рукой, как ужи, извиваясь, рас-ползлись по комнате.

— Ай, — крикнула мама, прыгая на стол и роняя бу-тылочку с валерианкой.

Пока мама переживала на столе и задавала Диме вся-кие запоздалые вопросы, кот Васька, привлеченный запа-хом лекарства, спрыгнул со шкафа и стал жадно глотать из лужицы валерианку. Тем временем дверь в Женькину комнату снова стала тихо отворяться.

— Ужи! — в ужасе вскричала мама.

Но это были не ужи, это был папа. Он вошел с насто-роженным лицом и, увидев всех на столе, то ли от неожидан-ности, то ли от чего другого расхохотался.

— Напрасно смеешься, — сказала мама. — Когда узнаешь, что случилось — заплачешь!

— А что случилось? — спросил папа.

— А то, что по нашей даче ползают змеи...

— Какие еще змеи? — спросил папа.

— Не змеи, а ужи, — поправил маму Дима.

— Это еще надо проверить, — сказала мама. — Дима принес в наш дом целый чемодан змей, а они все располз-лись.

— Не чемодан, а всего четыре штуки, — сказал Ди-ма, — и не змей, а ужей!

Папа подумал, потом почему-то поднялся на цыпочки и тихо сказал:

— Если они расползлись, — тихо сказал папа, — то надо не сидеть на столе сложа руки, а ловить их.

Сделав такое мужественное заявление, папа на цыпоч-ках подкрался к столу и сказал Женьке шепотом:

— Ну-ка, подвинься!

Женька подвинулся, и папа очень ловко вспрыгнул на стол, при этом так энергично, что мама чуть не упала со стола с другой стороны.

— Ой! — сказала мама и уцепилась за Женькино плечо.

А Дима опустил ноги и стал медленно сползать со стола.

— Ты куда? — сказал папа, хватая Диму за руку.

— За ужами!

— Сидеть! — сказал папа.

— Сами же сказали, что надо ловить...

— Сначала надо убедиться, что эти ужи действительно ужи, а потом уже их ловить...

— Значит, мы на этом столе так и будем до утра убеждаться? — спросила мама.

— Почему до утра? — сказал папа. — Сейчас мы привлечем ужей в комнату и убедимся, что это ужи. А после этого мы их переловим.

— Интересно, чем это вы будете их привлекать? — спросила мама.

— Чем? — сказал папа. — Свистом! Когда я был на строительстве в Индии, я видел, как там заклинали свистом змей.

— Точно, — сказал Дима. — Змеи на свист всегда выползают. — И он с удовольствием вернулся на стол, потому что это было очень интересно — не просто ловить ужей, а привлекать их свистом.

— А ты свистеть умеешь? — спросил папа Диму.

— Умею! — ответил Дима, заложил два пальца в рот и свистнул изо всех сил. Свист у него получился просто оглушительный.

— Нет! — сказал папа. — Таким свистом змей можно только распугать. Надо свистеть нежно, — и папа показал Диме, как нужно нежно свистеть.

Дима повторил. Папа остался доволен.

— Так, — сказал он, обращаясь к Зинаиде и Женьке, — вы тоже свистите! Всем свистеть!

Сложив губы трубочкой, папа вывел негромко какую-то знакомую мелодию.

— Что это ты свистишь? — спросила мама.

— Арию индийского гостя, — сказал папа.

— По-моему, лучше арию Ленского из оперы «Евгений

Онегин», — сказала Зинаида. — И слова подходят: «Куда, куда вы удалились»...

Но папа предпочел арии Ленского арию индийского гостя.

— Три, четыре! — сказал он и взмахнул по-дирижерски руками. — Начали!!!

И все начали свистеть. Папа с Димой свистели вполне прилично. А Женька с Зинаидой от страха ужасно врали мелодию. А тут еще к хору присоединился пьяный Васька. К этому времени он слизал с пола всю валерианку и совершенно опьянел.

— Стоп! — сказал папа. — Так не пойдет! На такую какофонию ни одна змея не поползет!

Все замолчали. Только пьяный Васька продолжал что-то распевать своим хриплым голосом.

— Пошел вон! — сказал папа, обращаясь к Ваське. — Брысь!

На этот раз захмелевший кот хотя и нехотя, но все же послушался папу. Качаясь на четырех лапах, он подошел к окошку и прыгнул, но промахнулся и шмякнулся о стенку. Удар о стенку и валерианка, вероятно, так оглушили Ваську, что он тут же упал и сразу заснул. В комнате снова стало тихо.

— Непонятно, — прошептала мама, — почему же ужи не выползают?

— Всем молчать! — сказал папа. — Вы только дело портите. Свистеть буду я один!

— А, может быть, вы не то свистели? — робко спросила мама. — Может быть, им надо что-нибудь танцевальное?

Папа что-то хотел ответить, но как раз в это время в полной тишине раздался за дверью шорох. Все насторожилось. Шорох приближался.

— Ползут... — прошептал папа. — Ползут... — и снова принялся за своего индийского гостя.

Он свистел так тонко и нежно, как будто играл на флейте. А шорох тем временем все приближался и приближался.

Женька и Дима не выдержали и стали опять тихонечко подсвистывать папе. Какофония возобновилась с новой силой, но, несмотря на это, шорох все-таки приближался. Потом дверь тихонько открылась, и из дверной щели высунулась голова соседки. Она смотрела на всех долго-долго,

до тех пор, пока один за другим Женька, Дима и папа не прекратили свист.

— Так, — прошипела соседка, — вместо того чтобы ловить своих гадюк, они еще сидят на столе и еще свистят!

— Позвольте... — сказал папа.

— Не позволю! — прошипела соседка. — У нас тоже есть дети!

— Какие гадюки? — сказал папа. — Где вы их видели?

Как раз в это время соседка взглянула под стол, на котором все сидели, и глаза у нее вдруг просто вылезли из орбит.

— Удав! — крикнула она шепотом. — Удав! Под столом! Караул! Милиция!

Подняв юбку обеими руками, соседка подпрыгнула на пороге и с криком и визгом выскочила из комнаты, продолжая кричать на улице:

— Удав! Милиция! Удав! Милиция!

На столе все вскочили. Стол был складной, и потому посреди него была щель, в которую можно было заглянуть. Женька посмотрел и увидел, что под столом, свернувшись кольцами, лежала черная огромная змея.

— Удав, — сказал папа. — У нас под столом удав.

— Я удавов не приносил, — стал клясться Дима.

— Ну, конечно, — сказал папа. — Он сам приполз, в гости к ужам!

Тогда Дима прыжком соскочил со стола, схватил чемодан и, раскрыв его, как папку, стал приближаться к удаву, лежащему под столом. Все покачнулось. Зинаида завизжала. Мама закрыла лицо руками. Стол пошатнулся. Ножки его подломились, и все полетели на пол, прямо в пасть к удаву. К счастью, крышка стола упала на пол плашмя и накрыла удава. Из-под досок торчал только его хвост, очень уж круглый и как будто обрубленный топором. Дима схватился за этот хвост и потянул удава на себя.

— Шланг! — заорал он. — Это же резиновый шланг, а не удав!

Теперь и мама, и Женька, и Зинаида могли убедиться, что это действительно был шланг для поливки папиной машины. Все вскочили на ноги и подняли крышку стола. А мама схватила бесстрашно черный шланг и громко закричала в окно в сторону соседской дачи:

— А разговоры подслушивать нехорошо! И шланги выдавать за удавов тоже нехорошо! Это же даже не уж! Это же шланг! — С этими словами она подняла еще какую-то желтую трубку и крикнула: — И вот еще шланг!

— А это как раз не шланг, а уж, — поправил ее Дима.

Крик, который вырвался одновременно из маминой, папиной, Женькиной и Зинаидиной груди, заглушил пикирующий вой пожарной сирены, раздавшийся за оградой дачи. Затем к пожарной сирене присоединила свой голос сирена неотложки, подлетевшей на всех парах, трели милицеских свистков и просто крики людей, бегущих со всех сторон посмотреть, что же такое ужасное вдруг здесь случилось.

Что выясняли между собой участковый милиционер и папа, откуда отряд пожарников извлек трех остальных Диминых ужей, что все это время кричала соседка, почему брандмайор записал номер не только дачного, но и служебного папиного телефона, зачем папе сунули в руки какую-то квитанцию, за которую он заплатил деньги, — в этом во всем Женька и не пытался разобраться. У него только одна мысль и была — как бы это все выдержать мужественно. Дима, например, был так спокоен, как будто ко всему случившемуся не имел ровно никакого отношения. Это он воспитывал в себе хладнокровие по методу... Женька никак не мог вспомнить, по какому методу, но совершенно точно представил себе, что за это хладнокровие им еще влипнет, потому что папа с мамой считают, что человек, что-то натворив, должен немедленно раскаиваться, а не стоять столбом, как будто он тут посторонний.

Правда, Дима все-таки несколько смутился, когда приехавший на «скорой помощи» врач, заметив какие-то подозрительные царапины у него на руках, вытащил из своего чемоданчика шприц и предложил им обоим снять штаны.

— Это еще для чего? — возмутился Дима.

— Для уколов, — объяснил врач.

Против чего-чего, а уж против уколов Дима взбунтовался принципиально, а за ним принципиально взбунтовался и Женька. Дима кричал, что он нигде не читал, чтобы человеку, воспитывающему змей, вкатывали бы за это уколы!

— Во-первых, — сказал папа, стягивая с Димы штаны, — настоящий человек воспитывает змей у себя дома, а не в гостях! Во-вторых, — кричал папа, — настоящий человек согревает змей только на своей груди, а не на груди

близкого родственника. — И он при этом содрал штаны с Женьки. — Вкатите этому укротителю, пожалуйста, двойную порцию, — сказал папа, указывая на Диму. — Я вас очень прошу!

Потом доктор пошел со своими инструментами на машину половину и стал там делать уколы Зинаиде.

А потом на даче наступила полная тишина. Все разошлись по своим комнатам и улеглись спать. И только изредка доносившееся «ой» из маминой комнаты говорило о том, что Зинаида, так же как и Женька, еще не спит.

Женька лежал, свернувшись калачиком под теплым одеялом, и, слегка потирая место укола, испытывал, как всегда в присутствии Димы, в одно и то же время два противоречивых чувства: с одной стороны он был рад, что спит один, без всяких там ужей... за компанию... а с другой стороны, может быть, было бы не так уж плохо, если бы рядом лежал, свернувшись колечком, такой желтенький, симпатичный и безвредный ужик.

С этими мыслями Женька и уснул, а когда проснулся, Димы на даче уже не было, он ушел с Зинаидой домой. Женька спросонья потер место укола и от неожиданной боли ойкнул. Затем повернулся на другой бок и увидел, что на его постели сидит мама — такая грустная-грустная!

— Ой! — сказал Женька громко, потом помолчал и добавил: — «Ой, цветет калина в поле у ручья!»

Потом он сунул руку под подушку и нащупал там записку. Записка была, конечно, от Димы. Женька загородился подушкой от мамы и стал читать. «Все в порядке! — писал Дима. — Подготовка к путешествиям продолжается. Жди указаний!!!»

**КАК КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА
ЧУТЬ НЕ НАУЧИЛСЯ ЧИТАТЬ МЫСЛИ НА РАССТОЯНИИ,
ИЛИ
ДЫМ В РЮКЗАКЕ**

— Так дальше не пойдет, — сказал Дима Женьке, — у тебя тут ни до чего не договоришься — все подслушивают, во все нос суют и вечно нас подозревают. Нужно что-то делать, и я придумал, что делать...

Дима все это говорил, забежав после обеда к Женьке, который с книжкой качался в гамаке. Женька уже совсем приготовился узнавать, что же это еще придумал Дима, но

в дверях веранды появился папа с очень решительным лицом и воскликнул:

— А, ты уже тут! Привет!

— Здравствуйте, — сказал Дима.

Папа подошел к Диме, похлопал его приветственно по плечу. Женька ужасно обрадовался -- подумать только, какой добрый и прекрасный человек его папа — все простил, все забыл: и ботинки, и змей. И теперь вот рад видеть Диму, до того рад, что не может оторвать от него рук. Женька просто залюбовался на эту картину.

А папа все продолжал хлопать Диму. Постучав руками по плечам, он стал хлопать его по животу, по спине и по бокам. А когда уж папа стал хлопать Диму по заднему месту и даже по ногам, Женька вдруг понял, что это он его не приветствует, а просто обыскивает. Обыскав Диму и не найдя ничего такого, папа на минуту задумался и сказал:

— А ну-ка, открой рот!

Дима открыл рот.

Папа заглянул ему в рот и сказал:

— Скажи — а-а-а...

Дима очень охотно сказал:

— А-а-а...

Не обнаружив ничего подозрительного во рту у Димы, папа стал выворачивать у него на курточке все карманы.

— Ничего, — сказал папа.

Дима вздохнул и пожал плечами — а что, мол, такого могло быть.

— Хорошо, — сказал папа, — может быть, все случившееся научило уже вас жить как все нормальные дети...

И папа ушел.

— Пойдем на реку, — шепотом сказал Дима. — Я там все оставил.

— Что ты там оставил? — испуганно спросил Женька.

— Увидишь...

И они пошли на реку. Там, в кустах Дима покопался немного и вытащил из травы старенький рюкзак. Он его едва вытащил — что-то в рюкзаке гремело и грохотало. Женька подошел поближе и пощупал рюкзак рукой. Там что-то было круглое и железное. Дима сел, достал из-за пазухи какую-то книжку и уткнулся в нее носом. Называлась книжка так: «Мои друзья из племени Нанкасе». Вспомнив, что это самое племя всего только и делает, что разговаривает при помощи дыма, Женька успокоился, даже не предполагая, что ровно через полчаса Дима подверг-

нет его таким испытаниям, перед которыми гибель любимых ботинок и возня со змеями будут выглядеть жалким и незначительным событием.

— Когда там, в театре начало? — спросил Дима, бросив неторопливый взгляд на часы.

— В семь часов... — легкомысленно сказал Женька.

Диму такое его сообщение о времени вполне устроило.

— Я тебе про это племя говорил? Говорил! А вот тебе доказательство. — И он стал шепотом читать: — «...но больше всего меня удивил случай в Африке среди племени Нанкасе. Заметив на горизонте дым, я указал на него проводнику Мзинга и сказал «Пожар». Мзинга всмотрелся вдаль и сказал: «Нет! Это наши люди сообщают, что в том месте у реки обнаружено много газелей». — Так что готовься! К чтению твоих и моих мыслей при помощи дыма.

И только сейчас Женька сообразил, что хуже этого испытания Дима, пожалуй, ничего не мог и придумать. Мало ли какая недостойная мысль может мелькнуть в голове даже самого порядочного человека. В конце концов, он сам с ней, возможно, не согласится, и даже будет стыдиться, что так подумал, но куда потом денешься, если эта самая мысль уже всем известна?

Женька тут же представил, какая может разыграться на этом несчастном для него берегу сцена, если Дима действительно сумеет (Сумеет! Сумеет!) при помощи дыма прочитать его мысли! Сначала к небу пойдет дым, потом туда же вместе с дымом повалят его мысли. Дима их, конечно, сразу же прочтает (Прочтает! Прочтает!) и заорет, конечно, на весь дачный поселок:

— Как?! — заорет Дима. — Что я вижу?! Он все еще жалеет о том, что мы съели его ботинки! И мечтает о какой-то кожаной курточке на молниях?! И думает, как бы ему увидеться с какой-то девчонкой из соседней дачи? Боже мой! И я эту скареду, этого пижона, этого донжуана принимал за порядочного и смелого человека!!!

Нет, сейчас же, сию же минуту надо было отговорить Диму от этой ужасной затеи.

— Слушай, Дима, — сказал Женька, — а почему бы нам не изучить азбуку Морзе? С ее помощью тоже можно передавать мысли на расстояние!

— Азбуку Морзе? — зашипел Дима. — Связываться с разными там передатчиками?!

— Тогда, может быть, можно передавать мысли при помощи тамтамов? Я читал про такие барабаны... Или еще я читал про слоновьи бивни, — сказал Женька. — Если в них погудеть, то можно передать мысли на триста километров...

— Барабаны! Бивни! — сказал Дима. — Тебе же нужно секретно передать секретные мысли, а не барабанить и не гудеть по секрету всему свету!

Женька подумал, какую бы еще найти отговорку, и спросил:

— А штраф-то как?

— Какой еще штраф? — удивился Дима.

— Десять рублей... постановление Моссовета... в дачной местности нельзя разводить огонь...

— Огонь нельзя, — сказал Дима, — а дым можно!

— Так ведь дыма без огня не бывает?

— А это что, по-твоему? — спросил Дима, подмигивая и хлопая по рюкзаку.

— А что это такое? — спросил Женька.

— Дым без огня! Вот что это такое!

Дима, наконец, развязал рюкзак и, оглядываясь по сторонам, вытащил из него круглую металлическую коробку с ручкой, похожую на кассету для кинолент, только потолще, и поднял ее к Женькиному носу.

— Шашка нейтрального дыма, — прочитал Женька на этикетке, морщась от неприятного запаха. — По спецзаказу Мосфильма.

— На киностудию за ними специально ездил, — сказал Дима. — Три часа пиротехника уговаривал. Еле уговорил.

«Ну, все, — подумал Женька про себя, — не пройдет и часа, как я на глазах у Димы погорю со всеми своими жалкими мыслями!»

— Слушай, — сказал Женька. — А почему бы нам с тобой...

Но Дима не стал больше Женьку слушать.

— Конечно, — сказал он, — есть такие горе-товарищи, которые и дыма боятся как огня... и для которых штраф в десять рублей дороже интересов всего человечества, и которые могут придумать миллион отговорок, только чтобы...

С этими словами Дима повалился на песок и стал изо всех сил переживать Женькину трусость и скупердяйство.

А Женька? Разве Женька мог перенести, чтобы Дима принял его за какого-то труса, не годного ни для одного стоящего дела? Нет, он не мог этого перенести, он встал и сказал:

— Хорошо, Дима, я согласен читать дым! Только давай не с помощью шашек, а с помощью папирос?

Женька думал, что от папирос мало дыма и Дима не сможет тогда прочитать все его мысли.

— Никаких папирос! Только шашки! — заорал Дима.

В кустах кто-то прошумел или что-то прошумело, и Дима мгновенно спрятал в траве и пустой рюкзак, и коробку с шашками. На поляне появился папа. Он подозрительно посмотрел на них и спросил:

— Значит, шашки?

Женька чуть не умер от ужаса, что папа обо всем догадался, а Дима почему-то совсем спокойно сказал:

— Шашки!

— Шашки — это хорошо, — сказал вдруг папа, глядя на обложку Диминой книжки, — и книжки — это тоже хорошо! И шахматы тоже... хорошо! Шашки и шахматы я оставлю на веранде. Мы уходим, и я надеюсь, я надеюсь... я надеюсь... дача пустая... Вы меня поняли?

Женька пошел проводить папу до калитки, чтобы заодно выслушать все его инструкции, а когда он вернулся обратно на берег, там уже все было готово к чтению дыма.

Две шашки были уже извлечены из рюкзака и положены на землю недалеко друг от друга, рядом с кирпичами для сидения. Шашки оставалось только зажечь, что Дима

сразу же и сделал при его появлении. Стоя на коленях спиной к Женьке, он посмотрел на часы, чиркнул спичкой, и тотчас же из-за его головы словно бы вылетела стайка черной мошкары. Дима обернулся, посмотрел на Женьку и потер руки.

— Сейчас... — сказал он. — Сейчас мы узнаем, чем ты дышишь...

Женька присел с закрытыми глазами на кирпич и, чтобы Дима не узнал, чем он дышит, стал, как попугай, твердить: «Мне не жалко, что мы съели ботинки... мне не жалко, что мы съели ботинки...»

Дым лез Женьке в глаза, поэтому он еще и жмурился, и морщил нос.

— Глаза открой! — закричал Дима. — Дым читают с открытыми глазами!

Женька открыл глаза и увидел, что из его шашки дым идет какого-то подозрительного черного цвета. При виде этого дыма он сразу же перестал думать о своих ботинках.

«Ой, ой, ой! — подумал он, — какой-то уж больно страшный дым... как бы пожара не было...» И еще он подумал, что сейчас Дима посмотрит на его дым, прочтает его и, вероятно, заорет: «Что я вижу? Из шашки идет обыкновенный дым, а этот неврастеник думает о пожаре! Трус! Ничтожная личность!»

Но вместо этого Дима почему-то закричал совсем другое.

— Слушай! — закричал Дима. — А почему это у тебя такой жидкий дым?!

Женька в первый раз посмотрел на Димин дым. Действительно, по сравнению с Диминым дымом Женькин дым представлял прямо-таки жалкое зрелище! Из Диминой шашки дым валил, как из паровой трубы, а из Женькиной поднимался какой-то жалкой струйкой.

— Э-э-э! — закричал Дима. — Да ты, наверное, ни о чем не думаешь.

— Как это не думаю! — закричал Женька. — Я думаю!

— А почему же у тебя такой жидкий дым? — не унимался Дима.

Женька хотел сказать, что, вероятно, какие мысли у человека, такой и дым у него, но удержался и только раскашлялся, потому что дым продолжал лезть и в глаза, и в рот, и в нос!

— Придется тебе еще одну шашечку под нос добавить! — сказал Дима, тоже кашляя.

С этими словами он достал из коробки еще пару шашек и запалил их.

Одну шашку Дима оставил себе, другую поставил Женьке под самый нос и стал ее раздувать. Из второй шашки повалил не только дым, но и полетели искры. При виде искр мысли о пожаре вспыхнули в Женькиной голове с новой силой, и он стал думать о том, что будет, если дача и вправду загорится.

Все, наверное, сгорит. И даже бабушкин железный сундук, куда папа с мамой сложили все кожаные вещи и предметы. И еще Женька подумал, что если Дима прочитает сейчас его мысли, то это будет не так уж плохо. В конце концов, лучше пусть он сам погорит со своими мыслями, чем дача со всем имуществом.

— Дима, — сказал Женька, — ну, ты хоть одну мою мысль уже различил в дыму?

— Нет еще, — сказал Дима, тоже кашляя и чихая.

«Что же делать? — подумал Женька. — Пока Дима сумеет различить в дыму мои мысли, пройдет, может быть, час, а может быть, и больше, а дым идет все гуще, и искры летят вовсю, и запахло уже чем-то паленым...

— Сейчас узнаем, о чем он думает... — прошептал Дима.

А Женька, чтобы хоть как-то помочь Диме и спасти положение, начал думать вслух:

— Я, — сказал Женька, — думаю сейчас о том, чтобы пожара не было.

А Дима и не слышал его голоса, он сам заорал:

— Сидишь неправильно! Далеко от дыма сидишь! Так, конечно, никакие мысли не прочтешь!

— Ничего себе — далеко! И так дышать нечем!

— Надо в самом дыму сидеть! — кричал Дима. — Чтобы мысли дымом пропитались, а дым — мыслями! Вот как надо!

С этими словами Дима сунул запросто свою голову прямо в дым, подержал немного, а потом вытащил обратно. Белое Димино лицо после этого сразу же превратилось в негатив. А по щекам его побежали слезы. Затаив дыхание, Женька повторил Димин маневр и тоже тихо про себя разревелся.

— Так, — сказал Дима, плача. — Теперь глотни его!

Женька глотнул. Ему уже было все равно, лишь бы Дима прочитал его мысли про пожар.

— Так, — сказал Дима, чихая, кашляя и плача. — Теперь другое дело! Теперь гораздо лучше!

Может быть, Диме действительно стало лучше, но когда Женька еще раз сунул голову в дым и потом еще раз глотнул его, ему сразу стало гораздо хуже. Он опять зачихал и закашлялся, а по лицу у него побежали тройные слезы — одни из-за того, что дым ел глаза, другие оттого, что ему ужасно стало жаль дачу, третьи потому, что Дима и после глотания дыма не смог прочесть ни одной его мысли. А дым стоял над ними, как над морской эскадрой, и спины уже почему-то пекло.

— Сейчас узнаем, узнаем, о чем он думает! — бормотал про себя Дима.

Тогда Женька не выдержал и просто заорал.

— Не знаю, — заорал он, — о чем ты, Дима, думаешь, а я лично думаю о том, что наша дача уже горит! И нам с тобой, Димыч, надо не дым читать, а пожар гасить!

А Дима тоже заорал:

— Что ты мне про свои мысли кричишь! Ты мне про мои мысли кричи!

А Женька закричал:

— Свои мысли ты и сам знаешь! А мои не можешь прочитать, не можешь!

А Дима опять за свое:

— А я почему не могу их прочитать? Потому, что мой дым перепутался с твоим дымом и я не могу различить свои мысли от твоих!

Женька заорал пуще прежнего:

— И все ты врешь! Мои мысли сейчас о том, что надо звонить по ноль один! А все остальные мысли — это твои, а не мои вовсе!

И тут, вместо того чтобы сказать спасибо Женьке за помощь в прочтении мыслей, Дима вдруг ужасно рассердился:

— Некоторые типы говорят слова, чтобы скрыть свои мысли, только со мной такие штучки не пройдут! Нас не собьешь!

Но к этому времени Женька уже так нахватался дыма, что ему все равно было, что там думает о нем Дима, ему так стало все равно, что он перестал помогать Диме читать мысли и совсем перестал интересоваться тем, что думает его

троюродный брат. Он обернулся на дачу и увидел, что все окна у нее такие, как будто в комнатах кто-то проявляет при красном свете. Тут уж он просто завопил:

— Пожар! Пожар! Пожар!

Вероятно, его мысли о пожаре если не Димке, то кое-кому все-таки удалось прочитать. Потому что над дачей вдруг появился в воздухе вертолет, а со стороны речки, преодолевая дымовую завесу, стал подруливать катер речной милиции. А в глубине дыма за оградой раздались громкие голоса...

Как мама и папа Женьки и сестра Димки Зинаида наткнулись на них в черном тумане? Из-за чего мама упала в обморок? Что кричал командир пожарных, когда обнаружил дымовые шашки и не обнаружил никакого пожара? И что после этого началось? Как реагировала на все соседка Женьки, еще не успокоившаяся после истории с питомом? Почему милиционер с катера записал телефон? Чем пригрозил брандмайор Женькиному папе? Об этом нужно писать совершенно особенный рассказ. Сейчас можно сказать только о том, что Женька и Дима вели себя мужественно и героически. Дима потому, что это был его принцип. А Женька оттого, что уже ко всему привык. Конечно, как всегда, их спокойное состояние рухнуло, как только приехал врач на «скорой помощи». Он установил у обоих отравление угарным газом, правда не очень тяжелое. Врач достал две кислородные подушки и заставил Женьку с Димой дышать кислородом. Потом он заставил нюхать нашатырь, потом заставил раздеться и растер с ног до головы, а потом хотел обложить обоих грелками.

Дима все терпел, но из-за грелок просто взбунтовался. Взбунтовался и Женька.

Дима вопил, что он нигде не читал, чтобы, например, путешественникам, которые читали мысли с помощью дыма, давали после этого нюхать нашатырь и обкладывали грелками.

— Во-первых, — сказал Женькин папа, — вы дым не читали, вы его просто нюхали... Во-вторых, — сказал Женькин папа, — для того чтобы читать мысли на расстоянии, надо иметь не только расстояние, но и мысли...

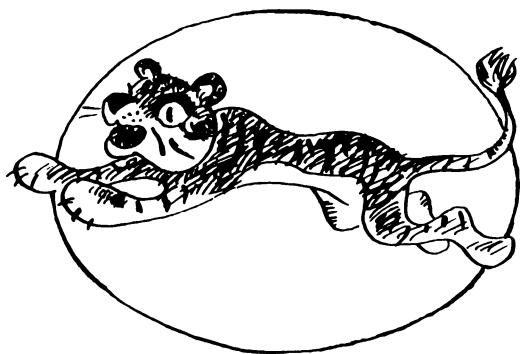
Женьке показалось, будто отец хотел что-то сказать «в-третьих», «в-четвертых» и «в-пятых», но доктор сказал,

что им нужен полный покой и тишина. После этого все ушли. И Женька с Димой остались в полной тишине и в полном покое.

Если не считать покашливания, Женька и Дима лежали молча. Судя по выражению Диминого лица, он опять обдумывал что-то совершенно невероятное. Но с Женькой он пока об этом не разговаривал, и Женька вдруг забеспокоился, что Дима почему-то больше не хочет, чтобы он в чем-то невероятном участвовал. Но убедившись, что ни с дымом, ни без дыма Дима все равно не прочтает ни одной мысли, Женька, как всегда, но почему-то с еще большим наслаждением предался своим ничем не выдающимся мыслям...

От автора

Вот вам пока шесть историй из полной приключений жизни капитана Соври-головы, то есть капитана Сого, то есть просто Димы Колчанова и его троюродного брата Женьки. Женька, конечно, напрасно испугался, что Дима больше не станет принимать его в свои невероятные происшествия. Пройдет день, и капитан Соври-голова предложит ему лететь в космос. Это происшествие было невероятнее всех, уже случившихся. Но об этом в следующий раз.

Олимпийские тигры

Юмористическая повесть

Было без пятнадцати семь. Влажный тихий ветер дул с моря. Пахло водорослями, прохладным песком и флоксами. Мягко шумели листья старого платана в углу за гаражами. Остап и Женька сидели на скамейке, никем еще не занятой в такой ранний час, в пустом пока дворе. Женька ел апельсин и смотрел, как сиамская кошка Лены Гуляевой, самая красивая кошка самой красивой девочки во дворе, зачем-то ходит по перилам балкона да еще при этом лижет свой бок. Должно быть, Женьке хотелось, чтобы она упала, и он тогда на деле убедился бы, что кошки не разбиваются. Остап не спускал глаз с балкона Ларионовых.

Без семи семь тонкая штора на дверях балкона остро вздулась, как палатка, снова повисла, отлетела в сторону. Сначала показался бамбуковый шест, потом сам Гена Ларионов, белоголовый, загорелый, в роскошной белой майке с тигром на груди, оскалившим розовую пасть. Гена такой человек, единственный, конечно, человек в городе, который почти никогда не выходит из дверей. Он просто спускает с балкона шест и соскальзывает по нему вниз. Гоп-ля! Он на земле. Что ему стоит? Ничего не стоит — потому что он лучший прыгун во дворе (с шестом!). Лучший прыгун на школьной спортплощадке (без шеста!). А может быть, лучший прыгун в городе среди мальчишек! (И с шестом и без шеста!)

Размахивая авоськой, в которой лежал кошелек, Гена шагал в магазин. Каждое утро в это время он ходил в магазин за хлебом и кефиром. Теперь нужно было пристроить-

ся к нему поближе и как-нибудь обратить на себя внимание. Вчера Остапа и Женьку прогнали со спортплощадки и не разрешили прыгать. Только Гена Ларионов мог исправить бедственное положение — и Остап и Женька больше всего на свете хотели научиться прыгать так же, как он.

Можно, конечно, было просто сказать: здравствуй, Гена! Но из этого, конечно, ничего бы не вышло. Он бы сказал: здравствуйте, бычки — и пошел бы дальше, не обращая на них внимания. Не обратил же он внимание вчера на то, как их выгоняли! Его надо было заинтересовать. А чтобы Женька-растяпа не помешал и не ляпнул что-нибудь очень уж глупое, Остап немедленно купил ему за воротами эскимо на палочке. Шоколадное. Женька, едва не наступая на пятки Гене, принялся с апетитом его уплетать.

— Ну, как тебе понравился фильм «Черная гора»? — громко спросил брата Остап.

— Угу, — сказал Женька.

— Я тебя спрашиваю всерьез, ты и отвечай всерьез...

— Черная гора — плохой слон, — сказал Женька. — Он плохой, потому что убил своего сына.

Геннадий шел, постукивая шестом, и не обращал на них внимания.

— Эх, ты! — еще громче сказал Остап. — Ты ничего не понимаешь! Он не сына убил... он убил...

Никак не придумывалось, что же именно слон убил. Наконец, Остап завопил с облегчением:

— Он убил в нем... гадость!

Женька чуть не подавился. И, кажется, наконец проснулся по-настоящему.

— Какую еще гадость?

— Ну... эту... болезнь же! Сумасшествие! Сын же его сошел с ума.

— Он не сошел с ума, — убежденно сказал Женька, обсасывая палочку. — Купи мне, пожалуйста, еще. Он был дикий... Вот. Вообще в кино показывают ерунду. Вот, например, я видел... честное слово... эти рыцари, когда писали письма, потом брали перечницу и посыпали письма перцем. Скажи, зачем посыпать письма перцем? Чтобы потом другие чихали?

Остап открыл было рот, чтобы сказать что-нибудь умное о промокашках, которые тогда еще не придумали. Но

вдруг расхохотался Гена. Он расхохотался так, как будто с самого начала весь их разговор слышал и просто из деликатности делал вид, что не слышит. А тут не выдержал.

— Ну, даете! — сказал он. — Привет, бычки! Куда это в такую рань?

— Гуляем, — солидно сказал Остап. Сердце его переполняло восторг.

Они как раз подошли к магазину. Гена поставил свой шест возле витрины.

— Можно, мы покараулим? — робко спросил Остап.

— Да, покараулим... — сказал Женька, косясь на мороженщицу. У нее на лотке рядом с разной мелочью лежал в большой пестрой пачке сливочный пломбир.

— Ну, что же... — великодушно согласился Гена, — караульте, раз вам охота... — и исчез в дверях.

За мутным стеклом, похожие на снегурочек, расхаживали за голубыми прилавками продавщицы. Остап с восхищением смотрел, как Гена в своей прекрасной майке выбивал чек. Он с блаженством ощущал ладонями гладкую поверхность шеста. Он уже представлял себе, как бежит по дорожке сам, как отталкивается — сам, как летит, летит — сам! И приземляется, словно космонавт в невесомости, утловато, но точно.

— Купи пломбир... — заныл Женька.

— Мы копили на кино...

— Купи пломбир!

Остап тихонько пнул брата. Женька опомнился — из магазина выходил Гена.

— Можно, мы шест немножко понесем? — краснея, спросил Остап.

У Гены было отличное настроение.

— Ну, несите... чудаки...

По улице шли три человека. Один высоконький и тонкий, легкий и сильный в своей прекрасной майке с ревушим тигром на груди. А за ним — два мальчишки ему по плечо. Со счастливыми лицами они оба с разных сторон держали шест, как штандарт. Милиционер посмотрел на них и улыбнулся. Какая-то девчонка с рыжей косичкой открыла рот и перестала прыгать через скакалку.

Утро было солнечным и не предвещало тревог.

Мама уронила пудреницу. Пудреница упала набок и закатилась под штору. Этого не заметили ни мама, ни Надя. Мама считала плохой приметой что-либо ронять. Особенно с утра. Это значило, по ее понятию, что день будет неудачным. Мама верила в приметы. Возможно, поэтому ее старший сын Леонид стал психотерапевтом — из чувства противоречия, которое он чувствовал почти с пеленок. А Надя, младшая ее дочь, пошла еще дальше — она была намерена в будущем стать крупным врачом-психиатром.

— Все... — горько сказала мама, — все... сегодня я либо не успею сдать квартальный отчет, либо в нем будет ошибка. Только бы не случилось, боже упаси, чего-нибудь с Леонидом в командировке. Вот чего я боюсь.

Она стала искать пудреницу, но пудреница как будто спряталась.

— Надя, — убито сказала мама, — помоги же найти! Ничего не успеваю, а тут еще...

— Вот она! — воскликнула Надя.

И обе они остановились у окна. Мама с пудреницей и пуховкой в руках, а Надя просто так.

— Ты с утра свари суп... — сказала мама.

— У нас же тренировка! А потом сегодня наши спортсмены улетают на олимпиаду, и я сейчас поеду в порт... аэро...

— Господи... — сказала мама, махнув рукой.

Двор оживал. Бабушка Антона Филимонова вывела прогуливать сеттера по кличке Казбек. Он носился, тряся ушами. Наде казалось, что они при этом брякают. Толстый сердитый сосед из первой квартиры Иван Иванович вывел из гаража свою новенькую, последней марки «Волгу» — она была черная и невероятно блестя.

— Нет, ты посмотри... — Мамина рука повисла в воздухе, между носом и зеркальцем. — Ты только посмотри...

Во двор входили Гена и его шестопалы.

— С таких-то лет! Ведь он может просто зазняться!

— Зазняться? — озадаченно спросила Надя.

— Еще бы! С чего это вы вчера, например, вздумали хором кричать под его балконом — Ларионов, Ларионов!

— Но, мамочка, мы же просто так... ну, шутя...

— Вы, может быть, и шутя, — ответила мама, одевая туфли, — а он, может быть, и всерьез...

— Это тебе все Леонид наговорил, — сказала было Надя, но мама уже захлопнула дверь, каблуки ее уже стучали по лестнице.

А Надя бросилась к книжному шкафу. Там в зеленых, коричневых, серых папках, пронумерованных, как в суде, туго связаны были суровыми тесемками сотни судебных зазавшихся спортсменов. Кто? Как? Почему?..

— Нашла! — вскричала Надя, вытягивая одну из папок и ощущая легкую дрожь в пальцах. — Кажется, нашла! И придумала! Для того чтобы Ларионов Геннадий не зазнавался, надо чтоб он зазнался!!!

Ничего не подозревающий Гена белозубо улыбнулся Антону Филимонову, своему другу, который делал на балконе вдох-выдох. И, оттолкнувшись шестом, приземлился на своем балконе вместе с авоськой. Остап и Женька, задрвав головы, восхищенно смотрели вверх.

Утро разделило двор пополам. На одной половине солнечно, на другой — широкая зубчатая тень от домов. В тени дремотно, еще влажен от ночной росы асфальт и трава свежа, как в лесу. Подергивая спиной, торопливо подбирая лапки, кошки перебегали тень, как лужу, торопясь на солнечную сторону.

Надя выбежала из подъезда так стремительно, что распугала всех кошек. Она опаздывала. Хорошо еще, что они жили близко от аэродрома. Надя вскочила в трамвай. Первая группа олимпийцев уже поднималась по трапу самолета. Грохал барабан. Гремели трубы. Дирижер вытирал платком потный лоб. Цветы качались над головами. Надя врзалась в толпу провожающих и увидела Юрку Гусева возле гимнасток сборной СССР. Юрка говорил одной из них, самой юной, сахарным голосом:

— Извиняюсь, вас, конечно, в столице причесывали?

— Нет... — наивно ответила гимнастка, счастливо и растерянно глядя по сторонам, — дома... в Казани...

— А-а-х! — картинно удивился Гусь. — Надо же, плиз пардон, уже и туда докатилось?!

Гусь презирал всякую беготню за автографами. «Подумаешь, — говорил он себе. — Сегодня ты, а завтра я. Не обязательно в спорте, подумаешь!» И, глядя вслед юной гимнастке, представлял такую картину.

Она проходит к нему в парикмахерскую, с умильным лицом проталкивается через толпу истомившихся клиенток и говорит: «Юрий Михайлович! Я умоляю... я знаю, что

только вы... мне через три часа улетать!» — «Какие могут быть разговоры! — воскликнет он. — Гусев никогда не сорвет такое мероприятие. Плиз пардон, мисс!»

Он в белом халате, у него длинные пальцы — пальцы Паганини, как говорит дядя Женя, — и этими пальцами он сделает чудо женственности из этой маленькой вихрастой головы! Вот это автограф!

— Здравствуй, Гусев, ты заснул, что ли?

Гусь очнулся от мечтаний. Перед ним стояла Надя.

— Ах, это ты? Олимпийцев пришла провожать! Как же! Они тут извелись... Где Надя? Где Надя?

— Где Надя? — спросили звонко, и из-за тумбы с афишами выбежала Лена Гуляева, красная, запыхавшаяся. — А я тебя совсем потеряла!

— Что я говорил? — сказал Гусь. — Срываешь! — сказал и, шмыгнув носом, гордо удалился.

— Шестовики идут! — взволнованно сказала Лена. — Вон там, где щит с плакатами!

Она потащила Надю сквозь толпу.

— Ой, что я тебе скажу, что скажу, Ленка... Я что придумала!.. Безумная идея! Совершенно безумная! В духе Нильса Бора.

— погоди... — Она посмотрела в ту сторону, где Гена Ларионов брал автограф.

— Это Бузынин, — сказала Лена. — Узнаешь? — а сама не сводила глаз с Ларионова.

У Гены было спокойное, ясное лицо. Такое же, как у Бузынина.

«С ума можно было сойти, до чего все складно получалось! Можно начать...» — подумала Надя.

— Простите... — сказала она, становясь рядом с Геной. — Это не просто школьник, товарищ Бузынин. Это ваша смена, растущая.

— Красота, — шепнула ей Лена. — Ленька Толкалин снимает!

Надя увидела — из-за щита с плакатами Леня Толкалин высунул свой киноаппарат. Он снимал тот самый момент, когда знаменитый шестовик говорил пока еще не знаменитому:

— Честное слово? Прыгаешь?

— И знаете, как прыгает! — вскричала Надя. — Выше всех во дворе, выше всех в школе, четыре метра пятьдесят сантиметров!

— Молодец! — восхитился олимпиец, высокий и прекрасный, как олимпийский бог. — Молодец! Только тебе с шестом еще рано.

— Да я не с шестом, — сказал Гена, — я с палкой, с бамбуковой...

Ларионов покраснел, как девчонка. А Надя тараторила:

— У него такая техника прыжка... такая... Талант!

— Сначала через планку прыгай, — посоветовал чемпион.

Сквозь толпу протиснулся репортер. В клетчатой рубашке, в панаме, похожей на детскую. Ослепил вспышкой, схватил рукой Ларионова, который хотел, жаждал исчезнуть немедленно! Репортер сказал:

— Постойте, молодой человек, вы кто?

— Наша растущая смена, — ответил олимпиец охотно, — наше ближайшее будущее!

— Чемпион двора, — подсказала Надя.

— Да я... — сказал было Ларионов, смущаясь.

— Прекрасно! — воскликнул репортер. — Великолепно! Чемпион союза и чемпион двора! Эстафета поколений!

Он это молниеносно записал, все так же держа Гену за рукав той рукой, в которой был блокнот. Ему было неудобно, но репортер боялся, что Гена убежит — такой у него был вид.

— Ваша фамилия, юноша...

— Да я... — опять начал недовольно Ларионов.

— Ларионов, Ларионов Геннадий... — четко подсказала Надя и строго посмотрела в блокнот репортеру — правильно ли записал. — Прекрасный прыгун!

Леня Толкалин работал — киноаппарат трещал упоенно. Вот олимпиец подает руку Гене... Какой сюжет! От «а» до «я»! Какие у них лица! И тут в объектив всплыла цветущая весельем физиономия Юрки Гуся.

— Привет! — сказал Юрка. — Ну, как вписываюсь?

— Что ты натворил! — завопил Леня плачущим голосом. — Теперь у меня нет концовки! Ты испортил исторический кадр!

— Как знать... — многозначительно сказал Гусь. — Как знать... Может быть, украсил!

Леня только и услышал, как олимпиец сказал, уходя:

— Счастливо оставаться, коллега чемпион!

А Ларионов закричал вслед:

— Высокого вам шеста!

Гусь отошел. Снимать уже было нечего. Леня Толкалин расстроенно прислонился к щиту. Такие кадры погибли! Через несколько лет им цены бы не было! Законченный сюжет...

«Какой удачный день!» — подумала Надя с ликованием.

3

В ту минуту, когда Лена Гуляева безрезультатно звонила в квартиру Толкалиных, Надя выбежала из подъезда с криком:

— Форум на кворум!

За дверями надрывался звонок и больше ничего не было слышно. Лена решила, что Леонид проявляет пленку, а когда он это делает, можно разбиться у его порога в мелкие дребезги — он не выйдет. Надин крик «форум на кворум» еще никому не был понятен кроме Антона Филимонова, Вениамина Капитончика и самой Лены. Даже Леня еще не знал о том, что Надя задумала, да и мальчишки знали только наполовину. Но этот ее крик уже смешался с другими голосами, среди которых Лена узнала ленивый голос Филимонова, недоверчиво относящегося ко всем Надиным затеям, и смешливый голос Ванюши, у которого была внешность восточного мальчика, такого восточного, что он мог бы играть Оцеолу в одноименном фильме. Он был самбистом и таким болельщиком Гены, что его никак нельзя было в кворум включать. «Нет, — сказала Надя на улице. — Ты, Ванюша, с нами не ходи, это все пока секрет». — «Ха-ха! — сказал Ванюша. — Секрет на весь свет!» Это означало, что он обиделся и теперь его силой в кворум не затащишь, даже если понадобится, а подслушивать он и вовсе не станет. Стало быть, все собрались, кого Надя звала, не хватало только Лени. А для кворума он был нужен позарез. Лена нажала на кнопку звонка и не отпускала ее, пока дверь вдруг не распахнулась с грохотом. На пороге стояла глухая Ленина бабушка в розовом стеганом халате, сама розовая, как младенец.

— Ах, как нехорошо! — сказала она. — Вы меня почти вытащили из ванны.

— Но куда делся Леня? — спросила Лена, забыв извиниться.

— Ах, как нехорошо! — повторила сурово бабушка и захлопнула дверь.

— Он же сорвет... — сказала Лена почтовому ящику в орденах — он был сплошь заклеен заголовками газет с орденами. — Он все сорвет... — И Лена помчалась вниз, на улицу, к беседке, где между цветущих ипомей уже торчала клетчатая спина Антона Филимонова и белесая голова Вени Капитончика.

Лена влетела в беседку, когда Надя раскладывала на столе свои папки.

— Его нет!

— А я его предупреждала! — удивилась Надя. — Это ему отразится!

— Он где-нибудь висит, карабинчик заело, — снисходительно сказал Антон. — Он теперь висит и что-нибудь снимает... а может, уже снял, и теперь надо снимать его...

Леня занимался альпинизмом, потому что мечтал когда-нибудь сделать потрясающий фильм об альпинистах, и уже дважды висел — на водосточной трубе собственного дома и на дереве возле центрального универмага, когда снимал его открытие. Это Антон и имел в виду.

— Он не имеет права снимать что-нибудь не такое сейчас, — холодно сказала Надя, — и тем более висеть... когда у нас первое заседание с двумя вопросами. Тут ему не Альпы. Он нужен нам. Венья, фиксируй... то есть веди протокол, раз так.

Надя подтолкнула по столу карандаш и тетрадь Капитончику. Тот вздохнул и взял — он не умел отказываться. Капитончик был худ и длинен и очень неуклюж. Он никогда и нигде не мог толком разместиться, он мешал себе сам и всем другим рядом. Но он был добрым мальчишкой, и это терпели. Надя мягко сказала ему:

— Ты только не толкайся, а то у меня папка из-за тебя падает... На повестке дня два вопроса... — Надя встала, сдвывая со лба давно не стриженный чубчик.

— Толкалин идет... — спокойно сказал Филимонов, — со скрипочкой. Полюбуйтесь!

Леня шагал через двор рядом с Виолеттой Левской. Он шагал, что-то такое ей рассказывая, — у него очки сползли на самый кончик носа, а он не замечал. Виолетта смеялась, и два локончика прыгали над ушами, как пружинки. Виолетта походила на смуглого чертика.

— Леонид! — ужасным голосом сказала Надя. — Мы же тебя ждем!

Леня и не подумал остановиться.

— Толкалин, ты что — глухой?

— Сейчас... — сказал Леня облаку в небе и поправил очки. — Я только помогу Вите донести скрипку.

Надя чуть не вывалилась из беседки.

— Это что еще за телячьи нежности? Сама не донесет?

— Я всегда помогаю ей нести скрипку, — вежливо сказал Леня, — у нее пальцы...

— Ах, пальцы! — изумилась Надя. — А мы и не знали! Толкалин, ты кворум срываешь! А ты, Вита, не строй, пожалуйста, из себя лауреата международного конкурса!

Пружинки подпрыгнули над ушами Виолетты.

— А что мне строить? Я и так лауреат международного детского конкурса в Брюсселе!

Это могло убедить кого угодно, но не Надю. Она сказала сухо:

— Это ничего не значит. Другие тоже лауреаты, но не строят из себя, а ты строишь. Толкалин, иди заседать!

— Все я... — уныло сказал Леня. — И снимай, и записывай, и заседай...

— Снимаешь ты как форум, а заседаешь как кворум, — сказала Надя. — Я бы на твоем месте гордилась, что ты и кворум, и форум. Вон Ларионов чемпион, а у нас он только форум! Отдай скрипку Левской, сама донесет.

— Форум, кворум, борум, норум... — сердито сказала Вита и убежала со своей скрипкой, потому что из окошка ее квартиры кто-то кричал:

— Вита, скорее, тебе Федор Федорович звонит!

А Федор Федорович был Витиным преподавателем.

Леня грустно посмотрел ей вслед, вздохнул, втиснулся между Капитончиком и Филимоновым, обреченно открыл магнитофон и спросил:

— Ну, что я опять должен?

Надя молча посмотрела на всех по очереди. Потом таинственно похлопала по самой толстой палке.

— У моего бра... у нас, — сказала она, — здесь законспектированы все взлеты и падения чемпионов Олимпийских игр с донашей эры до нашей эры. Не каждый может выдержать испытание славой...

— Интересно, а к чему ты это все? — подозрительно спросил Антон, хмуря широкие брови и трогая пальцем

собственный бицепс на правой руке, у него такая была привычка — проверять свои бицепсы, как будто они могли куда-то исчезнуть.

— Я предлагаю... — очень тихо сказала Надя. — Я предлагаю... зазвать Ларионова! — и оглянулась за беседку на всякий случай, не подслушивает ли кто.

— Это еще зачем? — удивился Антон.

— А затем, что лучше зазывать его сейчас, — горячо сказала Надя, — пока бацилла славы еще глубоко не пустила корни. Лучше переболеть славой сейчас, чем в будущем! Он сам увидит, что это такое, и тогда уж будет иметь прочный иммунитет против звездной болезни! И еще спасибо нам скажет.

— Ну уж нет, — сердито сказал Филимонов. — Я не позволю вам портить нашего с-измала-рекорд-бея! Друг я ему или не друг?

— Не друг! — вскричала Лена. — Не друг, раз не хочешь помочь ему зазваться! Вот. Кто лучше всех прыгает? Ларионов! Кто надежда нашего дома? Ларионов! А кто, может быть, в двадцать лет станет надеждой нашей страны? Ларионов, может быть...

— Мы должны его сохранить для большого спорта, — заключила Надя. — Толкалин, записывай!

— Записываю, — запоздало сказал Толкалин и записал сам себя. — Вон что придумали... Безумная идея!

— Мы живем в век безумных идей, — отрезала Надя. — Это не я сказала, это Нильс Бор сказал. Что он еще сказал? — спросила она Лену.

Лена с готовностью раскрыла папку.

— «Перед нами безумная теория. Вопрос в том, достаточно ли она безумна, чтобы быть правильной».

— Ерунда какая-то... — сказал Антон и проверил бицепс на левой руке. — Это тебе не физика, а спорт.

— А в этом что-то есть... — сказал Капитончик.

— Вот! — обрадовалась Надя. — Вот именно! Мой брат что говорит? Он говорит, что все идеи, и безумные тоже, проходят три этапа: первый — «бред какой-то!» Второй этап — «а в этом что-то есть!» А на третьем этапе все кричат «ура» и говорят, что помогали.

— Ура! — крикнул Ленья Толкалин и записал сам себя.

— Да у него на пять лет вперед расписан план атлетическо-аскетических тренировок! — вскочил со скамейки

Антон и стал пробираться к выходу. — Я все эти ваши штучки и слушать не хочу!

— А я сегодня ни в какое кино не пойду... — сказала вдруг Лена загадочным голосом и принялась накручивать на палец прядь своих прекрасных русых волос.

— В какое еще кино? — удивилась Надя.

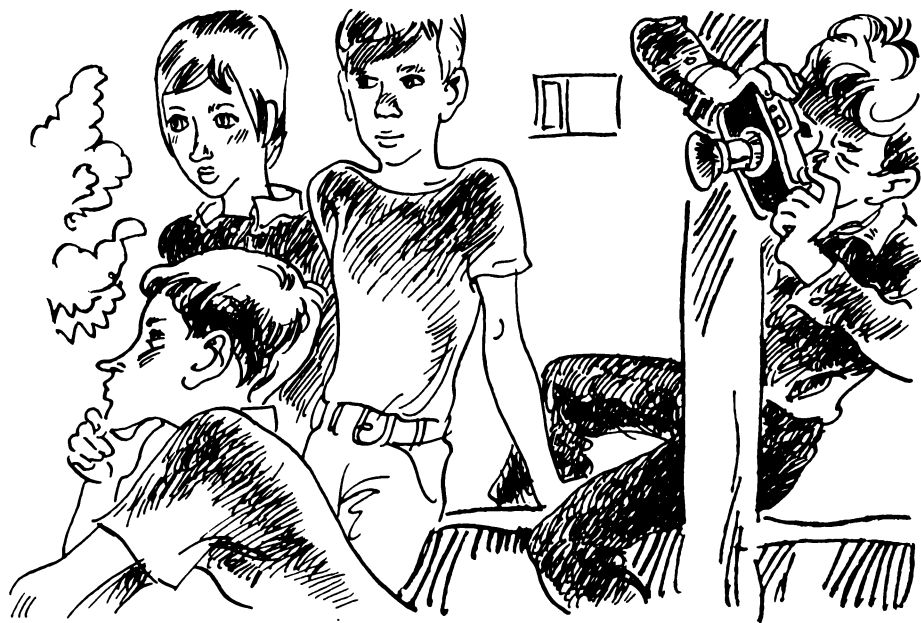
Антон Филимонов остановился. И Надя с отчаянием сказала ему:

— Да ты послушай! Ты думаешь, я просто так? Мы же с Леной изучили все эти Олимпийские игры до нашей эры с семьсот семьдесят шестого года до триста девяносто третьего года нашей эры, а потом, начиная с девятнадцатых Олимпийских игр...

Тут Лена забубнила, уткнувшись в палку:

— ...которые возродились в тысяча восемьсот девяносто шестом году в Афинах благодаря усилиям французского барона — педагога Пьера де Кубертена...

— Да, — сказала Надя. — Вот именно. И мы сделали

выводы, серьезные, и законспектировали все взлеты и падения чемпионов мира по разным видам спорта...

— От Ромула до наших дней! — изрек лентописец Лёня, с удовольствием записывая эти свои слова.

— Ты знаешь, Филимонов, — почти умоляюще сказала Надя, ужасно боясь, что он побежит и все тут же Ларионову расскажет. — Нет, ты не знаешь... А я вдруг выяснила, что многие спортсмены всех народов и разных времен и состояний... это я говорю про физическое состояние, конечно... справлялись и выдерживали любые перегрузки, ну, физически выдерживали... а морально — нет! Слава, знаешь, скольких погубила? И некоторых наших чемпионов, наших, советских рекордсменов не пощадила! Если Ларионов сейчас зазнается...

— Да он уже и зазнался... — простодушно вздохнул Капитончик. — Вчера он со мной свысока разговаривал! Как будто я на первом этаже, а он на двенадцатом. А между прочим, стояли рядом.

— Нет вот, — злорадно подхватила Надя.
— А он вчера со мной совсем не поздоровался...
— А со мной поздоровался, но сквозь зубы...
— Вот-вот, — снова злорадно подхватила Надя, — так у них все и начинается!

— Да я бы на его месте давно уже зазнался... — протодушно вздохнул Капитончик, который, несмотря на самые длинные во дворе ноги, мог бегать, а прыгать — не очень. — Я бы и ждать не стал...

— Вот, — сказала Надя. — Капитончик всегда прав. Мы и не будем ждать. Мы проведем в нашем дворе свои олимпийские игры по прыжкам в высоту с шестом... Лен-тописец, записывай!

— Да записываю я, — и снова записал самого себя. — Олимпийские это здорово, это я понимаю, а насчет Ларионова — не совсем допонимаю, и зачем записывать — тоже недопонимаю...

— Потому, что это научный опыт, — сказала Надя, — первый такой опыт в истории спорта. А не просто так. Мой брат на эту тему диссертацию пишет. А такого опыта у него нет. А у нас будет! Полезный!

— Полезный? — нерешительно спросил Антон Филимонов, жалобно поглядывая на Лену.

Он уже снова сидел, правда, у входа, правда, на краешке скамейки, но сидел и слушал.

— Конечно, полезный! — оптимистически воскликнула Лена. — И для Ларионова... и вообще... для спорта!

— Еще раз «ура»! — сказал Леня. — По-моему, все ясно, по-моему, надо уже голосовать — чего тут разговоры разводить? У меня через час кружок кинолюбителей на телевиденье, мне это тоже важно...

— Голосовать так голосовать... — вздохнул Филимонов. — Раз уж опыт... — и поднял руку.

Надя облегченно вздохнула. Решительность возвратилась к ней. Она сказала твердо:

— А теперь давайте думать: как зазнавать и где зазнавать!

4

Остап и Женька ничего этого не слышали. Они только видели, гоняя по очереди на самокате, как разговаривали ребята в беседке. Остапу, конечно, приходила в голову

мысль подслушать, но, как всегда, из-за Женьки не получилось, потому что Женька ободрал ногу на повороте и захныкал. И пока Остап искал подорожник да прилеплял его на царапину, вся пятерочка с Надей Фокиной во главе вышла из беседки. Надя под мышкой держала папки, и лицо у нее было такое сосредоточенное и умное, что Остап сразу понял — это что-нибудь да значит. Он сделал вид, что ему все равно, и покатил вслед за Надей и Филимоновым, и уши у него при этом были как локаторы на аэровокзале, только что не крутились.

Женька там охал на лавочке, качался из стороны в сторону, схватившись за ногу. Недаром Остап думал, что ему, Женьке, следовало бы родиться девчонкой — такой он соня и сластена. Просто удивительно, что они близнецы!

Очень хорошо было ехать за Надей и Антоном. Они шли по тихой улочке, и Филимонов говорил:

— Я — за, конечно, раз уж так... Но я думаю, что ничего не выйдет...

— Почему?

— А ты плохо знаешь нашего Генку! — У Филимонова хороший был голос, даже когда он сердился — теплый такой и мягкий. — С зазнайством у него ничего не получится. Характер не тот. Парень он что надо. Настоящий эталоныч.

— Тут научный метод, — сказала Надя. — Парапсихологией называется... Она утверждает, что если большая группа людей одновременно что-то пожелает, то желание их обязательно сбудется.

— Ерунда!

— Почему ерунда?

— Да потому что ерунда! На стадионах о чем болельщики мечтают?

— О победе, — сказала Надя сразу. — О победе для своих команд. Все эти мечты с научной точки зрения взаимно уравновешиваются, и игра идет нормально. Понимаешь? Ведь все мечтают о победе!

— О победе! Ха! — сказал Филимонов и прищурил свои коричневые глаза. — Они мечтают, чтобы судья превратился в мыло! А он что-то никогда не превращается! — И Филимонов сам себя крепко обнял, прижимая ладони к собственным бицепсам.

— Да ну тебя! — засмеялась Надя. — Мы же не только мечтаем, мы объективно, мы делаем! И ты, как его луч-

ший друг, должен ему теперь все время делать культ. Культ! Ты знаешь, что такое физкультура...

— Детский вопрос. Физ — физическая, культура — культура...

— Детский ответ. Физ — ясно, физическая... А культура расшифровывается так: «культ силе спортсмена, культ его скорости, удара справа, выпада слева, удара головой — культ, соскока сальтом, прогнувшись — культ!»

— Здорово! Но... еще «ура» остается?

— И «ура»...

— Чье «ура»?

— Наше, болельщиков... — И у Нади сделались глаза как у ведьмы в сказке. Или как у кошки, которая сейчас прыгнет на воробья.

Они скрылись в арке ворот, неизвестно чьих ворот. Ехать туда Остапу было вроде незачем. «Ничего не понятно», — сказал он себе, оттолкнулся ногой от асфальта, как веслом от воды. Улица летела навстречу — разные там счастливые загорелые отдыхающие. Одна только глухая бабушка Лени Толкалина шла с авоськой усталая. «Ничего не понятно»...

Можно было бы, конечно, посоветоваться с Юркой.

Но лучше было бы не советоваться. Потому что Юрка все время теперь изображал то, что в других семьях называется «главой семьи». Он, конечно, скажет: «Что?!» Скажет так, как будто Остап муха какая-то или там вообще, моль например. А потом сядет читать журнал, вытянет свои длиннющие ноги — ходи, запинайся за них...

«Ладно, — сказал себе очень одинокий человек Остап. — Я разберусь...»

И покатил к Женьке, который сидел на лавочке без дорожного на царاپине, но с дорожником в руках и разглядывал листок с видом умным и озадаченным.

— Ты чего? — спросил Остап.

Но разве Женька скажет — чего? Наверное, пока у него не было на этот счет собственного мнения. Он отбросил лист в сторону, вздохнул, глядя в самого себя, и ответил:

— А ничего! Дай мне самокат. А то удрал, а я тут сижу, как дурак.

Ночь у них в городе начинается... Собственно, она не начинается. Один раз Юрка нахлобучил Остапу на голову шапку, чтоб примерить. Было солнечно, и разные там зер-

кала в магазине сверкали. Но Юрка нажал рукой на шапку, и стало темно. Вот так и ночь приходит в их город.

Остап сидел на балконе специально, чтоб больше скопилось кислорода в организме, смотрел в черную темноту. И правильно дышал. Это Ларионов как-то объяснял Филимонову, как правильно дышать. А Женька уже спал и дышал неправильно. Наверное, поэтому он раза два во сне ни с того ни с сего сказал вдруг: «Черемуха». Какая черемуха? У них тут никакие черемухи не растут. Ага, подумал Остап, это в тринадцать сорок сегодня стихи Есенина читали. Женька в это время ел бутерброд с сыром. Он ел бутерброд и делал вид, что слушает стихи. Во всяком случае вид у него был сонный. А теперь, здравствуйте, черемуха! Надо есть меньше и дышать правильно, тогда снов не будет. Будет нормальный отдых. А не какая-то там черемуха.

Вот Остапу, например, понравился сегодняшний детективный фильм. Вот это другое дело... Остап поднялся. Кислорода уже хватало, глаза слипались, Юрки дома не было. Остап облокотился на перила, глядя туда, где было море и где сейчас на большом корабле плыла мама. Но о маме он ничего подумать не успел. Остап увидел, что на балкон Ларионовых карабкаются три загадочные фигуры. Лезут по стремянке, той самой, которая стояла на спортплощадке. Она непрочно стояла, и мама всегда пугалась, когда они на нее забирались: «А-ах, упа-де-те!» Вот ее кто-то выдернул теперь... «Надо немедленно звонить по ноль два», — подумал Остап, но тут же узнал Надю Фокину, Лену Гуляеву и Антона Филимонова.

Филимонов первым оказался на балконе и точно прилип к стеклянной двери. Послышался тихий скрип стекла, похожий на осторожное попискивание алмаза в сегодняшнем детективном фильме...

— «А», — шепотом сказала Надя. И Лена поспешно ей что-то передала.

— «Вэ», — снова потребовала Надя. Теперь Филимонов ей что-то протянул.

— «Че»... — торопила Надя.

И следом:

— «Е»!

И опять:

— «Мэ»!

Остап попятился — ему показалось, что его очень уж видно. Вдогонку неся свистящий шепот:

— «Дэ»... «Бэ»... «Лэ»...

Женьке не скажешь... Это ему не апельсины, из-за которых он может проснуться в три часа ночи. Дверь скрипнула. Остаток рухнул под одеяло и замер. Что говорит мама? «Вот теперь, — говорит мама, — мужчины стали болтливы, как женщины. Во дворе сидишь, как на кухне. Женщинам, — говорит она, — некогда. Они теперь вроде мужчин. А у мужчин времени много — вот они и болтают...» Сказать Юрке или не сказать?

Юра на кухне пил кефир прямо из бутылки. Кефир булькал, как водопад. Юра перевел дух, сказал: «Эх-ха!» — и встал в дверях, взявшись рукой за косяк. В такой позе он очень напоминал заглавную букву «У».

5

Как настоящий спортсмен, Гена Ларионов просыпался раньше всех. Еще спали родители. Из полуоткрытой двери другой комнаты слышалось вежливое похрапывание отца. Его портфель смотрел на Гену деловито ярким замком, похожим на круглый глаз.

Тихо делая легкую разминку, Гена приблизился к дверям столовой и замер. Все стекло балконной двери было заклеено большими буквами и даже целыми строчками, как будто вместо газеты типография выпустила сегодня эту самую дверь. Буквы кричали в комнату: «Ура чемпиону двора и школы!», «Слава покорителю воздуха!», «Живая ракета Земля — Воздух!», «Будущий чемпион мира!» и разные другие слова.

С одной стороны, Гене сразу стало очень приятно. С другой стороны, он пришел в ужас, представив себе, как просыпается папа и все это видит. И мама тоже — она только позавчера сделала генеральную уборку в доме.

Гена бросился на кухню, налил кастрюлю горячей воды, схватил нож и тряпку... Испуганно оглядываясь на дверь родительской спальни, Гена принялся счищать злополучные буквы. Он старался всюю, смахивая пот со лба, тяжело дышал — никогда не было у него такой зарядки. И кто же, кто все это тут понаписал?! Только бы узнать, он бы...

Стекла сияли невозможной чистотой.

Прозвенел будильник.

Потирая ладонями щеки, папа вышел из спальни.

— Физкультпривет? — спросил он.

— Конечно, физкульт! — бодро ответил Гена, глядя в сутуловатую, очень добрую спину отца.

Мама тоже вышла, зажмурилась и охнула:

— Нет, Сережа, ты только посмотри на наши окна! А Клавочка еще говорила, что этот порошок никуда не годится! Такое впечатление, что стекла с каждым днем становятся все чище...

«Скорее всего это сделал Гусь... — думал Гена. — Из пакости». После того как ребята устроили этот «крик восторга» под балконом и десять минут вопили «Ларионов, Ларионов!» только потому, что в этот день он взял на один сантиметр выше, Гусь тоже вышел на свой балкон, который вообще-то тот же самый, что у Ларионовых, только лестничной перегороджен. Он вышел, ничего не сказал, но очень уж посмотрел и очень как-то плюнул... через перила.

«Можно было бы, вообще-то, не смывать, пусть бы мама устроила этому Гусю шум». Конечно, со вчерашнего дня только и разговоров, что об олимпийских играх, своих, в своем дворе... Вот Гусь и издевается...

Гена отставил чашку и вышел на балкон. Если Юрка сейчас там, он ему скажет... два слова! Папа спокойно развернул свежую газету, а мама пошла включать утюг.

Все балконы цвели майками, купальниками, плавками. Он один сегодня не делал физзарядки. Лена Гуляева крутила хула-хуп. Она была в красном и черном. Она крутила красный обруч. Он вертелся, как бешеный, то у колен, то почти под мышками. Лена почему-то перестала последнее время заплетать косички, и теперь волосы ее летели, летели... Она походила на девочку из модного журнала. Она смотрела на него. Странно, но это было именно так. Хотя в это время на нее смотрел Филимонов. Он приседал и вставал, очень охотно вставал и очень не охотно приседал, потому что тогда, наверное, Лену было не видно. Но Лена смотрела все-таки на него, на Гену... Гена не выдержал и сделал стойку на перилах.

— Ах, — сказала Лена, и красный обруч упал к ее красным тапочкам.

В ту же минуту сделал стойку и Филимонов. И сразу же на балкон вышел Гусь. Он посмотрел на них обоих, стоящих вниз головой, и сказал:

— Ну и ну... мир перевернулся. Тоже мне... подумаешь... — и начал засучивать рукава.

Гена и Антон встали на ноги. Все, кто это видел, замер-

ли. Гусь засучивал рукава решительно, пока они совсем не кончились.

— Ну и что? — спросили сразу Гена и Филимонов.

— Ничего... — проговорил Юра. — Жарко...

— Золотая молодежь... — насмешливо сказала Лена.

Гусь вежливо поправил:

— Не молодежь, а молодец. Золотой молодец! — и удалился.

В комнате шуршала газета, слышно было, как мама легонько стучает утюгом, разглаживая папины брюки. Вдруг папа рассмеялся.

— Мать! — крикнул он. — Иди-ка сюда... Сегодня мы с тобой именинники. Геннадий, что же ты молчал?

Газета лежала, распластанная, на столе. И все трое они смотрели на снимок, где чемпион Союза жал руку чемпиону школы.

— Да перестань ты торчать вверх ногами... — шепотом крикнула Надя, стараясь не высываться из дверей. — Что ты, Антошка, делаешь?

— На голове стоит ваш Антошка, — добродушно сказала бабушка Филимонова, вынимая из букета на столе завядшие георгины. — Чем ему еще заниматься?

Филимонов был грузноват, но лучше его никто стойку не делал. Даже Гена. Знаменитые филимоновские бицепсы лучше всего можно было разглядеть именно тогда, когда он стоял на руках.

— Блистаешь! — гневно сказала Надя, сдувая со лба челочку.

— Блистает... — засмеялась бабушка. — Отца-то дома нету...

Бабушка Антона была шофером во время войны. Правда, не на фронте, а в прифронтовой полосе, но, в общем-то, какая разница? Все равно она возила снаряды, и все равно для этого нужно было много смелости. Потому она и потакала Антону во всех его проделках, которые мать с отцом категорически запрещали. Родители уехали в отпуск на Дальний Восток, и теперь бабушка и Антон блаженствовали.

Антон вразвалочку вошел с балкона в комнату.

— Я теперь что? Ничего не могу?

— Ничего! — сказала Надя. — Ты теперь все должен делать так, как будто тебе вообще не дотянуться... Понимаешь?

Бабушка понесла на кухню выбрасывать завядшие цветы. Антон посмотрел ей вслед и нехотя согласился:

— Ну, ладно... А чего ты пришла?

— У меня план... — сказала Надя. — Нужно сегодня Ларионова от тренировки отвлечь.

— Попробуйте! — Антон засмеялся, взял расческу и принялся старательно перед зеркалом укладывать челку.

— В кино его затанем?

Антон пожал плечами.

Звонок раздался оглушительный. «Ну и утречко», — обреченно вздохнул Гена и пошел открывать. На лестничной площадке стояла Надя.

— Привет! — Она почему-то недоверчиво смотрела на Гену, а у того внутри просто все замерло. Сейчас опять что-нибудь будет! Не могло же как-нибудь иначе развиваться это странное утро. Но Надя сказала просто:

— Привет!

У Гены было такое впечатление, как будто она его за чем-то разглядывает.

— Ты проходи...

— Я на минутку...

— Нет, проходи... Слушай, это ты все придумала?

— Что я придумала? — испуганно спросила Надя. — Кто сказал?

— Весь двор говорит. Все говорят.

— Как? — упавшим голосом проговорила Надя. — Уже весь двор?

— Ну да, так и говорят — Надя придумала свои олимпийские!

— Ах, олимпийские! — очень обрадовалась Надя. — Ну, конечно, я, ну, и Лена еще, и Капитончик, и Филимонов тоже...

— И молчите?!

— Да что ты! — Надя всплеснула руками. — Ты только подумай: где нам их проводить? У нас спортплощадка маленькая! Надо на стадион идти, директора упрашивать, а как тут без твоего авторитета обойдешься? Только ты...

— А что? Это мысль! Я сейчас на тренировку, вот вместе и зайдем...

— Конечно! — беспечно согласилась Надя. — Только сначала в кино. Надо же отдохнуть. Ты же живой человек,

тебе отдыхать тоже надо! Там внизу Лена и Филимонов дожидаются...

— Культпоход, значит... Ну, ладно, нам по пути. — Гена сунул Наде в руки шест. — Подожди меня тут...

Шест загородил лестничную площадку, как шлагбаум.

— Что такое? — женским голосом сказал сосед Иван Иванович, владелец новой «Волги», спускаясь сверху с мотком тонкого шланга. — Не пройдешь... Нигде не пройдешь!

Надя подняла шест, и Иван Иванович, пыхтя, как паровоз, прошагал мимо, прогудев снизу что-то похожее на «у-у-у...»

Остап сидел в углу двора на камне и рассматривал два бамбуковых колена от пятиколенной удочки — из них, пожалуй, вполне может получиться шест. После утреннего похода в магазин Гена всегда теперь здоровался с ними, как с приятелями, а вчера вечером пообещал показать, как полагается прыгать. Оставалось только изобрести шест, который подходил бы им с Женькой по росту.

Недалеко от Остапа на скамейке Ленья Толкалин возил-ся со своим киноаппаратом, потом куда-то исчез, но скоро появился с кипой газет под мышкой.

— Топай сюда! — сказал он Остапу. — Давай поскочим...

Остап подошел.

— Вот, — сказал Ленья. — Видал? — и развернул одну газету.

Остап присмотрелся — на снимке был изображен какой-то высокий человек, а рядом с ним...

— Ларионов! — обрадованно воскликнул Остап.

— Тише ты, чего кричишь! Автограф хочешь?

— Какой автограф?

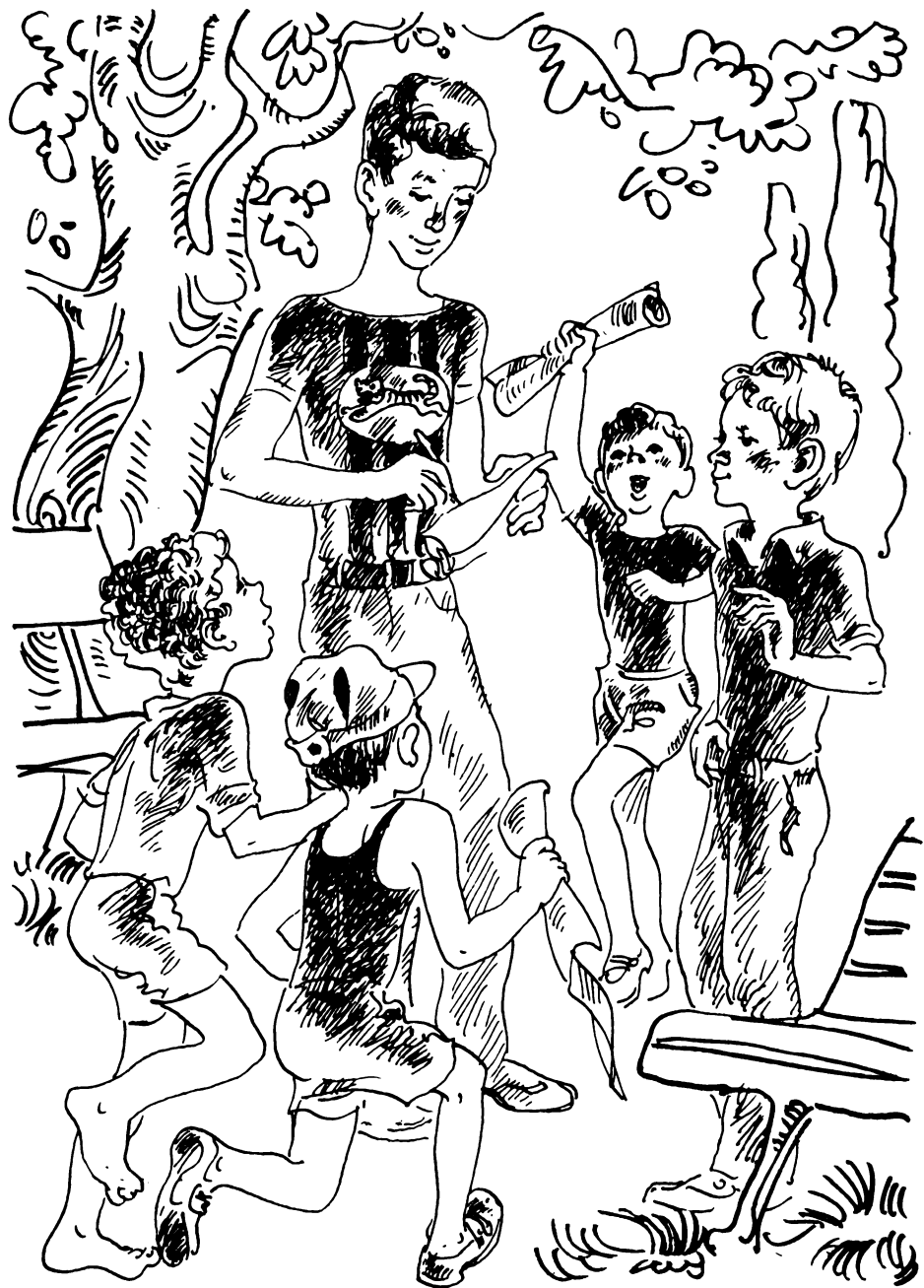
— Ну, хочешь, чтобы на этой газете сам Ларионов тебе на память расписался? Смотри, через пару лет этому автографу цены не будет! Ты ему протянешь газету, — терпеливо объяснял Ленья, — и скажешь одно только слово: автограф! Понял? А все остальное он сам сделает... Сообразил?

— Сообразил...

— Ну, и других своих пацанов волоки. Я им за это мороженого куплю. Сообразил?

— А зачем это?

— Как зачем? — изумился Ленья. — Я еще о вас забочусь, вам приятное сделать хочу, а он спрашивает! Ребенок! И автограф, понимаешь, и мороженое, а он — зачем...

— Хороший фильм, — вздохнула Лена.

Они стояли возле щита с афишей, на которой по снегу полз человек, а руки у него были чем-то замотаны.

— Нестареющий... — сказала Надя. — Человек преодолевает смерть — эта тема никогда не устареет. Тебе полезно посмотреть...

— Я уже видел.

— Когда?

— В первом классе... — сказал Гена.

— Тоже мне, в первом! Что ты тогда понимал! — возмутилась Надя. — Тебе для воспитания воли такой пример нужен!

Филимонов на все это взирал молча.

Гена не замечал, что за деревом стоит Толкалин с киноаппаратом, а чуть подальше от него — малышня с газетами. Гена не заметил, как Леня махнул рукой. И малыши, весело размахивая газетами, помчались со смехом и визгом, окружили Гену, крича:

— Автограф, автограф!

Остап взял Гену за локоть и попросил негромко:

— Автограф, пожалуйста...

— Но я... Но... у меня ручки нет! — обрадованно выпалил Гена, оглядываясь на Надю.

— У меня есть... — Надя с готовностью протянула ему ручку. — Стыдно, Гена!

— Конечно! — вскричал Ларионов. — Я же говорю!

— Стыдно, — повторила Надя. — Не тебе стыдно, а за тебя стыдно. У тебя автограф просят, а ты отказываешься! Привыкай!

Надя подала ему свою пухлую папку, Лена с готовностью подставила плечо, Гена виновато посмотрел на Антона и торопливо расписался на всех газетах. Толкалин старательно снял эту сцену. Объектив его проследовал за малышами, которые, ликуя, вопя и размахивая газетами, мчались теперь к белому ларьку с мороженым.

— Ну, вот... — вздохнул Ларионов, — теперь я совсем опоздал...

— Ничего... — утешила его Надя. — Ты известный...

— Популярный человек... — сказала Лена. — Можешь себе позволить.

Гена взорвался:

— Да что вы, сговорились, что ли! Ты-то чего молчишь, Антон!

— А чего? Они правду говорят... популярный. Вот я и молчу.

— Идем в кино. — Надя твердо взяла его за локоть.

Гена посмотрел на нее.

— Ладно... — и сунул шест под кусты газона.

Кинотеатр был новый, очень похожий на большой белый корабль. Он весь сиял стеклянно, а внутри можно было ходить, как по музею изобразительных искусств. Кинотеатр назывался «Витязь», и потому для него из какого-то серого металла были вылиты целые сцены разных древнерусских боев с половцами и просто витязи на конях — и по одному, и по двое, и по трое. И всякие птицы-фениксы украшали фойе. Можно было бы не идти в кино, а только одно это оформление рассматривать. Лена с Филимоновым уже сто раз тут были, Надя тоже раза три ходила, а Гене до сих пор было некогда. И, с любопытством оглядываясь по сторонам, Гена сам купил билеты, провел друзей в фойе, прошелся вдоль стен, потом усадил их на места. И когда свет начал гаснуть, он сказал:

— Ну, пока... — и направился к выходу.

— Ты куда? — растерялась Надя.

— На тренировку... — сказал Гена.

Мелькнула в темноте белая его голова, блеснул свет из дверей на минуту, дежурная заругалась: «Ходят тут»...

— Дот, — с удовольствием сказал Филимонов.

— Какой дот? — спросила Лена.

— Такой! — Филимонов описал рукой полукруг. — Железобетонный. Все отлетает снаружи.

Надя немножко подумала и сказала:

— Мы его взорвем изнутри.

6

Гена очень любил эту минуту. Тренировка закончена, ноги гудят, и не прошло еще ощущение сдающихся опилок под ногами, и ладони горят... И летит на тебя, как теплый дождь, вода из душа, дробится на плечах. И сквозь пузырчатое стекло окон в душевой особенно зелена зелень стадиона, особенно синё небо, а красные и белые майки как тюльпаны на газоне.

И вообще все впереди отлично. Особенно если верить графику, который Гена сам начертил и повесил на стену. График обещает, что минимум лет через шесть Гена будет

прыгать выше всех на свете. И хоть это не просто, но каждый шаг на дорожке шуршал, шуршал одно и то же: выше-ше... выше-ше... И планка в глазах Гены как черта горизонта для летчика — только поднимись над ней и будешь выше, выше всех!

Интересно, так ли все это представляется старательному Антону?

— Толь, скажи по-честному, — спросил Гена, — чего вы все со мной Гена, Гена, Геночка... — Он сказал это противно-сладким голосом. — Чего вы все со мной... носитесь... как говорит моя мама.

— И никто... не носится... — Антон, чтоб не смотреть Гене в глаза, сунул голову под душ. — Просто тебя уважают... на тебя надеются.

— Надеются, — ворчливо сказал Ларионов. — Проходу не дают! А почему вот на тебя не надеются?

— Я ниже тебя на сантиметр прыгаю.

— Какой-то сантиметр...

— Для тебя сантиметр, а для меня... для меня это, может, полмиллиона километров тренировок!

— Ну, давай вместе тренироваться, я ж тебе все показываю! Почему ты перестал со мной тренироваться?

— А потому, что настоящий спортсмен не должен своими секретами распыляться налево и направо! Иначе будет куча одинаковых спортсменов вместо одного чемпиона!

Ларионов, прижав ладонь к раструбу душа, послал струю воды в Филимонова. Филимонов нанес ответный «удар»!

— Скорей, а то опоздаем! Вдруг он придет раньше?

Уже час Надя, Лена и Леня Толкалин с магнитофоном ждали на скамеечке под акациями директора стадиона. Когда Антон и Гена вышли из душевой, ребят на скамейке уже не было.

Они вбежали в кабинет, когда директор, стоя над чьим-то призом в виде золотой чаши, рубил рукой воздух над нею и прямо в чашу говорил:

— И не просите! Стадион я вам не дам! Олимпийские — надо же! Если бы я потакал всяким фантазиям, я давно бы... — Он не смог найти слово и поэтому многозначительно повторил: — Я давно бы!

— Ну, на один же день! — умоляюще сказала Надя. — Вон Ларионов пришел, вы же сами говорили, что он ваша надежда! Ларионов, скажи!

— На один день... — сказал Ларионов. — Ведь у вас же бывает, когда ничего такого на стадионе не бывает!

— Тогда уборка бывает, — сердито сказал директор. — Понятно?

— Ну, что вам стоит? — проникновенно сказала Лена.

— Мне — ничего! А вот стадиону — стоит! Знаете, сколько один день стадиона стоит! Сто-и-ит!

— Мы соберем, — деловито сказал Ленья. — Сколько надо? Говорите цену!

— Мы не на базаре. — Директор «гостеприимно» распахнул дверь. — Не в деньгах дело. Всего доброго!

— Но ведь общее дело! — сказала Надя.

— Скажите спасибо, что я вам тренироваться разрешаю! Ты что там записываешь? — возмущенно спросил директор лентописца Толкалина.

Ленья невозмутимо щелкнул клавишей своего магнитофончика.

— Я не записываю... я уже записал!

Директор смотрел на ребят молча.

— Вы правильно думаете, — решительно сказала Надя. — Это для радио. Передача про бюрократов.

— Шантаж? — шепотом проговорил директор. — Во-о-н!

Под акациями ребята едва отдышались.

— Не будет игр, — сказал Ларионов.

— Не бойся... — ответила Надя. — Будут!

Вообще-то, Гене, как всякому целеустремленному человеку, разные там дополнительные хлопоты только мешали. Сначала, конечно, эта идея насчет олимпийских понравилась. Но теперь-то было ясно, что так просто ничего не получится! Стадион им не дадут, а своя спортивная площадка — курам на смех! Как мама говорит: собака ляжет — хвост протянет. Вот тебе и расстояние. И когда Надя сразу же за воротами стадиона начала развивать идею расширения спортивной площадки за счет территории доминошников и владельцев частных машин, Гена ужаснулся. Воз работы! А режим? А график?

— Не будет олимпийских! — с удовольствием сказал он.

— Ты это чего? — вдруг обиделся Филимонов. — Как это не будет? А если мы все хотим?

Вот новости — а Антону-то это зачем? У него такой же

план — все лето тренировки, а осенью школьные соревнования.

— Да ты тоже лучше лишний час на стадионе! — сказал было Гена.

— Знаешь что? — Антон покачался на носочках. — Что ж, мы только о себе думать должны? Вон сколько ребят во дворе...

— Ну и что?

— Ну и то!

А Филимонова-то не Гена, а обстоятельства довели. Сейчас по Надиному плану он должен был попросить у Гены шест понести. Мало того, что он товарища разыгрывать должен, да еще и подхалимом стать?!

— Да ну вас! — крикнул Филимонов. — Я пошел!

— Антон! — Лена сделала шаг за ним, но Надя взяла ее за руку.

Филимонов, не оглянувшись, махнул рукой.

— Так, поссорились, — удовлетворенно сказала Надя. — Замечательно!

— Замечательно? — вскипел Ларионов.

— Да. Он тебя от дела отвлекает, раздражает и будоражит. А ты, Ларионов, принадлежишь не себе, а городу.

— Друзья для тебя сейчас роскошь, временно, конечно, — пояснила Лена. — Все чемпионы были временно одинокими. Перед ответственными состязаниями их даже с семьями разлучали.

— Спасибо за совет, — поклонился Ларионов. — Завтра я уйду из дома. Гуд байте!

— Не человек — кремень! — восхищенно глядя ему вслед, сказала Лена.

7

Вечером удрученный событиями кворум снова собрался в беседке. Перед этим Надя с Леной два часа подряд просматривали свои конспекты. Леня дома еще раз прослушал все свои записи. Филимонов сидел снова на краешке скамейки, как посторонний гость, которого ни за что обидели. У одного Капитончика был такой вид, как будто его пригласили к телевизору на интересный фильм. Вся обстановка вокруг была в этот вечер такой, что вся Надина затея казалась чистойшей фантастикой, которую осуществить было так же легко, как организовать путешествие в другую га-

лактику. Доминошники бомбили стол, в гараже джазисты разучивали новые ритмы, Иван Иванович расположился со своей «Волгой» так прочно, как будто он был памятником, поставленным здесь в честь всех владельцев частных машин. Молодые счастливые обладатели «Уралов», «Ижей» и «Панноний» кружились возле него, как мухи. Моторы стреляли, рычали. Дым застилал эту часть двора, как поле боя.

— Товарищи, — сказала Лена, — у нас две проблемы. Обе они требуют совершенно серьезного решения и продуманных действий. Мы допустили ошибку. Мы были слишком эмоциональны. Всякий научный опыт требует, чтобы голова была холодной и работала четко. Ларионов не поддается. Я предлагаю выработать для него перечень конкретных поступков, по которым всем будет ясно, что он у нас зазнался. А ты, Филимонов, перестань чуйствоваться. — Она сказала это как Райкин. — Придешь домой, там чуйствуй. А тут думать надо. Я тебе сказала, что потом Ларионов скажет тебе же спасибо.

— По-моему, — сказал Леня, — надо начать с того, чтобы он переоценил свои возможности... на сегодняшний день... и стал нарушать режим.

— Пока не получается... — сказала Надя. — Ты сам в этом убедился. Для этого нужны какие-то внутренние сдвиги. Мы должны их организовать.

— Ну... — снова сказал Леня, включая магнитофон, — он должен со своими старыми друзьями... вести себя как-то иначе... свысока, что ли... как-то, я бы сказал, высокомерно...

— Мысль хорошая... — одобрила Надя.

— С ним все дружат, — сказал Филимонов. — Что же, он должен со всеми рассориться, что ли? И вообще — он дружит со мной...

— Дружил, — сказала Надя. — А сегодня он на тебя уже рассердился.

— Подумаешь, — обиделся Филимонов. — Да он протык, свой в доску! Я вот сейчас к нему приду, и он рад будет...

— А ты не приходи. Потерпи.

— А я против! Мы с Генкой дружим с четвертого класса, и вдруг ни с того ни с сего я должен...

— Ты должен общественные интересы ставить выше собственных. У меня есть в папке такой случай. И там

друзья вовсе не ссорились, а только цапались... из-за принципиальных разногласий. Давайте за это голосовать! Кто — за?

— Могу я быть против? — сказал Филимонов.

— Можешь, — ответила Надя, — но руку все равно поднимай «за»! Не нарушай кворум!

Филимонов нехотя поднял руку, глядя на профиль Лены, сурово поднятый, как у королевы на старинной монете. Она посмотрела на то, что руку он поднял, и улыбнулась. И сказала:

— А изнутри все взрывает только одно...

— Что? — спросил Лёня.

Лена задумчиво посмотрела вдаль, где уже по-вечернему пустело небо и птицы летали так, как будто над домами не было никакого воздуха. Розовые тонкие облака прилипли к небу над горизонтом. Крохотные черные буксирчики ползли по морю, как черные жучки. Все посмотрели туда, куда был направлен задумчивый Ленин взгляд.

— Изнутри все взорвать может только любовь! — сказала она тихо.

— Вот гвоздь вопроса! — вскричал Леонид. — Гениально придумано! Любовь... она...

— Серьезней, Толкалин, серьезней... — строго сказала Надя. — Не пыли. Мы и сами знаем, что она... и так далее. Мы сейчас все рассматриваем с научной точки зрения. — Надя открыла папку и вынула брошюру. — «О любви и дружбе», — сказала она, — написал кандидат педагогических наук. Слушайте. «Как правило, подросток впервые влюбляется в двенадцать тире четырнадцать лет»... Как правило, ясно? «Чаще всего она — одноклассница или соседка по дому»... Соседка, ясно? — подчеркивает Надя. — «Не надо пугаться, что подросток забрасывает все прежние увлечения»... Забрасывает! «Противоречит, становится ироничным, высокомерным»... Высокомерным! — ликующе сказала Надя и захлопнула брошюру. — Вопросы есть?

— Есть, — хмуро сказал Филимонов. — А в кого он должен влюбиться? Я что-то не вижу... В Зинку из пятого подъезда?

— У нее нос... — поморщился Филимончик.

— А в твою сестру? — подсказал Антон. — Она кудрявая и открытки киноактеров все время покупает...

— Ей только в куклы играть... — засмеялся Капитончик. — Тоже придумал!

— Может, в меня? — сама себя спросила Надя.

— Нет, ты не подходишь, — сказал Леня. — Ты у нас интеллигентный, эрудированный человек. Тут надо про разные там облака и луну говорить, а ты парасихологий напичкана. Он с тобой со скуки помрет... ты, по-моему, и вздыхать-то не умеешь. Нет, ты не обижайся, я же тебя вот как уважаю! Ты просто конкретно в данном случае не подходишь...

— Я не обиделась, — обиженно сказала Надя. — Ты такие приятные слова говоришь... Вон пусть в Виту Левскую Ларионов влюбится. Она у нас и знаменитая, и красивая, и вздыхать умеет...

Леня покраснел.

— Она не влюбится. Она человек цельной натуры. Она не может любить сразу двоих. А надо, чтоб на правду было похоже...

— Ну, раз на правду, тогда я в него влюблюсь... — решительно сказала Лена. — Я никогда еще не отказывалась от общественных поручений. — Филимонов потемнел. — Ну, не влюблюсь, а как бы влюблюсь...

— А почему, собственно, она должна влюбляться в него? — хриплым голосом спросил Антон.

— Она красивая... — Леня поправил очки, глаза его светились. — Она самая красивая девочка во дворе. У нее нет недостатков.

Надя сказала:

— И к тому же налицо будет следующее: он как бы отобьет Лену у своего же друга. Такие случаи очень типичны в спорте. Я могу привести примеры...

— Не надо примеры... — сказал Филимонов. — А что, она так и скажет ему: я тебя люблю...

— Не скажет, а как бы скажет... Но лучше всего, чтоб не сразу — пусть она пишет ему записки. Тайнственные.

— Не пишет, а как бы пишет... — покраснел Филимонов, все его лицо кричало: что вы со мной делаете!

— Ну, как бы пишет не получится... — сказала Лена, — писать придется по-настоящему. Ну, если хочешь, давай писать вместе...

— Записывай, Толкалин. Ларионов должен влюбиться в Лену Гуляеву. А ты, Филимонов, успокойся, все настоящие научные опыты проходят в тяжелой обстановке и требуют жертв. Ты теперь принадлежишь не себе, а науке. Первый в мире эксперимент, а ты хнычешь. Стыдно!

Леня просто танцевал.

— Кинохроника! — танцевал он. — Ларионов зазнался, мы все от него отвернулись, он с горя попадает в плохую компанию... Тут небольшой танчик «Мистер-Твистер». А потом...

— А потом Ларионов ставит все рекорды — пионерский, юношеский, взрослый, всесоюзный, европейский, мировой! Дадим Родине чемпиона мира по прыжкам в высоту с прочным иммунитетом против звездной болезни! Ура! — сказала Лена. — Только ты, Толкалин, чересчур уж... крайности тут ни к чему...

— Я шучу... — сказал Леня. — А вот они не шутят, — и он кивнул на джазистов и мотоциклистов. — Тут мы что будем делать? Тут нужен по крайней мере Остап Бендер, чтобы их на время отодвинуть и дать нам место под солнцем...

— Зачем Остап Бендер? Нам нужен Юрка Гусь... И еще Ванюша. На случай, если кто-нибудь задумает Юрку бить, — сказала Надя.

8

Юрка открыл один глаз. Второй был закрыт подушкой — Юрка любил спать на животе. Дома тихо. Браты-акробаты еще спят. Солнце лежит на стене, на гитаре, которую дядя Женя привез ему из плавания и с которой Юрка еще стесняется выйти, потому что играть пока не умеет.

Со стены смотрели на Юрку всевозможные красавицы, черноволосые, светлые, золотые, даже сиреневые. Все говорили, что Юрка подает надежды «на волосатика», хотя у Юрки всегда была короткая стрижка. Он любил пестрые рубахи, у него была гитара и вот эти открытки. А это были вовсе не открытки, а образцы причесок. Что, он будет каждому это объяснять? Пусть думают, так даже интересней. Вот эту прическу он освоил, эту — тоже, а вон ту хорошо было бы сделать Ленке Гуляевой. Он ее себе мысленно нарисовал: она в красном платье с белыми кружевами, а прическа у нее под Наталью Гончарову. Пушкин умер бы от зависти!

Гусю показалось, что он слышит под окном какое-то странное сопение. И какое-то звяканье. Он вскочил и выбежал на балкон. Под балконом висел, беспомощно барах-

таясь, Леня Толкалин и что-то пытался сделать с карабинчиком.

— Ты чего? — ошеломленно спросил Гусь.

— Карабинчик заело, — бодро ответил Леня, как будто висеть почти ночью под чужим балконом — самое нормальное и естественное занятие.

— А-а... — сказал Гусь, тоже сделав вид, как будто в этом нет ничего особенного. И потянул за веревку.

— Ты мне лучше плоскогубцы дай, — попросил Леня.

— Нету, — сказал Гусь и втянул его на балкон. — Давай, давай, в комнату проходи.

Он затащил Леню в комнату, посадил его на стул и полез в шкафчик. Оттуда он достал плоскогубцы.

— Ты чего мне их сразу не дал?

— А я и сейчас тебе их не дам... пока не скажешь, зачем лазил. Будешь тут день сидеть, как Бобка на цепочке. Уловил?

— Слушай, Гусь... Может, это моя тайна!

— Как в кино, — сказал Гусь, — говори лучше, как есть...

— Умру, но не скажу... Я, может, сюрприз какой-нибудь готовлю... Твое какое дело? Давай плоскогубцы!

— Не шуми. Детей разбудишь. Детям положено спать десять часов.

— Давай плоскогубцы... А то заору. И пусть твои дети страдают от невроза.

Леня дернул карабинчик — и он расщелкнулся сам.

— Привет! — сказал Леня. — Спасибо за содействие. — И пошел к дверям.

— Ладно... — пообещал Гусь, — в следующий раз ты у меня месяц провисишь. Смотри ты, тайны... мадридского двора...

Он выглянул из окна, чтобы еще что-то такое сказать Лене вслед, и увидел, как Надя прилепляла здоровый лист ватмана с какими-то рисунками к забору. Гусь торопливо влез в брюки и помчался во двор. Надя вешала стенную газету. Гусь тихо встал за ее спиной: вся газета была посвящена Ларионову. Передовица называлась «Наша надежда», стихотворение называлось «Ввысь», в полгазеты были нарисованы «Три богатыря», как у Васнецова, только вместо Ильи Муромца — Гена Ларионов с шестом наперевес, как с пикой... Надя приклеила газету, потом достала из кар-

мана фламастер и чуть поправила прическу у Гены и гриву у его коня.

— Неплохо, — сказал Гусь и взял из ее рук фламастер. — Сама рисовала?

Надя растерянно молчала.

— А это ты о себе? — Гусь показал на передовицу. — Наша надежда! Ах, я и забыл, у нас теперь две Надежды — ты и Ларионов. Если не считать бабулю Антона. Здесь столько бабуль! Я даже хочу написать такую книгу воспоминаний «Три года среди бабуль».

— Сорвешь? — спросила Надя.

— Возможно... Я против тайн мадридского двора...

Из подъезда выбежал Филимонов.

— Отойди! — крикнул он.

— Пожалуйста! — пожал плечами Гусь. — Я могу отойти, могу и подойти! Может, часового поставите?

— Пошли, Надь... Как сказал древнегреческий философ Сенека: «Не мечите бисер»... Гусь, ты знаешь Сенеку?

— А мне это ни к чему! — усмехнулся Гусь и вдруг сказал: — Чего вы со своим Ларионовым носитесь? Думаешь, если он всем нравится, так и мне тоже должен нравиться?

— Почему ты так груб? — мягко спросила Надя.

— Мне про бисер, а я груб? — воскликнул Гусь. — У меня голос такой!

И не успели Надя с Антоном опомниться, как Гусь одним движением пририсовал Гене на листе стенгазеты заливчатские усы. Филимонов рванулся было к Гусю, но Надя схватила его за рукав.

— Дядя Женя! — внезапно закричал Гусь. — Приехали?

— Приплыл. Точнее, прибыл, — с достоинством проговорил большой широкоплечий человек в морской форме, с трубкой в зубах, с лицом загорелым и заветренным. В руке он держал щегольский кожаный саквояж.

Он поздоровался за руку с Гусем, потом заодно с Надей и Антоном. Потом он положил большую тяжелую руку Гусю на плечо, и счастливый Гусь, забыв все «тайны мадридского двора», скрылся с ним в подъезде.

Надя удрученно взглянула на усатого богатыря.

— Хочешь, я охранять буду? — самоотверженно предложил Антон. — Хоть весь день!

— И всю ночь? И снова день? — грустно проговорила Надя. — Ладно, пусть так остается. Может, к вечеру Гусь будет другим человеком.

Гена вышел на балкон. И остановился, с изумлением глядя на маленький шахматный столик, который выставили сюда за ненадобностью и который еще вчера вечером был покрыт пылью. Сейчас столик был чисто вытерт, на нем лежал лист белой бумаги, прижатый камешком. На бумаге — очень красивый цветок. А под цветком — открытка. С нее прямо Гене в глаза, загадочно улыбаясь, загадочно смотрела «Незнакомка» Крамского. Гена повертел открытку. На ней ничего не было написано. Незнакомка не спускала с Гены прекрасных глаз. Зимний Петербург за ее спиной был окутан дымкой. Как, впрочем, и то обстоятельство, как она тут очутилась. Мама этого сделать не могла. Папа, естественно, тоже. Гусь? Стал бы Гусь заниматься таким утонченным издевательством, для которого просто не было повода — Гена никогда в жизни ни в кого не был влюблен, если, конечно, не считать Татку Замочкину в средней группе детского сада. Незнакомка также ни на кого не походила из всех девчонок, которых только знал Гена. Значит, намекать таким образом тоже было не на кого.

Гена спрятал открытку за пазуху, бумажку со стола сбросил с балкона и принялся рассматривать цветок. На длинном стебле несколько нежных сиреневых колокольчиков. В цветке должен был таиться какой-то намек, и к тому же такой цветок Гена где-то уже видел, только не мог припомнить, где именно. Мама еще была дома, и Гена осторожно прошел в комнату и так же осторожно воткнул цветок в букет, который мама вчера купила после работы. Он постоял какое-то время тихо, потом сказал:

— Очень хороший букет...

— Ты заметил? — удивилась мама. — Ты что-то раньше не замечал!

Она вошла из кухни и встала рядом — любоваться.

— Прелесть! — сказала мама, вздохнув. — Ничто так не согревает сердце, как цветы.

— А это что такое? — Гена показал на цветок, который сам только что воткнул.

— Ах, — сказала мама, — его вчера не было!

— Расцвел за ночь... — сказал он. — А ты не скажешь, как он называется?

— Наперстянка.

И Гена вспомнил — он видел этот цветок в книжке о Циолковском. Наперстянка — это ее любил Циолковский! Он так и сказал маме:

— Это любимый цветок Циолковского!

— Ну что ты! — сказала мама. — Я никогда не видела у него наперстянку!

Мама имела в виду своего зубного врача, тоже Циолковского.

— Да нет же! Это я говорю про того, который ракеты изобрел!

— А-а-а... — протянула мама, погладила цветок легким движением и снова ушла на кухню.

«Живая ракета Земля — Воздух!» — вспомнил Гена одну из строчек, написанных в прошлое утро на балконной двери. Он окончательно запутался и в очень смущенном состоянии отправился к Антону Филимонову, прихватив с собой открытку.

Антон ел свою любимую манную кашу и читал книжку. Бабушка, напевая, что-то шила и смотрела заодно утреннюю передачу по телевизору.

— Привет! — сказал Гена и протянул Антону открытку.

Антон посмотрел на нее, как на пустое место, и спросил:

— Ты что, коллекционированием занялся?

— Хорошенькое дело! — воскликнул Гена. — Тут что-то непонятное творится, а ты... Я, знаешь, говорить тебе не хотел... знаешь, как-то так было... но мне недавно какой-то дурак всю балконную дверь исписал разными восклицательными предложениями, а сегодня вот это подсунули...

Антон положил ложку каши в рот, прожевал, отодвинул книжку в сторону и сказал:

— Слава пришла... Со всеми знаменитостями так поступают... разные почитатели... То-то я тебя не узнаю... какой-то ты не такой стал.

— Какой — не такой? — ошарашенно спросил Гена.

— Ну, не такой... стал о себе много думать...

— Это когда я о себе стал думать?

— А что, нет, что ли? Вот спортплощадку не хочешь расширять. — Антон все это говорил вперемежку с кашей,

какими-то чужими словами и с чужим выражением лица. — Как будто другие не люди...

— Да я же вообще! — крикнул Гена. — Вообще! Я же просто так! Я думал... Да я хоть сейчас... Честное слово!

— Тише, — сказала бабушка из комнаты. — Тут такая песня, а вы кричите...

— Я не буду кричать, — сказал Гена. — Я вообще уйду!

И он на самом деле ушел. Он ушел, очень этому удивляясь, — ему казалось, что сейчас это был не он и Антон тоже был не Антон. И вообще все происходило как во сне. «Это что же? — с ужасом подумал Гена. — Это со всеми, что ли, так?» Или он на самом деле не заметил, как стал совсем не такой? Ведь все вон с каким уважением к нему относятся, а он... а он только и знает, что торчит на стадионе. Нет, сказал себе Гена, с этим надо кончать. Надо быть достойным надежд и доверия. Он сегодня же пойдет к Наде и скажет, что на спортплощадке он готов стать главной рабочей силой.

9

Надя сидела на диване и очень придирчиво рассматривала все платья, которые Лена доставала из шкафа. Она доставала, прикладывала их к себе, но Надя каждый раз говорила:

— Нет!

Одно было слишком легкомысленным, другое делало ее совсем девчонкой, чуть ли не первоклашкой, в третьем можно было ходить только зимой, у четвертого был дикий цвет... Лена достала последнее, с золотисто-красной вышивкой.

— Ты понимаешь, важно, чтоб у Гуся не получилось каких-либо сравнений! Вот он сравнит тебя, например, с воробьем, раз ты в том, сером в крапинку — и считай, что ничего не вышло! Он тебя просмеет, и только!

— А при чем тут Гусь? — удивилась Лена. — Я же не из-за Гуся...

— Ты-то не из-за Гуся, но Гусь из-за тебя... Если ты ему тоже не понравишься, так он тебе и пойдет доминошников уговаривать.

— А ты сама с Гусем разговаривай!

— Как же, послушается он меня! — Надя вдруг впи-

лась глазами в платье, на которое Лена почему-то не обратила внимания. — Вот всех побеждающее платье! И молчи! И не возражай!

И Лена приложила к себе белое. И как сразу все изменилось: не было Лены, не было платья, было что-то единое, воздушное, легкое. И сразу стало заметно, какие у нее темные крылатые брови, и какие яркие глаза, и как хорошо лежат волосы, поднятые ленточкой. Надя склоняла голову то направо, то налево, любуясь. Сказала:

— Офелия! Убийство на улице Данте! Гусь примет все наши условия!

Лена вышла из подъезда, и все, кто видел ее, замерли: Антон, читающий в шезлонге на балконе, — глаза его наполнились страданием. Гена, переживавший разные противоречивые чувства, вдруг обо всем забыл. И Гусь, стоящий у окна в новой бешеного цвета рубашке, которую ему, наверно, только что подарил его дядя, пришедший, конечно, из заграничного плавания. Ванюша, с лицом Оцеолы и быстрым взглядом самбиста. И даже Капитончик, сам с собой игравший в баскетбол на спортплощадке, как будто весь сломался и стал походить на палочника — есть такое насекомое, как будто состоящее из палочек, такое неуклюжее, длинное и тонкое.

Лена проплыла под конвоем Нади до окна Гуся и, к изумлению всего двора, сказал чарующим голосом:

— Георгий, спустись на минутку.

У Филимонова сделалось такое лицо, как будто ему в научных целях стали отпиливать руку.

Гусь не сразу закрыл рот от удивления.

— Это ты мне?

Из-под его руки вынырнул Женька и спросил:

— Это там... чего?

— Брысь! — сказал Гусь, не спуская с Лены глаз.

— Я тебя на улице подожду... — нежно сказала Лена.

— Конечно, конечно... — оторопело сказал Гусь.

Из дверей подъезда он вышел важно. У него, оказываясь, не только рубашка была новая, но и брюки сиреневого цвета, и туфли с тупыми носками. С заднего кармана брюк на весь двор кусок коричневой кожи сообщал, что выпустила их фирма «Райфл». Расклешенные брючины позванивали, подшитые металлическими молниями... Лена ждала его под платаном.

— Ну, чего тебе? — Гусь потупил взор.

— Иди сюда... — сказала Лена. — Не правда ли, какой прекрасный день...

Гусь оглянулся по сторонам. День был действительно прекрасный.

— Ничего... — сказал Гусь. — Вполне.

— Ты знаешь... — сказала Лена. — Я давно хотела с тобой поговорить... Почему бы тебе не заняться спортом?

Гусь удивился:

— Чем?

— Спортом! Вон какие у тебя перспективные ноги!

Гусь с интересом посмотрел на свои ноги. Словно увидел их впервые.

— А какой мне хозрасчет бегать и прыгать? — усмехнулся он. — Я человек занятой...

— Ну, а если... — Лена посмотрела прямо в глаза Гусю, и он взгляд ее не выдержал. — Если я тебя очень попрошу?

Гусь совершенно по-дурацки себя почувствовал, стал смотреть куда-то через собственное плечо.

— Да я не знаю... И вообще, ты знаешь, я боюсь качки... а тут прыгать надо...

— Мы бы тебя Главным хранителем олимпийского огня сделали! — принялась уговаривать Лена.

— Дымовым, значит?

— Лично для меня, значит... — Лена сделала вид, что оговорила. — Для всех нас! Для всего двора, что ли, не можешь?

— Вот тут, — он постучал пальцем по голове, — мужики сумлеваются... Ларионова же все равно не перепрыгнешь!

— Не стараться — так и не перепрыгнешь!

Она схватила его за руку и потянула в сквер через дорогу. Гусь застеснялся и выдернул свою руку из ее рук.

— Ты тайну хранить умеешь? — горячо спросила Лена.

— Хоть две! — гордо заявил Гусь.

— А их и так две!

И она рассказала ему все. Гусь долго думал.

— Ладно, — проговорил он наконец. — Я согласен. Я-то думал, что ты... а ты... Ну, да ладно... А двор, это дело по мне! Люблю разыгрывать!

Он сорвал розу и протянул ее Лене.

— Сказал — сделал. Гусь такой!

Аллея была пуста. Лена взяла розу. Гусь расплылся в

улыбке. Но улыбка погасла тут же, потому что Лена воткнула розу на ее место в клумбе.

— Нельзя... — сказала она, — милиция остановит...

— Вас понял. Вижу хорошо, — кивнул Гусь. Мимо них действительно медленно прошагал милиционер. — Знаешь, а тебе пойдет Мануэль де Курси!

— Что?! — удивилась Лена.

— Ну, я насчет... — Гусь повертел рукой над своей макушкой. — Насчет прически...

— Ты опять?

— Не буду! — испугался Гусь.

К изумлению всего двора, Гусь с Леной чинно прошли мимо ворот и исчезли в переулке.

В комнате Лени Толкалина собрался весь кворум, к которому после долгих уговоров присоединили Ванюшу. Даже Вита Левская была тут, потому что теперь она должна была своей игрой в положенные моменты оформлять лирическое настроение Гены, которому все равно придется влюбиться. Они уже обсудили ее репертуар, придирчиво прослушали несколько пьес и остановились на том, что играть она будет молдавские мелодии. Потому что, по общему мнению, разные там скрипичные пьесы для такого дела совсем не подходили. Ванюша пришел в разгар споров, касающихся музыки, очень удивился — до сих пор никто, кроме Лени Толкалина, скрипкой не интересовался. Надя объяснила ему так:

— Растем. Пора думать.

Это вполне Ванюшу устроило.

— Думайте, — сказал он, — лично я к скрипке равнодушен. Я люблю битлов.

— Вот мы тут о Гусе, — сказала Надя. — Он дал нам слово сломить сопротивление доминошников. А мы боимся, чтобы он не подвел наши игры. Вот сейчас тут Ленья пленку прокрутит... Он говорит, что Гусь какой-то странный стал. Он ведь такой — жди от него фокусов!

Ленья включил проектор.

На холсте, повешенном на стенку, из подъезда выскочил Гусь, на ходу жуя бутерброд. Он пробежал мимо гаража с джазистами, мимо автомобилистов на пустыре, мимо доминошников, ни на кого не обращая внимания...

— Видели? — спросил Ленья. — Все мимо...

Гусь идет по улице. На углу подходит к группе пижонистых подростков. Они почтительно пожимают ему руку. Когда двое из них здороваются, волосы закрывают им лица. Получается очень смешно — как будто они вслепую шарят руками, чтобы поздороваться друг с другом. Гусь оглядывается... и вдруг опрометью бежит от подростков. Они тоже оглядываются. И бегут за ним.

— Это они от меня убегали... — сообщил Ленья.

Улица неслась на полотне, навстречу зрителям — качались деревья, качались автобусы и люди...

— Это я бегу за ним... — сказал Ленья.

Улица внезапно перевернулась.

— Это я упал... — огорченно проговорил Ленья.

Улица, прохожие, разные лица...

— А где он? — спросила Надя.

— А он... — сказал Ленья сконфуженно. — Он... исчез!

— И это все, мистер Шерлок Холмс? — спросила Надя.

— Не-ет! — торжествующе сказал Ленья. — Ты меня за кого принимаешь? Меня за такую работу выгнали бы из кружка кинолюбителей! Сюжет должен быть закончен!

Пока он это говорил, на экране дрожала черная вклейка, мерцающая искрами и черточками. И появилось здание. Наезд — во весь экран — вывеска. На ней написано: «Районная библиотека № 29». Отъезд — в библиотеку входит Гусь.

Все изумленно охнули. Гусь вышел из библиотеки с толстенной книгой в руках, листая ее на ходу. Толкалин остановил изображение — Гусь с книгой.

— Действительно... — растерянно сказала Надя.

— Ну!!! — ликующе завопил лентописец. — Гусь с книгой! А? Тут что-то не так! Видали когда-нибудь Гуся с толстой книжкой? Я лично не видел!

— И я, — тихо сказала Виолетта.

— Да, мы не видели... — еще раз повторил Ленья.

— С ума можно сойти, — сказала Лена. — Сначала эти мальчики. А потом книга — это уж вообще...

— По-моему, — сказал Ванюша, — что-то вы чересчур... мнительные. Мало ли что?

— А мы-то тебя с ним назначили доминошников уговаривать. Мало ли что... — сказала Лена. — Может, те его в шею толкать вздумают... особенно эта джаз-банда.

— Я пожалуйста, — согласился Ванюша. — Хоть ваша

олимпиада не для меня, зато я для вашей олимпиады — всегда пожалуйста.

— Вот, — сказала Надя. — Ты, Ванюша, с ним и поговори. Он к тебе с уважением относится.

— А ко мне все с уважением относятся... — Черные глаза Ванюши засмеялись.

10

Юра пришел из своей парикмахерской гораздо позже, чем ему полагалось. Остапу и Женьке самим газ включать не разрешали, и они, страдая оттого, что суп в холодильнике совсем застыл и стал невкусным, сидели на диване и жевали хлеб. Колбасы тоже не было — ее еще утром съел Женька.

— Я такой голодный — прыгать не смогу, — сказал он. Остап ничего не сказал.

— Вот честное слово... я сразу упаду...

— Перестань ты, — проговорил Остап.

— А что перестань? Ты знаешь, что с голодным человеком происходит? У него в желудке клетки сами себя начинают переваривать. И получается язва... или рак... Ой, — завопил он. — Как болит! — и схватился за живот.

Он лег на кровать, стена и охая. Остап стал лихорадочно думать, что же ему такое дать. Кефир выпили, молоко тоже, хлеб надоед, а лук просто так жевать не станешь. Ох, и попадет же Юрке от мамы!

И когда уже совсем замирал от разных болей Женька, Юра открыл дверь.

— Почему дети вопят? — весело спросил он.

— А потому, что голодные! — крикнул Женька.

Юра выложил на стол кучу пакетов. Запахло ветчиной, апельсинами и копченой рыбой. Женька подлетел на кровать от восторга. Юра пошел разогревать суп, прихватив с собой и ту толстую книгу, которую он вчера принес. Братья притихли, жуя ветчину.

— Ну, я вам и дам по организму... — сказал из кухни Юра.

— А что? — сказал плаксиво Женька. — Мы ничего...

— А я не про вас! — счастливым голосом ответил Юра. — Я не про вас... Ищи, голова, выход — шляпу куплю.

— Ой! — сказал Остап. — Юрка что-то задумал!

Он подкрался сзади и посмотрел на открытую страни-

цу — там были изображены всякие скульптуры голых людей с могучими мускулами.

— Ищи, голова, выход — шляпу куплю... — еще раз сказал Юра и прочитал громко: — «На время Олимпийских игр прекращались...» — Что прекращалось, Остап так и не узнал, но брат почему-то погладил сам себя по голове и сам себе пообещал: — Шляпу куплю. — После этого он торопливо накормил мальчишек, вымыл апельсины, щелкнул обоих братьев по носу и умчался.

Ванюша не застал его дома. И вышел во двор, соображая, куда мог податься Гусь. Уже темнело. В углу двора кто-то горячо почти ругался. Ванюша присмотрелся. Гусь стоял возле доминошников с книгой в руках и тыкал в нее пальцем. Джаз грохотал в гараже. Ванюша кинулся на подмогу. Теперь книгу читал вслух один из доминошников.

— «На время... Олимпийских игр, по традиции... запрещались все войны... столкновения, побоища, стычки...»

— Читайте, читайте! — горячился Гусь. — Никто не скандалил, не ругался даже! Не мешал! Воюющие стороны примирялись! Все для игр! Все улыбались и делали друг другу только приятное! Вы что, хуже древних греков?

Доминошники тоже понемногу начали улыбаться.

— Две с половиной тыщи лет прошло! — разглагольствовал Гусь. — Семьдесят поколений сменилось! Мы уже сами почти что сменяемся! Не в Древней Греции, слава богу, то есть слава истории. Ведь я-то это понимаю, а несовершеннолетний еще... А вы все тут совершеннолетние, а вон дядя Миша даже депутат!

Дядя Миша, известный на весь город столяр-краснодеревщик, сказал в бороду:

— Да, братцы, тут тебе не рыба...

— Трудно вам, что ли, стол передвинуть? Вот вы, дядя Петя, дворник у нас, да еще какой дворник! Вы что же это — места во дворе столу не найдете?

— Ты погоди, — прервал его сухонький старичок. — Чего ты, как поп! Проповеди тут про древних греков читаешь. Ну, я дворник, так что...

— Мда-а, — еще раз крикнул бородатый дядя Миша, — придется ребятам подсобить...

— Можно... чего там... Конечно... — загудели пристыженные доминошники. — У нас своя игра, у них своя, да еще олимпийская...

— Их-хи-хи! — от души рассмеялся сухонький дворник.

Гусь широким жестом выложил на стол лист бумаги, на котором что-то было написано.

— А это что? — Дядя Миша взял бумагу, надел очки и прочитал вслух: — Расписка. «Мы, нижеподписавшиеся, обязуемся не мешать олимпийским играм и даже во всем содействовать...» — Он поперхнулся и поднял глаза на Гуся. — Ишь, бюрократию развел!

— Я лицо подотчетное, — уважительно сказал Гусь. — Я это не для обиды... Я-то вам и так верю...

— Ладно уж, — сказал дядя Миша, — подпишемся... Раз поручение это тебе. Я уж один за всех... — и расписался.

Гусь схватил расписку и помчался на пустырь, где копались в моторах автомобилисты, так и не заметив возле себя Ванюшу. Он остановился возле новой «Волги» Ивана Ивановича, некоторое время стоял остолбенело — так, что Иван Иванович даже немного испугался.

— Ты что? — спросил он, откладывая в сторону ве-тошку.

— Какой зверь! — пропел Гусь, жмурясь. — Гепард!

— А-а... — протянул Иван Иванович голосом старой бабушки.

На лице его заиграли лучи... «внутреннего света», — подумал Гусь про себя, — собственник!

— А что, Иван Иванович, — сказал он почтительно, — по-моему, только у вас во всем городе такая красавица!

— Да! — гордо сказал Иван Иванович.

— Только вы мало на ней ездите! — заметил он. — Надо бы хватать километры, жать...

— Это в твоём возрасте хватают и жмут, — сказал Иван Иванович. — Я же пока только обкатываю мотор...

«Ну да, — подумал Ванюша, — а сам ездит на трам-вае».

— Вы увлеченный человек, Иван Иванович, — сказал Гусь. — И у нас... у нашего коллектива... к вам огромная просьба... вы нас поймете...

И он стал то же самое, что и dominoшникам, говорить Ивану Ивановичу. Иван Иванович растерялся.

— Вы, как директор передовой артели... — Гусь говорил как на митинге.

Иван Иванович в первый раз не стал его даже слушать. Во второй раз, когда Гусь подошел к нему и сказал: «Вы, как директор передовой артели...» — Иван Иванович сел в

машину, хлопнул дверцей и уехал со двора. Но уже в тридцать третий или, может быть, в сорок пятый раз, когда Гусь подошел к нему и, не соблюдая знаков препинания, сказал: «Выкакдиректорпередовойартеливыполняющейпланыидальшеперевыполняющей», — тут Иван Иванович поднял руки и покорно последовал «примеру» любителей домино и почетных пенсионеров, согласившихся отодвинуть свои скамейки к самому забору. Он подписал расписку. Веселые мотоциклисты спорить не стали и поставили свои росписи все подряд.

Но когда Юра двинулся в сторону гаража, грохочущего аргентинским танго, Ванюша подошел к Гусю вплотную и сказал: «Тут я с тобой». И Гусь не стал спорить.

Вечером Гусь звонил в дверь к Наде и, не переступая порога, с видом небрежным и важным протянул ей кучу бумажек.

— Это от частных владельцев машин... Это от джаза... они играть не будут, а будут играть. Себе, то есть, не будут, а нам будут — спортивные марши. А это от Ивана Ивановича... — Он вручил расписки Наде, сложив их веером.

11

В субботу, на следующее утро все проспавший Иван Иванович раскрыл окно, чтобы свежий воздух ворвался в квартиру, и замер. На каменистом пустыре под руководством дяди Миши, известного столяра-краснодеревщика, сооружались трибуны. Мотоциклисты, те, кто не уехал куда-нибудь на отдых или экскурсию по побережью, ютились в углу двора. Стол доминошников стоял теперь возле самого забора. Среди тех, кто привычно стучал домино уже по утрам, нашлись и сварщики, и каменщики, и один почти художник, который чертил на листах фанеры какие-то фигуры. Одна, изображающая дискобола, уже стояла, сверкая белой краской, прислоненная для просушки к дереву.

Гусь прошел мимо окна Ивана Ивановича, сердечно махнул ему рукой и крикнул:

— Порядок!

Иван Иванович побледнел и закрыл окно.

Сегодня Гусь в строительстве олимпийского стадиона не участвовал. У него было другое общественное поручение. Он шел на стадион — проситься к Гене в ученики.

На стадионе было пусто. Один Ларионов беспощадно гонял себя по гравийной дорожке, приседал, прыгал.

— Ген, а Ген! — Гусь позвал его еще издали.

Ларионов остановился.

— Ну? — нахмурился он.

Гусь вышел на гравийную дорожку, по которой Гена собирался бежать, приняв позу спортсмена «на старте».

— Научи меня прыгать... — Гусь умоляюще сложил ладони. — Ты видишь, у меня ноги перспективные, мне все так говорят. Возьми меня в ученики...

— Все дурачишься? Уйди с дороги...

Гусь встал на колени:

— Гена, возьми меня в ученики...

— Ты что, за дурака меня считаешь?

— Таков закон. — Гусь поднялся и отряхнул брюки. — У каждого мастера должны быть ученики!

Ларионов, закусив губу, помчался на него с шестом наперевес. Гусь не сдвинулся с места, глядя на Гену, как на приближающийся поезд.

Ларионов легко перемахнул через него, промчался дальше и взял высоту... Юра подбежал к стойкам.

— Три метра семьдесят один сантиметр... — почти шепотом восхищенно сказал он и завопил: — Гениально!

Ларионов, недовольно оглянувшись, увидел в глазах Гуса неподдельное восхищение и смягчился.

— Да что там! — сказал он. — Олимпийский рекорд Кука и Джилберта восьмого года.

— Восьмого? — удивился Гусь. — Так недавно? Гена, поучи меня, я тебя прошу, честное слово! Я могу с двумя чемоданами забор перепрыгнуть... Я раньше недопонимал, а теперь... научи...

— С двумя чемоданами? — недоверчиво спросил Гена. — Ты серьезно?

— Честное слово! Я у бабушки в деревне всегда с чемоданами прыгал!

— А почему с чемоданами?

— А потому, что у нее собака злая. Я как приеду, так с чемоданами — через забор. А знаешь, какие чемоданы. Там даже тушонка в банках — мама посылала.

— И как ты бежал?

— А вот так я бежал... — Гусь поставил планку на высоту бабушкиного забора, разбежался и — прыгнул! — Так-то что! Вот с чемоданами...

— А ну-ка, покажи еще раз...

Гусь показал и спросил:

— А когда тренироваться-то будем?

— А мы уже тренируемся!

Домой они шли, дружно разговаривая, настолько дружно, что бабушка Антона Филимонова высунулась из окна и сказала:

— Это что такое творится? Гусь-то ваш с Геней сдружился?

— Понимаешь, — говорил Гена, — до девяностого года прошлого века прыгуны не передвигали левую руку к правой по шесту. — Ларионов на ходу показывал, как они держали руки. — Они вот так их держали, и при разбеге и при установке шеста. У первых прыгунов был шест с грузом свинца, больше пятнадцати килограммов, на переднем конце... Это для того, чтобы шест занимал вертикальное положение, как Ванька-встанька...

Под спокойный голос Ларионова, в приподнятом настроении от строгой похвалы Гены, Гусь размечтался... Он представил себе шест, прозрачный такой, с ртутью внутри. Он нарисовал себе такую картину, как он бежит — упор! — в прозрачном шесте ртуть резко устремляется вперед к опорному концу! Гусь взмывает над планкой... и падает на кучу опилок прямо перед транспарантом: «Ура» лучшим дворовым командам нашего квартала! Тут же вскочив, Гусь мчится дальше со своим шестом, снова взмывает над планкой, установленной уже более высоко, и опять падает на кучу опилок перед новым транспарантом: «Физкульт-привет прыгунам нашего района!» Гусь, продолжая свой бег, берет новую высоту. Новый транспарант: «К новым вершинам!» И нарядная Лена Гуляева машет ему платком из рядов восхищенных зрителей.

— Вот так наши спортсмены находят свой стиль... — говорил Гена. — И ты имей все это в виду...

«Батюшки мои, — подумал Гусь, возвращаясь на землю с небес своей мечты. — Все прослушал. Придется завтра сделать вид, что не понял».

А чтоб Гена что-нибудь такое не спросил, Гусь сказал:

— Слушай, Гена, пойдем завтра на море?

— Какое море? Завтра тренировка, тренировка и тренировка! И послезавтра то же самое, и всегда будет то же самое... Если не нравится — отказывайся сразу...

— Тогда сейчас пойдем на море... мы же уже тренировались.

— А кто за нас на спортплощадке будет работать?

Двор преобразался. Капитончик красил зеленой краской скамейки для зрителей. Ванюша вместе с сухоньким дворником мастерили чашу для олимпийского огня — оказывается, до пенсии дворник был сварщиком. Металлическая круглая чаша цвела фиолетовыми огнями. Фейерверки в честь будущих побед летели из-под электрода. Дядя Петя разогнулся, поднял «забрало» и сказал Ванюше:

— После чоновского отряда я пошел по призыву в ЧК. Бандитов вылавливали... Так что, парень, всякие разные приемчики я хорошо знаю до сих пор. Ты не смотри на мой рост и комплекцию, и даже на возраст...

— Что вы, — сказал Ванюша, — разве это имеет значение?

«Забрала» опустились, и олимпийская чаша снова вспыхнула цветами и фейерверками... Филимонов и Капитончик таскали в ведрах песок из большой кучи на дорожку. Лена в милом голубом сарафанчике красила сетку, отгораживающую спортплощадку от двора. Несколько пенсионеров срезали лопатами кочки на пустыре, а Надя с малышкой таскали охапки травы к мусорным ящикам. Зинка из пятого подъезда, у которой нос не подошел для общественного поручения, и все остальные мальчишки и девчонки что-нибудь да делали. Каждая физиономия светилась самым высоким накалом трудового энтузиазма. Все происходящее венчал лозунг «Дадим олимпийские! Равняемся на Ларионова!»

Гена засучил рукава. Рукавов, конечно, не было, но было такое движение.

— Где моя лопата? — громко спросил он.

— И моя? — спросил Гусь.

— Твоя вон там, возле песка, — сказала Надя Гусю. — А ты, Гена, иди домой! Ты работать не будешь. Нас много, а ты один. Отдыхай, набирайся сил! Тренируйся...

— Ты что? — воскликнул Гена. — Что я — хуже других? Или лучше других!

— Мне не нравится твое дыхание... — озабоченно сказала Надя. — Тебе нравится, а мне нет. Мы решили тебя беречь!

Ларионов некоторое время метался по площадке. Он готов был свернуть горы. Но горы оказались неприступными.

Он постоял несколько минут рядом с дискоболом, фанерные мышцы которого были так напряжены, точно он собирался метнуть диск туда, где синий морской горизонт сливался с синим горизонтом неба. Гена постоял, постоял и поплелся домой, сопровождаемый грустным взглядом Гуся.

12

Филимонов сидел на диване, мрачно глядя в бабушкину спину. Интервидение передавало репортаж о международном чемпионате по боксу. Бабушкина спина отражала все удачи и неудачи на ринге. Бабушка то посмеивалась, то пугалась, то восторгалась, довольно умело делая при этом выпад правой, как будто сама посылала в нокаут всех побежденных, кроме, конечно, своих, советских боксеров. Когда проигрывали они, она обыкновенно, по-бабушкиному, как и положено, охала, комкала фартук и прижимала его к лицу.

— Ах, Антошенька, — говорила бабушка. — Когда в двадцать седьмом году у нас при клубе организовали женские команды в кружке бокса, я записалась первая...

Потом бабушка стала рассказывать, как она стала мотогонщицей.

Все это Антон уже знал. Можно было сейчас повернуть голову направо и посмотреть на большой, желтый от времени снимок, на котором тоненькая девушка в боксерских перчатках стояла на ринге с другой девушкой, потолок, тоже в боксерских перчатках, а тренер им что-то объяснял. И еще там был один снимок — тоненький мальчик в тесном шлемчике летел на мотоцикле с трамплина, и колеса сливались под ним в некие туманности. Это был, конечно, не мальчик, а его бабушка...

«Наверное, я тоже когда-нибудь буду дедушка, — мрачно подумал Антон, — и повешу в квартире фотографию, где я так красиво застыл над планкой». Он подумал это просто так, потому что вообразить себя дедушкой не мог.

— Антоша, — обеспокоенно спросила бабушка. — Что с тобой? Ты весь какой-то черный!

— Я устал... — сказал Антон. — Вон сколько песку перелопатили сегодня...

— А почему не работал Гена? Он заболел?

— Нет, — сказал Антон. — Он у нас знаменитость и наша надежда. Мы его бережем.

— Молодцы, — похвалила бабушка. — Хотя мы в наше время ни для кого не делали исключения...

И она пошла на кухню заварить чайку — она очень любила перед сном с внуком попить чайку и повспоминать что-нибудь героическое из дедушкиной жизни или что-нибудь забавное из своей. О маме и папе она говорила всегда как о чудаках, милых чудаках с милыми странностями, из-за которых они оба занялись теоретической физикой, странной наукой, которая делает человека сидящим за столом и пишущим множество непонятных вещей на листах, больших, как детские пеленки.

«И все-таки непонятно, почему они решили зазнавать только Генку, — сумрачно думал Антон. — Я же не собираюсь бросать прыжки! Значит, и я могу заболеть звездной болезнью! Ну, и что из этого, что я прыгаю на один сантиметр ниже? В конце концов, на пьедестале почета кроме первого места есть и второе! Что, они хотят, чтоб когда-нибудь второе место занял какой-нибудь американец?»

Сегодняшний чай не доставил Антону почти никакого удовольствия. Он отставил чашку и подошел к окну. На своем балконе Виолетта Левская устроила скрипичный концерт. Молдавские мелодии улаждали слух всех, кто еще не спал. И, возможно, слух Ларионова, который, возможно, тоже еще не спал.

А Ларионов уже почти спал. Вообще-то он должен был в этот час спать совсем. Но под подушкой у него лежала открытка с Незнакомкой, он почувствовал рукой прохладную поверхность картона и видел, борясь со сном, сиреневые ее глаза, глядящие прямо на него... Гене казалось, что молдавские мелодии звучали из тех окон, которые были за спиной Незнакомки. Когда он заснул, мелодии превратились в прозрачные голубые волны, в какие-то искры на них, в какие-то большие теплые цветы над морем.

В своей маленькой комнате стояла перед зеркалом Лена. Родители играли в столовой в лото вместе с Иваном Ивановичем и его женой. Когда Иван Иванович говорил «барабанные палочки... кочерга и восемь девок», казалось, что это говорит его жена. Когда жена густым басом называла числа, казалось, что это говорит Иван Иванович.

— Я надеюсь, — тоненько говорил сосед, — что двор

наш занят только на время этих... олимпийских? Я надеюсь, что спортплощадка не станет двором окончательно? Я уже третий день не выкатывал свою ладушку.

А Лена смотрела на себя в зеркало. Она взяла мамин голубой карандаш и нарисовала своему отражению веки голубым. Потом черным карандашом она удлинила своему отражению глаза. Потом взяла сиреневую помаду и нарисовала на зеркале свои губы. Она подняла волосы вверх — не понравилось. Она положила их над ушами кольцами. Вот ей бы, Ленке, и быть иллюстрацией к купринской Олеся, так хороша была Ленка в зеркале. Она отодвигалась от нарисованных губ и глаз — и смотрела на нее обыкновенная, хоть и симпатичная школьница. Она возвращала нарисованным губам свое отражение — и какая там была яркая пастушка с древнего гобелена, какая там была Олеся, какая там была... Лена даже придумать не могла, что там еще такое было!

Лена стояла, замерев, и воображала рядом с собой не Антона, нет, а Гену! Гену с широкими плечами, глазами зеленоватого цвета, Гену с его будущим волевым спокойным лицом. Она воображала какое-то будущее время, и в зеркале она была старше, и Гена там в зазеркалье был совсем взрослым, и на груди его на широкой ленте — медаль, и он стоит с ней рядом, не на пьедестале почета, разумеется, а уже после, когда спортсменов снимают для памяти с дорогими ему людьми...

Лена медленно стерла все краски с зеркала, медленно вздохнула, медленно пошла к постели... взяла книжку. Но читать не стала. Молдавские мелодии тихо качали ее, и мечты необычайно прекрасные сменяли одна другую. «Как хорошо быть красивой», — думала Лена, вспоминая растерянные глаза Гуся.

Надя закрыла окно. Было душновато, но лирические напевы, которые с таким старанием исполняла Вита, мешали ей работать. Она погрузилась в одну из папок, держа в это время руку на раскрытой странице новой книги, купленной братом. Надя смотрела то в книгу, то в папку на конспект, потом взяла лист и написала: «Звездная болезнь должна подкрадываться к человеку незаметно, постепенно, поражая...» Что поражая?

— Надюша! — Мама встала в дверях. — Я не для того

родила тебя на свет, чтобы ты уже с детства сгорала от работы. Нормальные дети нормально летом отдыхают... Мне не нравится твой образ жизни.

— Мамочка, — сказала Надя холодно, — я не глупостями занимаюсь, я делаю серьезное дело. Еще полчаса.

— О господи! — вздохнула мама, она уже начала привыкать к этой фразе, ее к ней приучил сын. — И что за дети у меня!

Скрипка еще играла, и Надя с удовольствием подумала о том, что Вита Левская хоть и легкомысленная девочка внешне, на самом деле вполне работоспособный и деловой человек.

Ванюша и дворник сидели на скамейке возле дискобола и сохнувшего на ветерке Геракла. Дворник курил и рассказывал разные истории о своем чоновском отряде и о поисках бандитов в узких переулках старого города, от которого уже мало что осталось.

— Вот там, где теперь продовольственный магазин «Универсам», — говорил дворник, — была раньше маленькая бакаленная лавочка с проходным двором. Он весь такой был извилистый...

Ванюшина мама хотела было покричать сына к чашке кефира на ночь, но решила, что беседа с таким человеком, как дядя Петя, будет ему полезнее. Она отошла от окна, поставила чашку кефира на тумбочку возле Ванюшиной кровати и накрыла ее розеткой для варенья.

— Все, — сказала Вита Лёне. — Я больше не могу... Я в Брюсселе столько не готовилась к выступлениям. У меня уже плечо отнялось.

Леня поправил очки, кивнул и поднялся со стула.

— Спокойной ночи, — сказал он. — По-моему, сегодняшний сюжет вполне даже ничего получился... Я снял все, что мы делали на спортплощадке, я даже снял первые прыжки Гуся...

Он бежал по лестнице на свой четвертый этаж, и сердце его пело. Он понимал, что все делает правильно, и ничего, что он работает много — будущая его профессия призывала его к тому, чтобы он воспитывал в себе выносливость.

Двор погрузился в темноту и тишину. Скрипка умолкла.

Перестал подвывать взволнованный игрой крапчатый сеттер Казбек на кухне Филимоновых. Спали Остап и Женя. Луч настольной лампы из кухни падал на два колена пятиколенной бамбуковой удочки возле их кроватей. Юра читал ту самую большую книгу, с помощью которой ему удалось победить сопротивление доминошников, мотоциклистов и даже Ивана Ивановича.

13

Забавная штука, думал Гена, шагая по стадиону за Гусем, — все было как-то как положено, все было спокойно и хорошо. Но почему-то сейчас стало как-то не так, совсем не так, но тоже хорошо, хоть и по-новому, по-другому... Что-то такое внутри появилось теплое, совсем не спортивное, как бывало, когда он маленьким сидел на завалинке деревенского дома, который родители снимали на лето, когда солнышко припекало и молодая листва только начинала дымиться в березняке зеленым, горьковатым дымком первой весны. Тогда хотелось бежать по лужам, пускать кораблики, лезть на забор. Что он, конечно, и делал. Тогда они жили не на юге, они жили на Смоленщине. И вот вдруг ни с того ни с сего как будто обрушилось на Гену то смоленское настроение...

Ветер дул с моря, уже с утра горячий, пахло мокрыми лодками, просмоленными канатами и чем-то еще, пахло портом и кораблями. Гена стряхнул с себя свое раздумчивое, непонятное настроение, сказал:

— Ну, Гусь, давай! Давай, Гусь! Смотри, Гусь!

Гена побежал, Гена оттолкнулся, Гена влетел!

— Гениально! — завопил Гусь.

Гена взял еще одну высоту. Гена летел на крыльях своего непонятного ему настроения...

— Да здравствует белая зависть! — завопил Гусь. — Я тебе белой завистью завидую!

Ларионов отошел.

— Беги теперь ты!

Гусь долго и забавно примерялся, с некоторым страхом глядя на планку, которая была значительно выше бабушкиного забора.

— Три тридцать... — сказал Гена. — Не подкачай!

Гусь прыгнул — сбил планку. Вернулся с горестным лицом. Прыгнул еще. Опять сбил!

— Давай, давай! — крикнул Гена. — Не раскисать! Гусь отчаянно ринулся на третью попытку. Фонтаном взлетели под ногами опилки.

— Взял! — заорал Гусь, ваясь на спину и дрыгая ногами.

— Еще не совсем чисто, не совсем! — сказал Гена. — Смотри!

Гусь смотрел, стоя почти на четвереньках возле дорожки. Смотрел... и увидел — на заборе Ленья Толкалин и еще какие-то личности с киноаппаратами снимали этот великолепный Генин прыжок.

— Не мешайте! — завопил Гусь. — Вот проныры.

Гена приземлился — он был в воздухе как в воде дельфин. Не техника — ювелирная работа!

— Чего вам опять? — спросил он Леню.

— Делаем кинограмму твоих прыжков... — невозмутимо ответил Толкалин. — На сегодня довольно. — И команда кинооператоров исчезла за забором.

— Ну, народец! — сказал Гена. — Знаешь, старик, из тысяча восемьсот девяносто шестого года ты, пожалуй, вырос, подумай теперь о тысяча девятьсот четвертом... об олимпийском рекорде Дворака в Сент Луисе.

— А сколько это? — перетрусил сразу же Гусь.

— Три пятьдесят пять...

— С трех тридцати сразу три пятьдесят пять? — ужаснулся Гусь.

— Не сразу, а постепенно... — сказал Гена. — У тебя, старик, действительно перспективные ноги... Ну, начинай... Разомнись еще немножко...

Гусь с готовностью побежал по кругу. Гена отошел в сторонку, чтобы сесть в тени и посмотреть, как Гусь бежит. И на траве, рядом с брюками и рубашкой увидел... открытку с Незнакомкой. Сердце его горячо стукнуло. Он поднял открытку.

Внизу было написано чертежным шрифтом: «Таинственная незнакомка»...

Они расстались с Гусем за стадионом — Гусь торопился к своему дяде Жене на корабль. У магазина «Хозяйственные товары» Гена столкнулся с Леной — она несла в сумке новую веревку.

— Привет! — сказал Ларионов.

— Здравствуй... — ответила Лена, замедляя шаг. — Чего это ты такой сегодня скучный?

— Ни капельки... — скучно улыбнулся Ларионов.

— А-а-а... — протянула Лена.

Они с полквартала прошли молча. Печально постукивал Генин шест.

— А через неделю отборочные соревнования... — сказала Лена.

— Отборочные? Уже? — встрепнулся Гена.

— Тебе-то чего волноваться? Кворум тебя от наших отборочных освободил. Вне конкурса...

— Вот еще! — возмутился Гена. — Я как все... Как все!

— Хорошо... — Лена пожала плечами. — Сам знаешь — твое слово для нас закон... Мы знаем уже, что победа будет за нами... Ты же Ларионов!

— Ну, вот — заладили...

— Взгляни, какие облака... — как-то особенно возвышенно сказала Лена. — «Тучки небесные, вечные странники...» Кучевые облака.

А в небе не было никаких облаков. В небе был бумажный змей — пожалуй, величиной с простыню, хотя на такой высоте он особенно большим не выглядел. Зато можно было прочесть наискось написанное слово: «Ларионов».

Даже не подняв головы, Ларионов рассеянно ответил:

— Да... Очень кучевые облака...

Лена беспомощно вздохнула. Они проходили мимо Дворца пионеров. Там во всю огромную ширину окна расположились на синей бумаге самые разные корабли. Военные и невоенные, целая выставка макетов. На флагмане торгового флота золотыми буквами название «Ларионов». На нефтеналивном танкере красными буквами — «Ларионов», на крейсере тоже — «Ларионов». И на борту рыбачьего сейнера — «Ларионов». Хорошо поработала среди ребят своего кружка Зинка из пятого подъезда!

— Взгляни, какие корабли... — сказала Лена, — какие необычные корабли...

Гена только взглядом скользнул, не читая названий, и, снова глядя себе под ноги, согласился:

— Да, корабли очень необычные...

Снова вздохнув, Лена повела его дальше. Шли они तेменной стороной улицы, но все равно было жарко. Гена вынул из кармана платок, чтобы вытереть потный лоб... Из кармана выпала открытка с Незнакомкой.

Лена подняла.

— Понятно... — сказала она, возвращая ее Гене.

Ларионов торопливо порвал открытку.

— Ничего не понятно... какая-то ненормальная подсыывает... Дура...

— Ненормальная?! — вспыхнула Лена. — Дура?!

— Ага, а в прошлый раз даже цветок подложила... Как его... космический...

— Некрасиво чужие секреты выдавать... — обиделась Лена, как бы ревнуя к самой себе. И действительно, он же не знает, кто ему посылает открытки, а выдает первой встречной. А если бы сейчас перед ним оказалась не она? Хорошо было бы это по отношению к ней?

Ларионов начал оправдываться:

— Лен, ну ты не сердись... Я же не кому-нибудь... я же тебе!

— А я тут... при чем? — спросила Лена, тем не менее польщенная его словами.

— Ну... мы же... соседи... вместе учимся!

— Ах, вот почему... — потускнела Лена. А она-то думала, что он совсем другое имел в виду. — А я думала... — так и не сказала она.

— Что я — болтун? Честное слово, я никому бы, кроме тебя, не сказал!

— Да? — холодно спросила Лена.

И они поглядели друг на друга почти враждебно.

Взглянув на часы, Лена остановилась возле магазина «Голубой огонек». За стеклом на добром десятке экранов — Лёня Толкалин. Телевизоры включены на полную мощность, и голоса доносятся на улицу. Ведущий спросил:

— Вы считаете, что ваша работа над фильмом уже закончена?

Лёня с достоинством ответил:

— Как сказал скульптор Огюст Роден: работа не может быть закончена, она может быть оставлена. Давайте посмотрим...

И на всех экранах появилось название картины: «Ларионов». У витрины собралась кучка прохожих, с любопытством глядя, как тренируется Ларионов, снятый скрытой камерой.

— Вот тут, — сказала Лена, — он как-то не так тебя показал... Что-то не твое в лице... — сказала Лена. — Очевидно, не рассчитал свет.

Прохожие все сразу обернулись на Гену. Гена покраснел и стал выбираться из толпы. Разошлись и другие зрители. Лена одна осталась стоять возле телевизоров, на которых обаятельно улыбался Гена.

Под одинокой лампочкой над подъездом стояли и о чем-то говорили Филимонов и Надя. Вита Левская доигрывала свой лирический концерт. Лёнины очки блестели возле нее. Антон и Надя устало опирались на лопаты.

— Значит, ты отказываешься? — сердито спросила Надя. — Отказываешься от поручения кворума?

— Я сказал... — В голосе Антона прозвучали железные нотки. — Я не могу быть подхалимом! Не могу!

— Все понятно... — сказала Надя. — Я сразу же заметила в тебе разные там нездоровые тенденции. Ты сразу же внутренне оторвался от коллектива...

— При чем тут коллектив? У меня характер такой... И вообще...

— Что вообще? — спросила Надя.

Антон неопределенно посмотрел куда-то в сторону.

— А ничего...

— Еще пожалеешь, Филимонов!

— Может, и пожалею... — проговорил он. — Но все равно не хочу и не буду!

— Как хочешь! — холодно сказала Надя и скрылась в подъезде.

Антон с тоской послушал, как простучали ее шаги по ступеням, как звякала лопата... Потом хлопнула дверь, и все стихло.

Филимонов вынул из кармана кусок мела, глядя, как за большим окном на втором этаже Гена Ларионов читает книгу. Четкий профиль его рисовался на стекле. И прежде чем уйти домой, Филимонов нарисовал на стене дома резкой линией ларионовский профиль с непомерно выпяченной высокомерной губой.

Тихо было во дворе и пусто. Когда стало совсем темно и почти во всех окнах погасли огни, осторожно вышел из подъезда Гена с лопатой и исчез в темени спортивной площадки. Заскрипело плохо смазанное колесо тачки. Лопата рвала дерн и скрежетала о камни. Но этого никто не слышал. Даже Надя спала крепким сном.

Ларионов-старший и Ларионов-младший рано утром вышли из подъезда.

— У тебя что-то глаза усталые... — сказал отец.

— А... сон снился, — ответил Гена.

И оба они вдруг остановились, как будто дорогу им перегородил ручей. На асфальте крупными буквами было написано: Ларионов.

Ничего не сказав друг другу, они направились к воротам. На передовице стенной газеты, отражающей ход строительства стадиона, несколько раз повторялось, как магическое заклинание, то же самое слово: Ларионов!

— Да, тяжело тебе... — сказал, наконец, папа. — Столько пылких надежд... А вдруг подведешь?

Гена ничего не ответил. Возле соседнего с ними дома случилось и вовсе невероятное. Из открытого окна третьего этажа им улыбалась очень красивая девушка. Совсем незнакомая девушка улыбалась им, как лучшим знакомым. Гена ее не заметил, но заметил папа. Он очень удивился, поздоровался. В руки ему упал букетик цветов. Гена остановился.

— Только маме не говори, — сказал папа смущенно. — Я, честное слово, ее не знаю...

Он хотел понюхать букетик и ткнулся носом в записку. Папа развернул ее, прочитал и сказал хмуро:

— Тебе...

В записке было написано:

«От болельщиц нашего квартала».

— С твоей известностью, — сказал шутя отец, — нам вполне могли бы трехкомнатную квартиру дать.

Гена, как во сне, шел до стадиона, как во сне, разделся, как во сне, потянулся за шестом. На опорном ящике лежала новая открытка с Незнакомкой. На этот раз на ней было написано:

«Вы даже не ответили на мое письмо»...

Ларионов оглянулся. Никого... Он задумчиво побрел по дорожке. Потом снова стал читать послание.

— Действует... — сказала Надя, глядя на все это через щель забора.

Ларионов разбежался было, но снова достал открытку.

— Готов, — сказала Надя. — Пиши новую незнакомку! Капля долбит камень не силой, но частым падением.

Теперь он будет раздражаться, станет высокомерным, станет рассеянным... У-ра!

Ларионов сидел на опорном ящике и задумчиво смотрел в никуда. Потом достал из кармашка карандаш и что-то написал. Затем попытался прыгнуть, взлетел тяжело, сбил планку... Какое-то время постоял, глядя на море. И, положив шест на плечо, ушел со стадиона, рассеянно улыбаясь.

Надя и Лена выждали минут двадцать, Надя перелезла через забор, взяла открытку. Внизу было приписано: «Как вас зовут?» Лена тянулась через плечо подруги:

— Ну, что там?

— Да погоди...

Лена выхватила открытку:

— Это мне!

— Что? — поразились Надя. — А разве он знает — кому?

— Но ты-то знаешь... — беспомощно сказала Лена.

— Я, конечно, знаю. Что не тебе, а нам! Нам всем...

— Да-да, конечно... — вдруг опомнилась Лена, которая вовсе не хотела, чтобы даже Надя о чем-то догадывалась. — Видала? Тренировку сорвал! — И с вызовом добавила: — А записка все-таки мне, раз вы мне поручили!

Но Надя это уже не слышала. Она думала, как же дальше быть.

— Пиши... — сказала она. — Назначай свидание... в парке у фонтана.

Гена засыпал, расслабляясь по системе Селянина, не зная, что Гусь подглядывает через реденькую штору, как Гена успокаивает себя. При этом и Гусь сам себя успокаивал. Надя поручила ему нарисовать спящего Ларионова, но не ночью же было подглядывать, как Гена спит. Кроме того, Гусь не очень был доволен таким поручением — все-таки учит его Гена, а он тут... но тема была такая, что Гусь решил это поручение исполнить. Гусь должен был нарисовать Гену во сне и назвать эту картину «Олимпийское спокойствие».

За спиной Юры трепетно ждали, когда уснет Гена, Филимонов и Гуляева. Занавески шевелил ветер.

— Спит... — сказал Гусь, доставая из кармана бумагу и карандаш.

Ларионов, который до этого лежал тихо, вдруг дрыгнул ногой и сказал во сне:

— Левая нога... должна быть... как стрелки... на часах... в положении без пяти шесть...

— Тренируется, — восхитился шепотом Гусь. — И во сне тренируется!

— Вот именно, — мрачно сказала Лена. — Надо разбудить. Это не сон — так спать.

— Нехорошо срывать тренировку, — сказал Гусь, — пусть хоть во сне никто ему не мешает.

Ларионов дернул ногой еще раз и пробормотал:

— Сейчас возьму... рекордную...

— Надо будить, — повторила Надя. — Если уж срывать тренировки, так срывать до конца!

— погоди, — попросил Гусь. — А вдруг возьмет рекордную?!

Ларионов сдвинулся всем телом на кровати, так что ноги протиснулись сквозь прутья спинки. Затем резко надвинулся на подушку и замер.

Все переглянулись.

— Интересно, взял или нет? — забеспокоился Гусь. — Взял или нет рекордную?

— А ты спроси, — посоветовала Надя. — Вдруг ответит?

— Ларионов, — тихо окликнул Гусь, — взял рекордную или нет?

— Не взял... — спокойно ответил сам себе спящий Ларионов.

— Честный человек и во сне честный, — с уважением сказал Гусь.

— Да разбудите же его, дайте человеку отдохнуть... — приказала Надя.

— Гена! — рявкнул Гусь.

От такого вопля Ларионов прямо-таки взвился над кроватью, как над планкой. В комнате никого нет. Ларионов ошалело сел, свесив ноги. «Переутомление, — с некоторым испугом подумал он. — Надо размяться». Он вышел на балкон. На шахматном столике снова лежала открытка. «Завтра после двенадцати у фонтана в городском парке», — прочел он. Ветерок шевелил длинные листья того же самого космического цветка. Только этот был еще пышнее и подходил на целый букет.

Гена посмотрел во двор. Там по-прежнему строили, ко-

пали, сыпали песок. Дворник дядя Петя устанавливал спортивных греков вдоль главной аллеи. Антон подпиливал дискболу слишком уж большой нос. Никто не обращал на Гену внимания. Вышел на балкон Женька с пряником в руках.

— Кто-нибудь тут был? — спросил Гена.

Женька посмотрел на него и ничего не ответил. Он попятился в комнату, и вместо него вышел Остап.

— Кто-нибудь тут был? — спросил Гена снова.

— Нет, — сказал Остап. — Мы только что пришли. Дверь у нас была закрыта...

Гена хотел окликнуть Гуся, который что-то рисовал на столе у доминошников. Но в это время во двор вошла группа мальчиков и девочек с барабаном и красным флажком, промаршировала туда, где Надя с Леной обкладывали кирпичами клумбу. Все бросили работу.

— Мы — делегация! — громко сказал мальчишка лет одиннадцати, которого Гена видел как-то в соседнем дворе.

— И мы, — сказала девочка, которую Гена никогда не видел.

— И мы... — оказалось, что тут было целых три делегации.

Надя вышла вперед, и представитель каждой делегации протянул ей конверт. Девочка сказала голосом председателя пионерского отряда, рапортующего на линейке пионервожатой:

— Прослышав о вашем почине, мы вам заявляем, друзья, что это уже не причина, присваивать игры нельзя!

— Наши олимпийские игры вызывают ваши олимпийские игры на соревнование! — сказал мальчик из соседнего двора.

И спортплощадка превратилась в спортивную площадку.

— Подражатели!

— Сарынь на кичку!

— Кто вас звал?

— Выискались на готовенькое!

— А чемпион вообще всех ребячьих олимпийских у нас во дворе живет! Мы с вами и не собирались соревноваться! Куда вам!

— Как это чемпион, как это у вас... и как это живет? — удивился мальчик. — Он, может быть, вовсе даже у нас!

— Покажите! — заорал форум.

— Как можно его показать? — удивился мальчик. — Его покажут соревнования!

Форум раскатился хохотом и свистом.

— Вот он! — сказал Капитончик. — Вон, на балконе, можете полюбоваться! Игр не было, а чемпион уже есть! Гена попятился и исчез в дверях.

— Мы к вам по всем правилам! — сказала девочка, которую Гена не знал. — А вы... вы... — Можно было подумать, что она сейчас заплачет.

Тогда Надя, все время о чем-то думавшая и смотревшая на все молча, вдруг сказала:

— Ребята, тихо!

Из подъезда выскочил Леня с киноаппаратом. Пока он бегал, что-то произошло на площадке. Все стояли тихие, Надя строго смотрела на делегатов.

— Вызов принят! — сказала Надя. — Кроме того, мы принимаем вас на свою площадку.

— Ну, что ж, — солидно сказал мальчик из соседнего двора. — Пусть будет так. Раз вы придумали игры. Мы готовы принять участие в работах на вашем стадионе.

— Поможем! — закричали делегаты. — Где инструмент? Куда становиться?

Толкалин метался, снимая, снимая...

— А может, все снова повторим? — умолял он. — А? Ну... снова... Какое начинание! Какое...

15

«Идти или не идти? — думал Гена, уже приближаясь к парку. — Идти или не идти?» Однако ноги несли его сами и донесли до кустов сирени возле фонтана и там остановились. Гена стал всматриваться во всех, кто там был. Вот к фонтану подошла какая-то девочка, повертела головой. Она? Но к ней подбежала подружка, они стали болтать и торопливо куда-то умчались.

Еще девочка! Она шла медленно, в красном платице, волосы у нее были черными. Она ела мороженое и загадочно смотрела по сторонам. Она была очень хорошенькая, но она прошла мимо, даже и не подумав задержаться хоть на минуту.

И вдруг! Красивая, желтоволосая девчонка с красными бантиками в коротких толстых косах, заносчиво держа головку на высокой шее, до невозможности тоненькая, подо-

шла к фонтану, ступая ногами в первой позиции, как балерина. Зачерпнула ладошкой воду, перелила сверкающие капельки в другую ладошку и счастливо засмеялась. Посто-яла, разыскивая кого-то глазами, обошла вокруг фонтана...

Гена начал перемещаться к ней, скрываясь за кустами. И... внезапно налетел на Лену, которая, так же за кустами прячась, напрасно высматривала у фонтана его.

— Здравствуй, — испуганно воскликнула Лена. — Ты что?

— Здравствуй, — растерянно сказал Гена. — А ты что?

— Гуляю... — сказала Лена, поправляя оборку на новом розовом платице.

— Я тоже... гуляю...

Лена перехватила его взгляд в сторону «балерины» и помрачнела.

— Ну, до свидания! — вспыхнув, сказала она, подчеркивая всем лицом, и голосом, и легким жестом загорелой руки это слово — до свидания.

— И никакое не свидание! — слишком горячо воскликнул Гена и уж совсем по-глупому сказал жалким голосом: — Гуляю я...

— Не выдумывай! — Лена с ненавистью посмотрела на «балерину», хотя при чем тут была «балерина», ведь на свидание-то он пришел к Лене!

— Ничего я не выдумываю... — сказал Гена.

— Оно и видно!

Балерина, взглянув на часы, рассерженно топнула ножкой и пошла к выходу из парка, ступая ногами как обыкновенные люди, без всяких позиций.

Гена сделал движение за ней.

— Иди-иди, — сухо сказала Лена, — я тебя не держу! Дон Жуан!

— А ты... ты... Шерлок Холмс! — выпалил Ларионов. — Ты за мной следишь!

Лена посмотрела на него многозначительно:

— Если уж так, это ты за мной следишь! Да будь моя воля, я бы с тобой и разговаривать не стала!

Ларионов ничего не сказал больше, он просто повернулся и пошел в глубину парка.

— Гена... — жалобно сказала Лена вслед. — Гена... я не хотела...

Он даже не обернулся...

Она грустно села на краешек фонтана. Вода звенела за ее спиной, но если кому-нибудь пришлось бы в голову посмотреть на Лену чуть сбоку, то ему показалось бы, что серебряные струйки льются, льются из ее глаз.

Настроение у Гены было совсем неважное, когда он пришел во двор, уже гудевший приготовлениями. Сегодня должны были состояться отборочные соревнования. Для вдохновения на спортивный успех на судейском столе уже сегодня стоял главный приз олимпийских игр — дюралевая ваза под серебро, на которой был выцарапан гордый профиль Ларионова.

Свой двор стал похож на чужой — столько набежало ребят из соседних дворов, наверное, со всего квартала. Над зрителями уже взлетали кепи, тубетейки, панамы, платки с козырьками. После каждого подкидывания поднималась кутерьма — с воплями и хохотом зрители разыскивали свои головные уборы, потом оживленно менялись. Девчонки сидели в кепках, мальчишки в соломенных шляпках с соломенными цветочками...

— Скорее, Гена, — крикнула Надя. — Из-за тебя все задерживается.

Возле судейского стола выстроились шестовики — Филимонов, Гусь, мальчик из соседнего двора, которого все называли Мишей, какие-то еще мальчишки. Гена пристроился к ним.

Ребята поочередно штурмовали высоту. Первым разбежался Гусь. Прыжок — планка сбита. Еще прыжок — сбита опять. В третий раз Гусь взял высоту! По просьбе Филимонова планку установили выше. Разбег — высота взята. Болельщики загудели. Миша пошел на ту же высоту, что и Филимонов. И взял! Раздались вопли: «Мы говорили!», «А они говорили — чемпион у них живет!», «Миша, бери выше!». «Ура!» — вопили соседи.

— Гена! — орали свои. — Бери выше Миши! Гена не подкачай! Дай фору, Гена!

Усмехнувшись — тоже мне, Миша! — Гена разбежался... И — не взял.

— Поднимите планку! — крикнул он в отчаянной тишине. Планку подняли. Гена закусил губу и помчался.

И снова — неудача.

— Гена! Гена! Генка! Геночка-а-а!..

Глаза Гены как будто туманом закрыло. Третья попытка!

— Не взял! — завопил Миша.

Растерянно переглянулись судьи.

Обидно засвистели зрители.

Яростно кричал им что-то Ларионов. Прыгал, тряся кулаками, Ванюша, готовый выбросить из-за стола самым жестоким приемом Надю, лицо которой не выражало ничего, кроме холодности, — буквально пять минут назад Ванюша узнал, что Ларионова специально зазнавали, специально отвлекали... Шум стих. И тут произошло неожиданное.

— Случайность! — крикнул Ларионов. — Я требую четвертой попытки!

— Это почему же четвертой? — спросил пренебрежительно герой дня Филимонов. — Ты кто такой, чтобы четвертую?

— Я Ларионов! — вызывающе ответил Гена. — Ларионов!!

Стало совсем тихо. Пошептавшись о чем-то с судьями, Надя поднялась.

— За требование четвертой попытки, зазнайство и... — Голос ее потонул в криках, топоте и свисте. Надя взяла рупор, сделанный из ватмана, и крикнула:

— Ларионова дисквалифицировать!

— Ну и не надо! — закричал Ларионов всему стадиону. — Не надо! И не буду прыгать, никогда не буду! Станете просить — все равно не стану!

Под дружное улюлюканье соседей Гена, спотыкаясь, уходил со спортивной площадки. За ним помчался Ванюша, оглядываясь и грозя судьям крепким своим кулаком.

Остап вышел на балкон, пролез между лестницей и стеной на половину Ларионовых и заглянул в открытую дверь. Гена ничком лежал на кровати, а над ним стоял, потрясая кулаками, Ванюша и говорил:

— Я им всем головы поотрываю! Вот! Я не посмотрю, что они девчонки! Я Капитончика пополам переломаю!

Остап вежливо остановился и тихо сказал:

— Не ругайся. Они же его лечили!

Ванюша вытаращил гневные индийские глаза и спросил:

— Это что еще за явление?

Гена сел, вытер щеки.

— Как это лечили? — спросил Ванюша. — Не лечили, а калечили!

— Надя сказала, что когда прививают оспу, то тоже бывает плохо — и температура, и... вообще болезнь бывает. Зато потом человек не болеет оспой.

— Господи, — сказал Ванюша. — Как это понимать?

— Так... — сказал Остап. — Они говорят, что зато потом он никогда уже не зазнается, не отвлечется, не раскиснет... ну, когда он станет чемпионом настоящих Олимпийских... ведь эти-то не настоящие.

— Уходи, — сказал Ванюша, — без тебя разберемся!

— Не плачь, — попросил Остап, — когда мне корь прививали, я, честное слово, не плакал... и когда от дифтерита уколы ставили, я тоже не плакал... Пожалуйста..

Он потихоньку вышел, опять пролез к себе. Гена говорил:

— Да мне надо было все эти надписи стирать, мне надо было возражать, а я...

— Ну, надо же, — сказал Ванюша. — Ну, надо же, что эта Надья вытворяет... А ты-то что?

— А что я? — ответил Ларионов, размазывая кулаком слезы. — Не знал... не знал я, что я такой.

На опустевшей спортивной площадке, после того как уже вывели мусор, снова собрался кворум. Филимонов на этот раз был счастлив, все остальные — подавлены.

— Вот, что я вам говорила... — сказала Надя. — Я не ошиблась... Только как-то все равно его жалко...

— Ну, — сказал Филимонов. — Теперь надо зазнавать меня!

— Хорош гусь! — воскликнул Гусь.

— Ты серьезно... Или шутишь? — сказала Лена.

— Шучу? — горячо вскричал Филимонов. — Я — шучу? Вы ему вон как, а мне? Что я — хуже? А если я потом зазнаюсь? Я сейчас хочу зазнаться, чтобы не потом...

Лена сказала грустно:

— А ты уже зазнался...

— Ты уже зазнался, — сурово проговорила Надя. — И, кажется, не сегодня. Это я виновата... просмотрела... Я теперь жалею, что все это придумала... Потому что... потому что... мы все, кроме вон Капитончика и Гуся, зазнались...

— То есть? — удивилась Лена. — Это как же?

— А так же... — сказала Надя. — Я решила, что самая умная, ты — что самая красивая, Ленка — что самый-самый-пресамый из своих кинооператоров. Так выступал, что противно было в телевизор смотреть. Родена вспоминал! Работу можно оставить, а не закончить! Один Капитончик нормальный остался да Гусь — вот он вообразил, что он хороший и может прыгать, и стал хорошим и прыгнул...

— Значит, так? — сказал Антон. — Значит, на попятную? Значит, меня по боку?

— Что? — спросила усталым голосом Надя.

— Ничего! — распалился Филимонов. — Я тогда тоже выступать не буду, раз ко мне никакого внимания нету! Я за другой город выступлю, за Владивосток, у меня родители туда, наверное, переберутся... Даю вам двадцать четыре часа на размышление, все равно вам без меня никуда! Вы без меня провалитесь!

Кворум потерянно молчал.

— Ладно, — сказал Филимонов, — перейдем на самообслуживание.

— Положеньице... — пробормотал лентописец Толкалин, сам себя записывая на магнитофон.

С балкона лились молдавские мелодии. Вита продолжала трудиться на научный опыт.

— Ты ей скажи, чтоб она перестала... — попросила Надя. — Уже хватит...

Кворум уныло и постепенно расходился.

— Пиррова победа, — сказала Надя, когда они остались вдвоем с Леной.

— Понимаю... — откликнулась Лена. — Пиррова! Пир во время чумы. Я теперь понимаю, почему зазнайство называют звездной болезнью. Потому, что это именно болезнь... мор! Филимонова подкосила, до нас добралась... А вдруг и Гусь? Я теперь ни в ком не уверена...

— Да, — сказала Надя, — самое главное наше открытие в том, что... болезнь действует... повально! Как инфекция... Надо об этом сказать брату...

— И еще какая... — сказала Лена. — А кто в ответе?

Они посмотрели друг на друга.

— Ты в ответе... Только не обижайся... — сказала Лена. — Вот когда будешь врачом, думай лучше... серьезней...

Опыты не должны быть жестокими? — спросила она. — Это тебе... На всю жизнь... — сказала Лена.

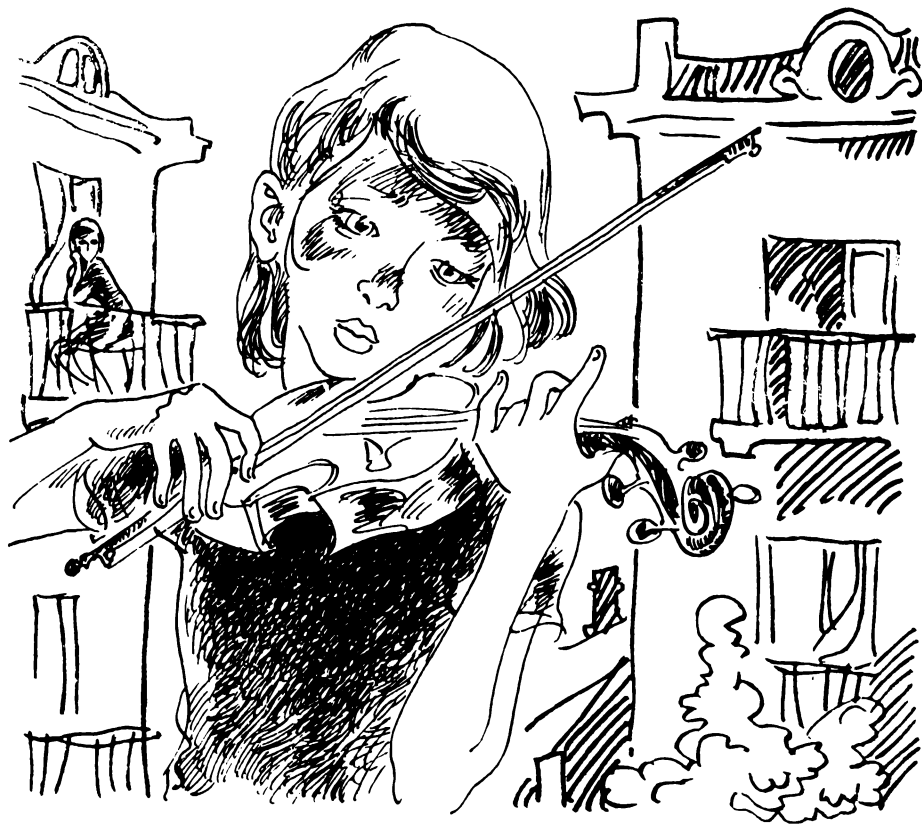
— Олимпийские мы теперь проиграем... — не слушая ее, сказала Надя, — проиграем потому, что у нас кроме Филимонова и Гуся-то нет серьезных претендентов на чемпиона. А Филимонова я зазнавать не хочу... Его и так бацлла славы поразила глубоко... Пусть думает...

— Ну, я пойду... — сказала робко Лена.

— Иди, — ответила Надя. — Я еще посижу, все равно мама у меня тоже в командировке...

Надя осталась одна.

Спустя минут двадцать чья-то тень замаячила на асфальтовой дорожке. Надя узнала Гену и окликнула его.

Гена подошел, присмотрелся и сказал, какой-то другой Гена, другим голосом сказал:

— Мне все Ванюша рассказал... Ладно уж... Раз так... Я сам виноват. Я не знал, что я такой. Ты понимаешь? Вот жалко только, что на олимпийских не буду выступать. Хотелось бы...

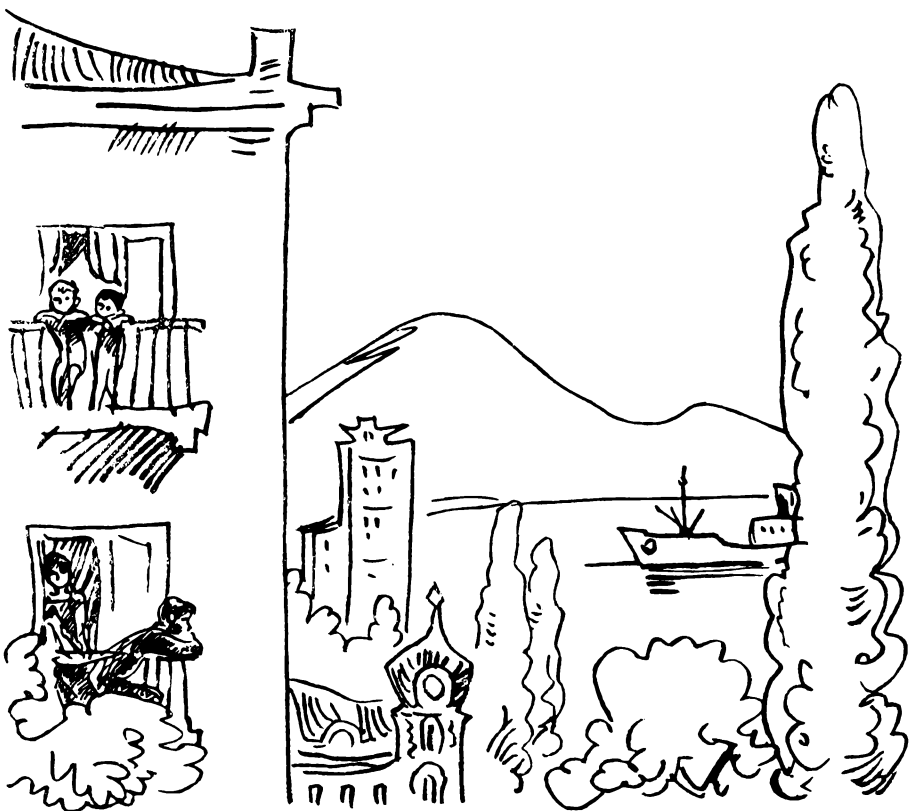
— Почему не будешь? — сказала Надя. — Будешь! В качестве тренера. Ведь ты вон как Гуся подготовил!

Гена засмеялся.

— Ты чего? — спросила Надя.

— Ничего... — сказал Гена, — вот я уже и в отставке.

— Не в отставке, — сказала Надя, — а как бы в отставке.

Дворник дядя Петя встал рано. Он вышел во двор и в смущении кашлянул. Весь асфальт был расписан мелом. Только теперь вместо фамилии Ларионова было написано «ФИЛИМОНОВ». Он поднял глаза на окна Филимоновых. Вся балконная дверь была расписана лозунгами, только не так, как у Гены. У того все слова кричали внутрь, в квартиру, а у Филимоновых — во двор! Дворник развел руками, изумляясь такой перемене привязанностей и восторгов. «Ах, как нехорошо!» — сказал про себя дворник и стал мести асфальт. Антон поглядывал из-за шторы, какое впечатление на ребят и на всех жителей двора произведет такая его популярность, — он так старался почти до рассвета!

Антон вышел во двор.

Малышня собиралась понемножку, те, что постарше, устраивали на спортплощадке свои «соревнования». Филимонов подошел и вынул из кармана пачку хрустящих фотографий с уже заготовленным автографом.

— Налетай! — крикнул он. — Цып, цып, цып!..

Налетели все, кроме Остапа и Женьки.

— А мороженое будет? — спросили «болеельщики».

— Будет и мороженое.

Женька чуть было не шагнул к Филимонову. Остап дернул его за руку.

— Я тебе дам!

— А вы чего не берете?

— Не хотим... — сказал Остап.

— Жалеть будете... — сказал Филимонов, раздавая фотографии желающим мороженого так, как будто кормил зерном цыплят.

Надя и Гена, точно сговорившись, разом захлопнули свои окна.

Филимонов и бровью не повел.

Он подошел к стенду, где висела газета с заметкой о Ларионове. Оторвал ее и приклеил другую, которая называлась «Взлет Филимонова».

Поздним вечером Гена шел по парку. Он шел по знакомому парку, к знакомому фонтану... Он одиноко постоял возле него и углубился в узкую аллею. Становилось все темнее. Далеко остались позади огни главной аллеи. Ветви деревьев грустно шелестели над головой. И вдруг впереди

мелькнул огонек. Появился странный столбик света, будто кто-то нажал кнопку карманного фонарика и направил его зачем-то в небо. Быстрый легкий бег, звенящий плак дорожки — и мимо Ларионова пронеслось какое-то чудное видение, на миг мелькнувшее в свете фонарика, поднятого, как факел, — девочка, стремительная, как полет стрелы. Все это произошло быстро, мгновенно! Потом луч вдруг ударил ему в лицо, раздался вопль. Ларионов закрыл лицо от слепящего луча. А когда луч погас — только затихающие шаги слышал он вдалеке. Глаза опять привыкли к темноте, различили контуры деревьев и что-то маленькое и темное на дорожке. Гена нагнулся и поднял... тапочку с шипами.

Тихо было в аллее, лишь шелестел листьями заблудившийся в деревьях ветер. Ларионов долго стоял с тапочкой прекрасной незнакомки, как сказочный спортивный принц со спортивной туфелькой спортивной Золушки...

Гусь бегал, бегал, бегал... Ларионов сидел рядом и не спускал с него глаз.

— Куда у тебя, нога, куда? — кричал он. — Руку держи правильно... вот так... А ну, еще...

Тапочка и прекрасная незнакомка не выходили из головы. Не выходили, потому что сегодня он снова нашел под опорным ящиком такую же открытку. На ней ничего не было написано, но как-то совсем уж грустно, точно прощаясь с ним, смотрела «Незнакомка» Крамского на Гену.

Недалеко от них бегали девчонки...

— Погоди... — сказал Гена Гусю. — Погоди, я сейчас...

Тапочка с шипами! Значит, это какая-то такая девочка, которая обязательно занимается здесь! Бегуны отдыхали. Тапочки кривой шеренгой стояли у забора... Гена ожидающе смотрел, кто подойдет к тем, которые самые маленькие, точно такие, как та, что сейчас у него дома... Та? Или эта? Геннадий загадал и, закрыв глаза, стал ждать. Когда он открыл глаза, то увидел, что шиповки самые маленькие надевала... самая низенькая, самая толстенная девочка с короткими черными волосами, похожая на совушку... Вот тебе и раз!

И Гена разочарованно отошел.

У Лени Толкалина распахнулось окно, и лентописец заверещал на весь двор:

— Идите сюда! Все идите сюда! И ты! — крикнул он Гусю.

Торжествующе глядя на Гуся, лентописец зарядил кинопроектор кассетой с пленкой. Он сказал:

— Юра! У нас от тебя тайн никаких, а у тебя...

Гусь насторожился.

— Мне домой надо...

— Успеешь, — сказал Леня Толкалин.

Застрекотал проектор, и на холсте экрана появилась беседка в чужом дворе, а в беседке Гусь, подвязанный женским фартуком с ножницами в руках. Трое длинноволосых подростков сидят, а четвертый подошел к Гусю. Гусь взмахивает ножницами и начинает рассматривать затылок клиента... У него почтительное выражение лица.

— Стоп, кадр... — засмеялся лентописец.

Но никто больше не засмеялся.

— Ты перестарался, — сказала Надя.

— Конечно, — сказал Гусь. — Я бы мог и обидеться, если бы не знал, что Леня хороший человек. Что тут особенного? Я учусь у дяди Жени. Я хочу стать парикмахером...

— Парикмахером? — удивился Леня.

— Да, науфермансом! На большом торговом судне... — сказал Юра. — А что?

— А я думал, что к тебе подозрительные лица ходят и что они вдруг могут на тебя повлиять...

— А я на них сам влияю... Я их делаю неподозрительными, — сказал Гусь.

— Проверни свою пленку дальше.

— А дальше нет... — сказал Леня. — Дальше у меня пленка кончилась.

— Жаль... — искренне сказал Гусь. — Какие у них головки получились, пальчики оближешь... Модерн!

— Красота! — обрадовался Леня. — Гусь, а значит, ты... А мы-то... Я тоже хочу модерн!

— Все хотят модерн, — сказала Надя. — Чтоб к олимпийским ты нас подстриг!

— Запиши... — сказал Гусь. — Вот это запиши, Толкалин!

Толпы мальчишек и девчонок, взрослых и даже стариков из всех переулков шли в этот день во двор, где через час должны были начаться олимпийские игры. Раздавался праздничный грохот джаз-оркестра. В углу двора стояли озадаченные и расстроенные Надя и Лена.

Надя листала папку и жутким голосом говорила:

— Все продумали. А где возьмем олимпийский огонь? Чем зажжем факел? Ведь мы не в Греции!

— Ах, Надя, Надя... — сказала Лена, просияв. — Как где? Он везде! Он светит нам, как и древним грекам! Огонь Олимпа — Солнце! Дайте лупу!

Надя мучительно ждала, пока луч солнца ударит в одну точку. Ждала, ждала — и вот факел вспыхнул.

А одинокий Ларионов стоял недалеко от них и смотрел — на Лену. Он смотрел на нее так, как будто не верил своим глазам...

— Ой, — сказала Лена, — забыла! А шиповка! У меня же только одна!

— Возьми мою... мою... мою... — окружили ее девочки. Но ни одна тапочка не подходила, ну, совсем не в пору была.

Тогда Ларионов сказал:

— Возьми... свою...

И поставил перед Леной на песок ее шиповку — маленькую тапочку с острыми, как у розы, шипами.

Лена медленно подняла голову и сказала:

— А где ты был? Мы же тебя обыскались!

— Я же не знал... — сказал Гена. — Я же не знал, чья тапочка...

— Да я не про тапочку! — сказала Надя. — Я про Гуся! Прыгун тут, а тренера нету! Ты знаешь, какое у него сейчас состояние?

— Так разве мне разрешили?

— Разрешили! — закричала Надя незнакомым никому, веселым, человеческим, не научным голосом. — И во-о-обще!

Загремела труба.

Лена подняла факел, рванулась, помчалась мимо дискобола, мимо Зевса-громовержца, мимо, мимо... В «олимпийской чаше» вспыхнул огонь. Зашумели зрители, пополз по флагштоку «олимпийский флаг» — пять колец, пронзенных шестом! И во двор пошли ребята, широкими шагами, неся плакаты: «Шире дорогу маленьким спортсменам

в большой спорт нашего города!», «Выше голову и ноги», «Уважай сильного, дружи с равным, помогай слабому!», «Каждый ребенок — физкультурник»... Взрослые, особенно мамы и дедушки, вытирали глаза платочками.

Прошли «улица Достоевского», «двор детдома номер один», «двор работников автобазы», «седьмой «Б» класс второй школы». «Иностранные» команды: спецшкола номер три — за Великобританию, спецшкола номер один — за Францию, маленький грек с плакатом — «внук республиканца». И даже Африка — маленький негр-ребенок с табличкой «гость города, турист».

Филимонов один стоял недалеко от стадиона.

Стадион ревел так, как будто он был настоящий. Лицо Нади сияло невероятной гордой радостью. Планка не на рекордной высоте. Чуть ниже, но все же если Гусь возьмет, то второе место ему обеспечено.

Разбегается Гусь. Высота взята!..

— «И вдруг прыжок, и вдруг летит, летит как пух от уст Эола!» — шепнула Лена.

— Что? — спросила Надя.

— Пушкин... — сказала Лена, перехватывая восхищенный взгляд Ларионова. — Пушкин, — повторила она громко, — и Ларионов. Его работа. Он тренер.

А из своего угла на все это мрачно смотрел Филимонов. Он смотрел, как Гена расцеловал Юрку, как, обнявшись, они пошли в его сторону, как они все приближались и приближались к нему, счастливые и довольные. Антон попятился. Он бы сейчас с удовольствием провалился сквозь землю в полном смысле этого слова — такие были лица у Гуся и Гены, такие лица! Антон не выдержал и... улыбнулся.

— Поздравляю... — сказал он, — поздравляю... Победителей не судят. — Он со злости еще хотел добавить, что «победителям подсушивают...», но... удержался. «Второе место не стоит афоризма», — так подумал Филимонов.

Леня проявлял пленку и смотрел пока ее сам. Он смотрел, как поднимается на первое место пьедестала почета тот самый Миша из соседнего двора, как на второе место встает счастливый Гусь. А на третье место — кто-то из «французов». Как они поздравляют друг друга. Как Надя вешает им на шеи медали... совсем как настоящие медали, отлитые и раскрашенные представителями «Англии» в кабинете физики.

Он наслаждался своей работой, лентописец и кинооператор Толкалин, когда вдруг заиграла на своей скрипке Вита. Она снова заиграла молдавские мелодии. «Зачем? — воскликнул про себя Леня. — Вот бестолковая, ведь все кончилось уже!»

Он подбежал к телефону, набрал номер Витиной квартиры и попросил Витину маму позвать ее.

— Витка, ты что, с ума сошла? — крикнул он. — Ты с чего там опять? Прекрати играть эти мелодии, эти самые...

— Не прекращу... — сказала Вита.

— Но ведь это уже не нужно!

— Это всегда нужно, — сказала она и положила трубку. Красиво сказала, между прочим. И трубку на рычаг опустила тоже красиво. Изящно так.

Леня еще раз набрал ее номер. Телефон не отвечал. Молдавские мелодии плыли над двором. Он взглянул из своего освещенного окна на освещенное окно Виты Левской, потом перевел взгляд на землю. Ларионов и Лена стояли возле дискобола. Судя по их позам, они ни о чем не говорили. Они просто стояли. А усталый Гусь в это время спал. Спали его счастливые братья. И Филимонов тоже спал. Ему снился такой вещий сон—Надя ему будто бы говорит: «Таких, как ты, в Древней Греции изгоняли из города!» При этом она стоит в хитоне, как Афина, рожденная из головы Зевса, и говорит ему: «Вон!» — и показывает рукой направление своим указующим перстом. Потом в этом же сне два стража в милицейских фуражках, в хитонах и сандалиях на босу ногу провели его, Филимонова, куда-то в одежде, похожей не то на саван, не то на смирительную рубаху. Повели, повели и привели его в дом с колоннами, на котором висела вывеска «ЖЭК». Древнегреческий управдом в кепочке из льна и набедренной повязке достал домовую книгу и вычеркнул из нее Филимонова. Потом Филимонов во сне брел по улице в венке из чертополоха... Все расступались перед ним, и он брел к городским воротам, которые были закрыты на засов. Греческие ремесленники, тоже в тогах, но подпоясанных ремнями с пряжкой ПТУ, пробивают в стене узенький лаз. Филимонов ввинтился в этот лаз... Перед ним лежала темная степь... Он оглянулся — ремесленники заложили за ним в дыре последнюю щель. Филимонов остался в темноте... И зарыдал...

— Что с тобой? — Бабушка трянула его за плечо. — Что с тобой, детка?

— Что?! — Антон вскочил.

— Да что ты?

— Греки... — сказал он.

— Какие греки? Господи, до чего довели ребенка эти спортивные страсти!

Бабушка открыла окно — иплыла Витина музыка. Онаплыла вместе с ветром, сама такая же ласковая, как ветер. Антон потер лоб... Вздохнул... Жуткий какой сон... Хорошо, что он не в Древней Греции... Хорошо, что только приснилось...

А для кого играла Вита? Может, для всех, кто сейчас устал, кто перестал быть самим собой или стал самим собой... Вита играла долго, так долго, что ее никто уже не слышал. Потому что все уже спали. Спали олимпийские тигры. То есть какие еще там тигры — пока еще тигрята. А в будущем не тигры, а Тиграны Петросяны, будущие львы, ну не львы, а Львы Оборины, Львы Яшины, Майи Плисецкие... Спали те, кто был убежден, что в Олимпийских играх важно не только участвовать, но и побеждать. И спали те, кто был убежден, что в Олимпийских играх важно не только побеждать, но и участвовать...

СОДЕРЖАНИЕ

БАРАНКИН, БУДЬ ЧЕЛОВЕКОМ! 5

НЕПОХОЖИЕ ВЛИЗНЕЦЫ 121

КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ИЛИ 36 И 9 177

ОЛИМПИЙСКИЕ ТИГРЫ 247

Для среднего школьного возраста

Валерий Владимирович Медведев
КАПИТАН СОВРИ-ГОЛОВА ИЛИ 36 и 9

Повести

Редактор *К. К. Покровская*
Художественный редактор *М. В. Таирова*
Технический редактор *И. И. Калигонова*
Корректоры *Л. В. Конкина* и *М. С. Никитина*

Сдано в набор 6/VIII-73 г. Подп. к печ. 28/II-74 г. Формат 60×84¹/₁₆. Физ. печ. л. 20,5. Уч.-изд. л. 18,86. Усл. печ. л. 19,06. Изд. инд. ЛД-406. А05648. Тираж 100 000 экз. Зак. № 590. Цена 78 коп. в переплете. Вум. № 1.

Издательство «Советская Россия». Москва, проезд Сапунова, 13/15. Калининский полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавополиграфпрома Госкомиздата СМ РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

«СОБЕТКАБЕ ТЧЕД»